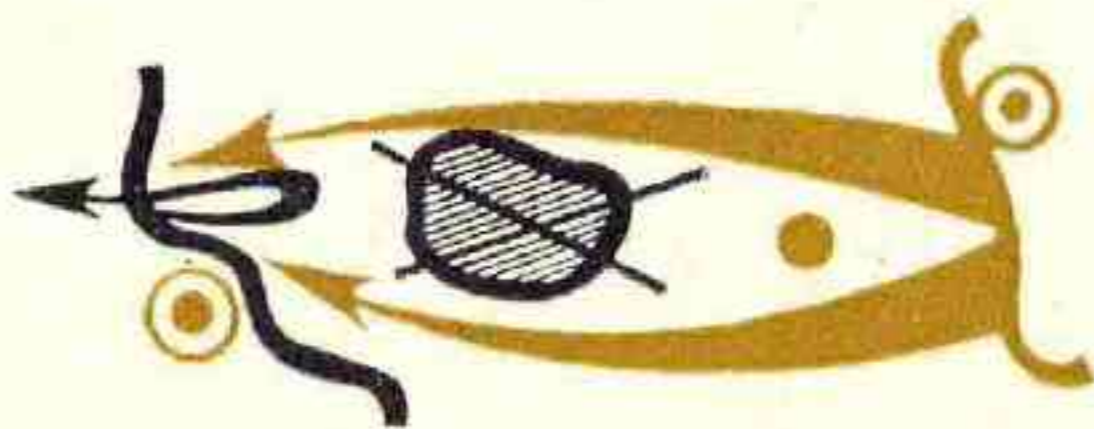
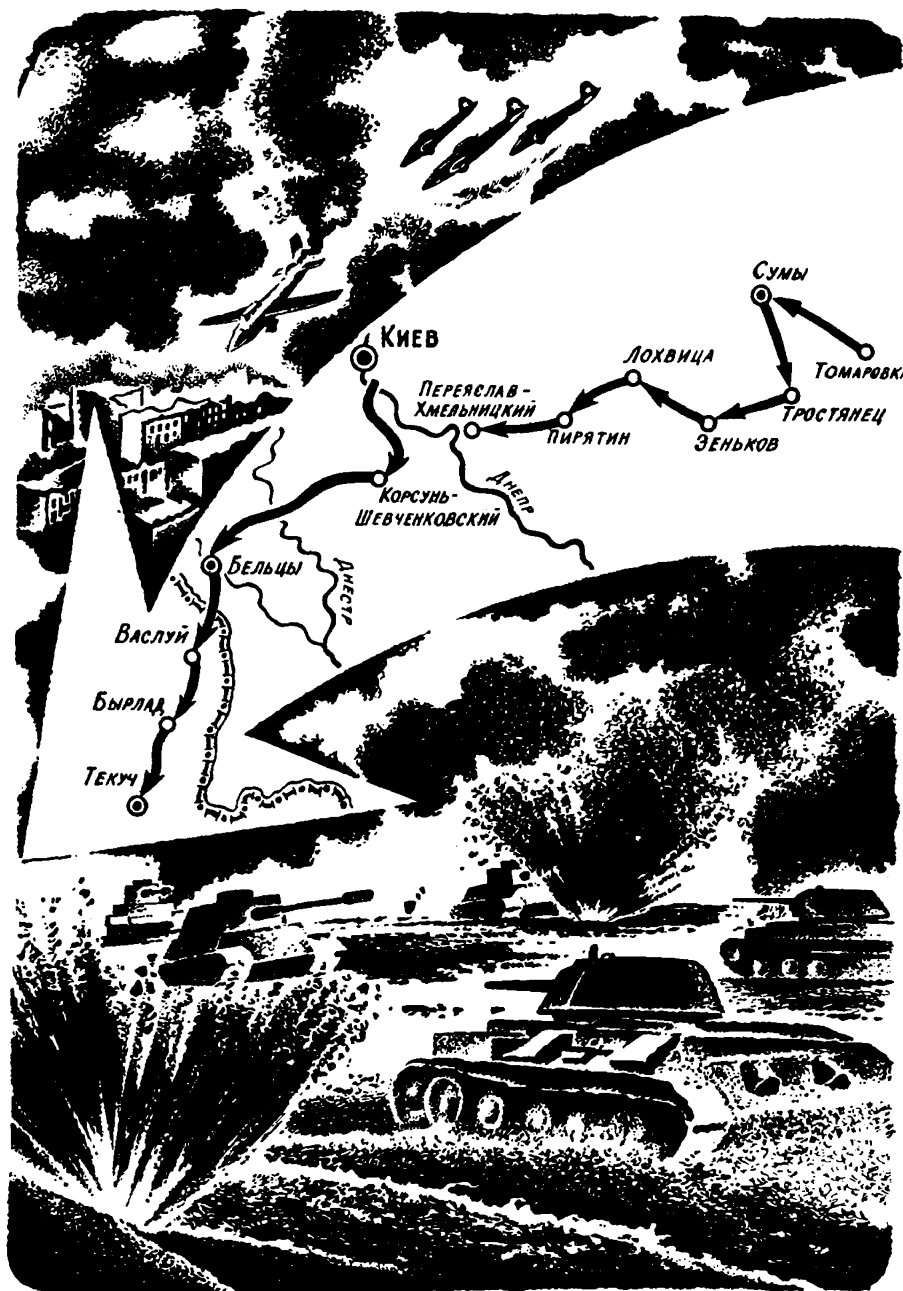

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

И. МЯЛИЦЫН

ТАНКИ ВЕЛ АЛЕКСЕЕВ

И. МЯЛИЦЫН

**ТАНКИ ВЕЛ
АЛЕКСЕЕВ**

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1978

Очередная книга серии «Замечательные люди Прикамья» посвящена Герою Советского Союза генерал-лейтенанту В. М. Алексееву. Он родился 1 января 1900 года в селе Молебка Красноуфимского уезда Пермской губернии и прошел путь, характерный для многих ровесников века. Трудное детство, работа по найму в Перми и Екатеринбурге, затем мобилизация в армию Колчака. Поняв, что оказался не на той стороне, перешел к красным и служил в армии Тухачевского. В 1920 году стал членом ВКП(б). Грамотного серьезного красноармейца направили на командные курсы, и с тех пор Алексей, где бы ни находился, всего себя отдавал служению Родине, партии. Особенно ярко военный талант Алексеева проявился в годы Великой Отечественной войны. Об этом периоде его жизни и рассказывает предлагаемая вниманию читателей книга.

© Пермское книжное издательство. 1978

В этой книге нет вымышленных имен, фактов или событий. Журналы боевых действий, приказы, донесения, оперативные сводки, отчеты и другие документы легли в основу повествования. Автор не ставил перед собой задачу художественного обобщения, строгая документальность — главное, к чему он стремился.

Автор приносит глубокую благодарность бывшим однополчанам Героя Советского Союза генерал-лейтенанта В. М. Алексева, чьи письма, воспоминания и рассказы оказали большую помощь в работе над книгой. Особая признательность — жене Алексева Александре Петровне и дочери Валентине Васильевне Борщ, а также дважды Героям Советского Союза генерал-полковнику А. Г. Кравченко и полковнику С. Ф. Шутову, Героям Советского Союза генерал-лейтенантам М. И. Савельеву, М. К. Шапошникову, генерал-лейтенантам Д. И. Заеву и В. К. Шанину, генерал-майорам М. Д. Божко, Г. Л. Туманяну, В. И. Филиппову, полковнику А. М. Белову, подполковнику П. П. Чепкову и другим.

Полковнику Василию Михайловичу Алексееву не спалось. Тихо, чтобы не разбудить соседей по купе, он оделся и вышел в коридор. Среднего роста, уже немолодой, но подтянутый, светловолосый, с пронзительными серыми глазами, с заметными следами оспы на умном лице, он задумчиво смотрел в окно на родные уральские пейзажи. Мелькали зеленые ели, позимнему обнаженные березы, холмы и поляны с чуть пробиравшейся травкой, островки почерневшего сахаристо-рассыпчатого снега в перелесках.

В это раннее весеннее утро пассажирский поезд Свердловск — Пермь шел мимо станций и полустанков, названия которых остро напомнили Алексееву его далекую юность. Шаля, Шамары, Шутем, Кордон...

Шумково. Обычная станция со стандартным желтым деревянным вокзальчиком, увенчанным шпилем. Но она особенно памятна для него. Четверть века назад пятнадцатилетним подростком приехал он сюда, за тридцать с лишним верст, из заброшенной в лесах деревни Молебки. В старой шубейке, в лаптях, с котомкой за плечами направился он на заработки в Екатеринбург.

Все это время он часто вспоминал родную Молебку на высоком обрывистом берегу Сылвы, трудные годы детства. Советская власть, Красная Армия выучили и воспитали деревенского паренька, вырастили из него боевого командира, доверили судьбы тысяч людей. И вот теперь назначение в Пермь. Алексеев смутно помнил город. Он знал его в ту далекую пору, когда был извозчиком у купца. Нелегко тогда жилось: ругань, насмешки, прозвище «деревенщина». Однако нынешнее назначение в Пермь радовало: впереди были встречи с боевыми друзьями по 82-й стрелковой дивизии, с которыми судьба свела его в далекой Монголии. Дивизия, сформированная в Перми, участвовала в разгроме японских войск на Халхин-Голе. За эту операцию комдив Алексеев был награжден орденом Красного Знамени.

Миновав лежащую в глубокой обширной котловине Кисерть, поезд пошел на подъем, несколько раз возвестив о себе паровозным гудком, звук которого приглушенным эхом повторил сосново-березовый лес. Через несколько минут справа открылась огромная излучина темной, почти коричневой от весеннего паводка Сылвы. Это была река его детства. Глядя на полноводный стремительный поток, Алексеев неожиданно для

себя подумал: «Вот порыбачить бы сейчас саком, как когда-то давным-давно».

Железная дорога извивалась вдоль крутого скалистого берега. На противоположной стороне Сылвы, уступами взбираясь вверх, до самого горизонта сплошной стеной зеленел сосновый лес.

Вот наконец и станция Пермь-вторая. Обычная спешка пассажиров, суতোлка с чемоданами. Быстро и легко полковник Алексеев сошел на перрон. У вагона трое военных. Это приехали встретить нового комдива формировавшейся в Перми дивизии заместитель командира, начальник штаба и комиссар. Высокий, серьезный, с седыми висками комбриг Ян Семенович Адамсон, полный, небольшого роста полковник Николай Матвеевич Маковчук, очень молодой, подтянутый, приветливый полковой комиссар Иван Петрович Беляев. С ними предстояло работать. Рукопожатия, малозначащие вопросы: «Как доехали, товарищ полковник? Что нового в Свердловске?»

Небольшая, многолюдная привокзальная площадь с крутым поворотом трамвайных путей. Впереди город, который не раз вспоминал Василий Михайлович. Через стекла черной «эмки» разглядывал он старые купеческие дома и новые постройки, стараясь сопоставить облик города с тем, что сохранила память. Нет, не узнавал Алексеев Перми. Среди старых особняков появились большие трех-четырёхэтажные здания с широкими окнами. Трамваи, автомобили, шумный людской поток на улицах.

— А Пермь я немного знаю, — задумчиво произнес полковник, — пожалуй, разберусь даже куда ехать, только вот, думаю, названия улиц сменились. Где мы сейчас едем?

— По улице Ленина.

— Не помню, как она называлась раньше, а вот ниже ее шла улица Петропавловская.

Автомобиль прошел мимо здания обкома партии и облисполкома, свернул на улицу Карла Маркса.

— А вот сейчас едем по Сибирской, — с улыбкой сказал Алексеев. — Не удивляйтесь, в пятнадцатом году работал в Перми извозчиком... Ну а что же нового построено в последние годы?

— Центр, товарищ полковник, в Перми почти не изменился. Растут окраины, строятся заводы и поселки около них. В центре появилась новая гостиница, строится речной вокзал, — пояснил Беляев.

За несколько дней Алексеев объехал все части дивизии. Знакомился с людьми, придирчиво осматривал технику, служебные помещения. Приглядывались и к новому командиру. Немногословен, сдержан. Обнаружив непорядки, не «распекает»

В. М. АЛЕКСЕЕВ. 1939 ГОД.

за них, а нахмурится, покачает головой и скажет командиру части: «Вы, очевидно, сами-то не очень любите проверять. Доверять хорошо, но проверять надо».

На первых порах новый командир дивизии многим не понравился. «Придирчив, педантичен, сух», — говорили о нем. Василий Михайлович это чувствовал, но оставался предельно требователен. Знал, что иначе нельзя. Международная обстановка становилась все тревожней. Началась война с Финляндией. И надо было научить действовать в бою каждого бойца, каждое подразделение, воинскую часть. И это было важно и необходимо

еще и потому, что боевая подготовка в дивизии отставала. Незадолго до его приезда комиссия Уральского военного округа, проверявшая тактико-строевую подготовку сформированной дивизии, вскрыла много недостатков.

Вскоре полки разместились в летних лагерях. Лес, землянки, палатки. По деревьям натянута провода линий связи. Напряженная жизнь армейских будней. Алексеев в первые же дни сосредоточил внимание на подготовке командного состава. «Нам надо прежде всего научить командиров, тогда дело пойдет», — говорил он начальнику штаба. Вскоре новый комдив организовал показательные учения, а позже требовал от командиров полков регулярно проводить такие учения со штабами полков и батальонов.

Алексеев считал, что боевой подготовкой должны быть охвачены все. Запретил отрывать от занятий бойцов и младших командиров. «С началом занятий в лагерях оставлять лишь наряд и больных. Весь личный состав, включая работников хозяйственного аппарата, должен находиться на полевых учениях», — писал он в приказе. И сам систематически проверял боевую подготовку частей, лично участвовал почти во всех дивизионных учениях.

Он понимал, что без высокой требовательности к командирам трудно добиться успехов. В одном из приказов Алексеев предлагал довести уровень дисциплины до требований военного времени. В связи с этим уплотнить учебный день, запол-

нив каждый час занятиями, использовать для строевой подготовки переходы подразделений на учебный полигон и обратно, командному составу запретить отлучку из лагерей.

Дочь Василия Михайловича Валентина Васильевна Борщ * вспоминала: «Летом 1940 года мы переехали из Тюмени, где жили после возвращения из Монголии, в Пермь. Отец все лето был в военных лагерях, много работал. Мы несколько раз ездили его навещать. Домой приезжал он очень редко, в основном когда надо было решить какие-то вопросы в обкоме».

Сохранился приказ, где полковник Алексеев определяет нормативы общевоинской подготовленности. Например, для того чтобы вырыть ячейку для стрельбы лежа, бойцу отводилось десять минут, с колена — двадцать, стоя — пятьдесят минут. Артиллерийская батарея должна была развернуться на марше и подготовиться к стрельбе за десять минут, за столько же времени связистам полагалось оборудовать полковой узел связи. Для того чтобы уложиться в такие нормы, требовалась серьезная тренировка личного состава. «Тяжело в учении — легко в бою». Суворовское изречение стало правилом, по которому шла жизнь в дивизии.

Василий Михайлович постоянно бывал в частях. Проверял артиллерийское и минометное вооружение, автотранспортный парк, караульную и внутреннюю службу. Если замечал какие-то упущения, не щадил командиров и комиссаров полков. Слушалось, объявлял и взыскания. Был уверен, что люди правильно его поймут и не допустят ошибок в дальнейшем. На разборах учений часто приводил примеры боевой практики на Халхин-Голе. Рассказывал о стойкости и мужестве бойцов и командиров, сражавшихся под палящим монгольским солнцем, порой без воды и еды. Его рассказы поднимали боевой дух солдат и офицеров дивизии.

Василий Михайлович никогда не повышал голоса при разговоре с подчиненными, даже в тех случаях, когда был недоволен их действиями или ошибками. В такие минуты он был сосредоточенно спокоен. Если на первых порах работы в дивизии он казался педантично сухим, то вскоре командиры, которым часто приходилось встречаться с полковником, уже глубоко уважали его за вдумчивость, уравновешенность, объективность, немногословность и четкость указаний. Нравилась им и его манера обращения к подчиненным. Как-то запросто, своим уральским говорком на «о» он говорил: «Сделайте так-то... добейтесь того-то...»

Состоявшиеся в конце лета учения показали, что усилия нового комдива не пропали даром. Несмотря на придирчивость

---

* В настоящее время живет в Липецке.

представителей штаба Уральского военного округа, они высоко оценили подготовленность личного состава и штабов дивизии.

Недолго пришлось Алексееву быть в Перми. В конце 1940 года его послали в Москву на курсы усовершенствования высшего командного состава. А потом новое назначение на Кавказ. Но усилия, затраченные полковником Алексеевым на подготовку пермской дивизии, сказались в первые же дни войны. Уже 27 июня 1941 года 112-я стрелковая дивизия насмерть встала перед фашистскими ордами под Краславой, проявив мужество и стойкость.

ЗА КАВКАЗОМ

(ПЕРВОЕ ПИСЬМО В. К. ШАНИНА)

Вы просите меня рассказать о Василии Михайловиче Алексееве. Да, я отлично помню его. Благодарен за выучку, многим обязан этому мужественному и внимательному человеку.

Василий Михайлович прибыл к нам в Закавказье в мае сорок первого года командовать 6-й танковой дивизией.

Штаб дивизии стоял в одном из городов Армянской ССР. Я был лейтенантом и занимал должность помощника начальника разведывательного отдела штаба дивизии. Обстановка в то время была напряженной, все мы чувствовали приближение войны. Дивизию только что сформировали и полностью укомплектовали личным составом, техникой и вооружением. Правда, танки были получены старые: Т-26 и ХТ-133. Громоздкий организм дивизии надо было «сколотить», отработать управление и подготовить к боям. С прибытием Василия Михайловича началась упорная боевая учеба в частях дивизии и напряженная работа штаба.

В разведывательном отделе я вел карту обстановки на границах с Турцией и Ираном. На второй день после прибытия Василия Михайлович потребовал доложить обстановку на этих границах. Меня вызвали к командиру дивизии. В кабинете были начальник штаба полковник К. С. Липатов и полковой комиссар А. В. Новиков. Будучи тогда еще очень молодым и неопытным, я заволновался и стал докладывать нечетко, путано. Помню, Василий Михайлович подошел ко мне, положил на плечо руку и спросил: «Как тебя звать?» Я ответил: «Вик-

тор». Он сказал: «Витя, ты не торопись и не волнуйся. Пойди успокойся, потом придешь и доложишь мне все подробно».

С горящим лицом я вышел из кабинета, забыв все документы. Василий Михайлович уже в коридоре догнал меня и сказал: «Витя, возьми документы, хорошенько продумай доклад и приходи ко мне без вызова».

Такое отеческое обращение вселило в меня уверенность. Через несколько часов я доложил командиру дивизии все, что требовалось, и он остался доволен. Василий Михайлович дал мне указание внимательно следить за обстановкой на границе и постоянно докладывать о всех изменениях.

На проводимые в частях учения Алексеев брал меня с собой, и я к нему очень привык. Мне нравились его требовательность, справедливость, простота. Василий Михайлович называл меня по имени — Витя. Мне казалось, что он относится ко мне, как к сыну, по-отечески. И я полюбил его не только как командира, но и как отца...»

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ

Полковник Алексеев проснулся от энергичного стука. Быстро оделся, открыл дверь. Перед ним стоял встревоженный лейтенант.

— Извините, товарищ полковник, радиограмма, — сказал он и протянул лист бумаги.

— Что такое? — машинально проговорил Алексеев и прочитал текст: «Сегодня германские войска перешли границу Советского Союза. Немедленно привести в боевую готовность части дивизии. Об исполнении доложить».

Как-то не сразу схватил он смысл прочитанного. Пробежал глазами еще раз: «Германские войска перешли границу Советского Союза...»

— Что же это, товарищ полковник? — Лейтенант с тревогой смотрел в лицо Алексееву.

— Это... это — война! — Ни один мускул не дрогнул на лице командира дивизии, и только голос, ставший вдруг хриплым и приглушенным, выдал его волнение.

— Идите, лейтенант, будут радиограммы, прошу немедленно докладывать.

Привычным движением одернув гимнастерку, полковник закрыл двери комнаты в здании штаба, где он жил с того дня, как прибыл на Кавказ. «Видно, квартира в этом городе уже не понадобится», — мелькнула мысль.

Алексеев быстро прошел в комнату дежурного командира по штабу дивизии.

— Товарищ капитан, объявляется боевая тревога. Сообщите всем частям дивизии. Командиров и комиссаров вызвать ко мне. Выполняйте!

Какая-то незримая тяжесть легла на плечи. Мысли перебивали одна другую: «Что предстоит дивизии? Немедленная погрузка в эшелоны? А как поведет себя Турция, ведь только четыре дня назад она заключила договор о дружбе с Германией? Может быть, надо занять рубежи обороны на границе? Нет, необходимо прежде всего связаться со штабом армии, уточнить задачи».

Один за другим появляются в штабе командиры. Звонят из частей.

— Что случилось, Василий Михайлович? — с тревогой спрашивает, входя в комнату, начальник штаба полковник Липатов, человек обычно спокойный и выдержанный. Но тут интуиция подсказывает ему, что тревога, да еще в воскресный день, неспроста, произошло что-то серьезное.

Под пристальным взглядом Алексеева собравшиеся быстро успокаиваются и замолкают. В наступившей тишине необычно напряженно звучит голос Алексеева, читающего текст только что полученной радиограммы...

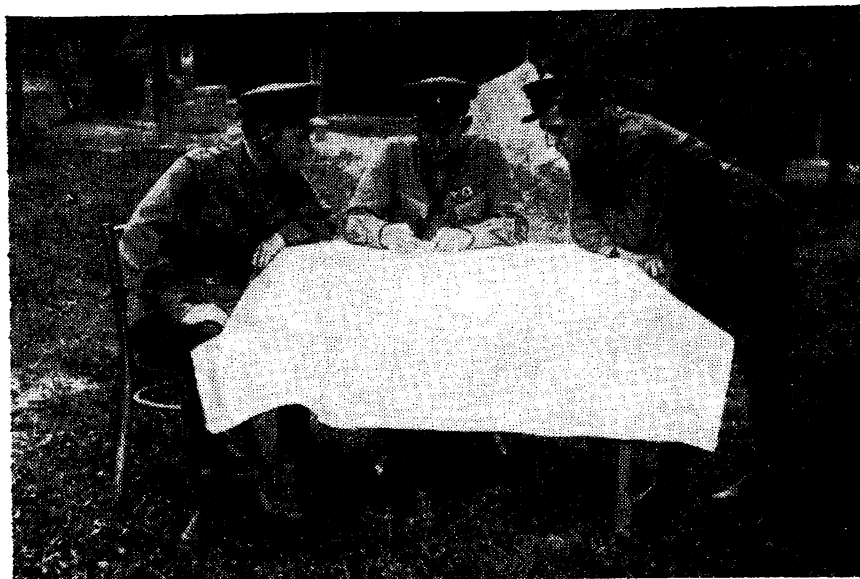
— Это, товарищи, война! — В словах полковника, заметнее, чем всегда, слышится уральское ударение на «о».

...Необходимые указания даны. Командир дивизии остался один. Взгляд его невольно остановился на большой карте Кавказа, на жирной коричневой линии границы. «Выступит ли Турция? В первой мировой войне она была союзником Германии. Теперь снова заключила договор о дружбе с Германией... Нет, Турция не останется нейтральной. И его долг, его обязанность подготовить дивизию к серьезным боям».

МИССИЯ В ИРАНЕ

6-я танковая дивизия в первые месяцы войны продолжала оставаться в Закавказье.

Штаб дивизии размещался в одном из древних армянских городов недалеко от границы. По донесениям разведки, турецкие воинские части активно ведут окопные работы, готовят позиции для артиллерийских батарей. Тревожное положение и в соседнем Иране, который наводнили германские агенты. Они работали не только в отделениях германских фирм, но проникли даже в правительственные учреждения. Под видом

1941 ГОД. ПЕРЕД ПОХОДОМ В ИРАН. В ЦЕНТРЕ КОМАНДИР
6-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИК В. М. АЛЕКСЕЕВ.

туристов прибывали немецкие офицеры. Поступало из Германии и оружие. Ноты, направленные Советом Народных Комиссаров иранскому правительству в связи с фашистской угрозой, оставались без ответа. Более того, правящие круги Ирана предприняли явно провокационные шаги: была объявлена мобилизация, началось стягивание войск к советской границе.

Приказ штаба 45-й армии о скрытом марше 6-й танковой дивизии в район города Нахичевань, расположенного на границе с Ираном, не удивил Алексеева. Он уже не раз вспоминал Советско-Иранский договор 1921 года. Договор давал право нашей стране ввести войска в Иран, если возникнет угроза использования иранской территории каким-либо государством, враждебным СССР. И вот сейчас такая угроза стала реальной.

Дивизии Алексеева предстояло пройти по трудным горным дорогам двести тридцать километров. Причем идти надо было ночью, чтобы уход дивизии не заметили турецкие наблюдатели.

...Южная ночь темна. До боли в глазах всматриваются в дорогу командиры танков: не заметишь затемненный фонарь регулировщика на крутом повороте — танк сорвется в пропасть. А какой должна быть выучка механиков-водителей, чтобы держать установленный интервал в колонне и не наехать на идущую впереди машину!

Днем отдых в придорожных лесах. Осмотр и заправка машин, солдатский обед у походных кухонь. Ослепительное солнце, живописные снежные вершины Гегамского хребта не радовали утомленных людей. Скорее в тень, поспать. Прямо на земле, рядом с танками, расположились танкисты, около грузовых автомашин — пехотинцы. А ночью снова в путь.

Наконец Нахичевань. Пышные сады с созревающими в них абрикосами, персиками. В виноградниках на густой лозе полные гроздья. Яркая, сочная зелень...

24 августа 1941 года штаб дивизии получил боевой приказ: «Сейчас, когда фашистская Германия готовит на территории Ирана угрозу Советскому Закавказью, правительство СССР решило выполнить статью шестую Советско-Иранского договора и ввести совместно с союзными английскими войсками советские войска на территорию Ирана. Предлагается довести до личного состава сущность и значение принятого решения. Разъяснить, что выполнение задачи требует высокой бдительности, чуткого отношения к интересам народа Ирана... Границу Ирана с форсированием реки Аракс перейти в районе Карачуг — Тазакенд. Направление движения — город Хой. Начало операции — 6 часов утра 25 августа».

Полковнику Алексееву приятно было сообщить командирам и начальникам штабов боевой приказ. За прошедшие с начала войны два месяца ему десятки раз пришлось разъяснять командирам и политработникам, бесконечно писавшим рапорты с просьбой о переводе в действующую армию, что они нужны здесь, что именно на них возложена защита Советского Закавказья. Правда, последние сообщения Совинформбюро были настолько тревожны — враг захватил Николаев, вышел к Днепру, пытается взять Ленинград и Киев, — что и сам Алексеев стал просить перевода на фронт. И вот наконец его дивизия, полнокровная, состоящая из кадрового состава, имеющая достаточное количество танков, вводится в дело.

...В это раннее августовское утро Аракс необычно спокоен. Танки, облепленные пехотинцами, форсируют реку. Впереди иранская земля. Колонны с десантом устремляются в глубь страны. Узкая горная дорога, крутые подъемы и спуски на перевалах. В долинах поля со скудными посевами пшеницы, ячменя, проса. Крестьяне, одетые в широкие домотканые штаны и широкополые войлочные шляпы, серпами жнут хлеб. При появлении войск они, пугливо озираясь, раскланиваются.

Колонна идет в сплошных облаках пыли, которая проникает в танки, забивает глаза, попадает в горло, вызывая мучительный кашель. Незаметно утренняя прохлада превращается в полуденную раскаленную духоту. Легкие танки с бен-

зиновыми двигателями, а их в дивизии большинство, сильно перегреваются, не успевая остыть на коротких остановках. С танкистов градом льет пот, все труднее становится дышать. Поочередно они подбираются к люку и поднимаются вверх. Но и там горячий воздух обжигает лицо. Кажется, чем быстрее идет танк, тем раскаленнее воздух.

Штабные автобусы движутся в колонне броневиков, мотоциклистов, автомобилей с рациями. В одном из автобусов командир дивизии, комиссар, начальники штаба, связи и разведотдела дивизии читают полученное по рации донесение головного дозора: «При подходе к мосту через реку Акчай обстреляны ружейным огнем подразделения иранских войск. Группа в двадцать шесть иранских солдат и трех офицеров задержана. Остальные укрылись в прибрежном лесу».

Неподалеку от металлического моста, на высоте тридцати—сорока метров над бурной горной рекой, остановилась колонна штаба. На ровной площадке Алексеев увидел толпу разоруженных солдат в чужой форме. Рядом кучей лежали винтовки с широкими ножевыми штыками. Вскоре два красноармейца ввели в штабной автобус смуглого высокого человека в мундире светло-песочного цвета с погонами и знаками различия иранской армии. Он поклонился. На вопрос Алексеева назвать себя и объяснить мотивы начатой иранскими солдатами стрельбы офицер, назвавшись начальником военного гарнизона Карандзина, ответил:

— Иранское военное командование приказало открыть военные действия против русских и не допустить их в свою страну. Я и мои солдаты действовали по приказу. После того как гарнизон сделал несколько залпов, я решил, что свой долг выполнил и приказал сложить оружие.

— Известно ли вам о мирной цели ввода советских войск в Иран и знакомы ли вы с содержанием Советско-Иранского договора 1921 года? — спросил Алексеев.

— Ни о договоре, ни о цели ввода русских войск я ничего не знаю.

Начальник Карандзинского гарнизона не знал также ни о местонахождении основных сил иранской армии, ни о том, что в южную часть Ирана вступили английские войска.

— Скудны же знания иранского офицера, — усмехнулся Липатов, когда пленного увели. — Подумать только, ни об истории отношения наших стран, ни о сегодняшних событиях в Иране он не имеет представления.

— Да, конечно, — согласился Алексеев, — но основной вывод, который можно сделать по заявлению офицера, все-таки другой: иранская армия не желает воевать против нас.

...Пройдя за день более ста километров, дивизия вошла в

город Хой. После ночевки в чужом безлюдном городе танковая колонна по гористому плато восточнее огромного озера Резайе двинулась на Тевриз. На пути, перед городом Софианом, войска прошли мимо рубежа обороны, состоявшего из нескольких рядов колючей проволоки, трех-четырёх линий траншей. Иранских войск здесь уже не было. Дивизия беспрепятственно вошла в Тевриз.

Ровные кварталы двух- и трёхэтажных светлых домов, прямые улицы, минареты с острыми, взметнувшимися вверх шпилями. Множество лавок, чайных. Но улицы безлюдны. Население, поверив усиленно распространяемым слухам о предстоящих погромах, укрылось в горах, спряталось в подвалах домов.

Вступив в обязанности начальника Тевризского гарнизона, полковник Алексеев приказал командирам частей взять под охрану наиболее важные предприятия, учреждения, иностранные консульства. Начальник гарнизона вынужден был приложить немало усилий, чтобы разыскать представителей местной власти и убедить их приступить к исполнению своих обязанностей.

Через три-четыре дня жизнь города вошла в обычную колею: тротуары заполнились людьми в пестрой восточной одежде, на перекрестках кричали торговцы с переносными лотками, предлагая халву, фрукты или сигареты, другие зазывали покупателей у раскрытых дверей своих лавок. По улицам сновали автомобили различных марок и видов. Время от времени медленно вышагивали ишаки и верблюды, навьюченные узлами, мешками, ящиками. На площадях стояли дивизионные автомобили с радиовещательными установками. Дикторы разъясняли цели вступления советских войск в Иран, рассказывали о борьбе народов Советского Союза против немецкого нашествия. Персидскую речь сменяли советские песни: «Широка страна моя родная», «Вставай, страна огромная». Вечерами на полотнищах, прикрепленных прямо на фасадах зданий, передвижные киноустановки показывали советские фильмы. Толпы иранцев с огромным интересом смотрели «Чапаева».

НА ФРОНТ БИТЬ ФАШИСТОВ

6-я танковая дивизия полковника Алексева, выполнив роль авангардного соединения при вступлении советских войск в Иран, вернулась на место своей прежней дислокации в Армении. После тысячекилометрового похода по горам и бездорожью потребовалось немало усилий и изобретательности, чтобы привести танковый парк в боевую готовность. Командова-

ние армии торопило командира дивизии. Да и сам он, анализируя разведывательные материалы штаба Закавказского фронта, находил все новые факты, убедительно говорившие о подготовке турецкой армии к войне.

Под видом военных маневров турецкое командование сосредоточило в районах Саракамыш и Эрзурум, в непосредственной близости от наших границ, крупные воинские соединения. В этих районах усиленно продолжалось строительство укреплений. На германских пароходах в турецкие порты поступали боеприпасы и военное снаряжение. То, что Турция вступит в войну, сомнений почти не вызывало. Но произойдет ли это через несколько недель или месяцев, никто сказать не мог. Оставалось только предполагать, что турецкое правительство ждет удобного момента, когда Красная Армия будет обескровлена в боях с гитлеровцами и не сможет оказать существенного сопротивления натиску турецких вооруженных сил.

Шел октябрь 1941 года. Немецкие дивизии вплотную приблизились к Москве. На юге враг захватил Киев, прорвался в Донбасс, угрожал Кавказу. Смертельная опасность нависла над нашей страной. В это сложное время Генеральный штаб поручил командованию Закавказского фронта в пятидневный срок переформировать 6-ю и 54-ю танковые дивизии в четыре танковые бригады, две из которых немедленно отправить на фронт. Эта вынужденная мера была предпринята, невзирая на возрастающую опасность турецкого нападения.

Считанные дни отводились полковнику Алексееву на переформирование дивизии в две танковые бригады. Во главе одной из них Алексееву предстояло встать на защиту Родины.

...Дни заполнены до предела: надо не только сформировать соединения, не только наиболее удачно подобрать командный состав, но в эти три-четыре дня изыскать недостающее вооружение, переобмундировать личный состав, перебазировать части и подразделения к местам погрузки в эшелоны. И все это должно быть сделано без суеты, скрытно.

Поздним вечером 15 октября Алексеева вызвал к прямому проводу штаб армии. Полковник доложил командующему армией обстановку и получил приказ закончить формирование бригад к 17 октября.

Только перед самой отправкой на фронт, проверив погрузку в эшелоны боевой техники, боеприпасов и продовольствия, полковник Алексеев в последний вечер выкроил несколько минут для письма в Пермь.

«18.10.41. Здравствуй, милая дочка Валя!

Прошло две недели, как я получил твое письмо, но ответить не смог, был занят срочными делами. Рад, что ты справ-

ляешься с учебой. Старайся, дочка, ведь впереди экзамены. А это серьезное испытание. Через два месяца тебе исполнится восемнадцать лет, ты становишься совсем взрослой. Я очень хочу, чтобы ты закончила десятилетку, потом институт. Помню твою мечту стать медицинским работником. Тебе открывается путь стать врачом. Я очень хочу, чтобы ты им стала. Много думаю о тебе, о нашей маме, о Викторе. Скучаю о вас, но в ближайшее время встречи не предвидится. Когда она будет, сказать трудно. Твой наказ «крепче бить фашистов» исполню. Я скоро буду на новом месте, адрес сообщу.

*До свидания, моя милая, поцелуй за меня маму и Виктора.
Твой папка».*

ПОД РОСТОВОМ

ОБОРОНА

Эшелон управления 6-й танковой бригады, преодолев тысячекилометровый путь, дождливым октябрьским утром 1941 года подошел к городу Батайску, расположенному в одиннадцати километрах к югу от Ростова. Здесь во всем чувствовалось дыхание войны: неподалеку от железнодорожных путей черные остовы обгоревших вагонов, полуразрушенные бомбежкой станционные здания. На небольшом бугре обнесенная бруствером из мешков с песком огневая позиция зенитной батареи. Поверх круто смотрящих в небо стволов орудий натянута пятнистая сетка. К станции и от нее непрерывным потоком идут забрызганные осенней грязью автомашины. По улицам время от времени строем проходят красноармейцы, небольшими группами проезжают конники. Над станцией стелется густой дым паровозов.

Не успел выгрузиться первый эшелон, подошел второй. Быстро освобождая танки от креплений, танкисты запускают моторы, съезжают на разгрузочную площадку и уводят машины к месту сосредоточения бригады, в лес в шести километрах от Батайска.

Дав необходимые указания своему заместителю майору Вахрушеву, Алексеев вместе с исполняющим обязанности начальника штаба бригады капитаном Нестеровым отправился в штаб армии.

Видавшая виды «эмка» медленно двигалась по забитому

машинами шоссе Батайск — Ростов. Рядом с дорогой, а порой и прямо на ее полотне, воронки от авиабомб, разбитые и сожженные автомашины, кучи деревянных обломков. Группами и в одиночку движутся навстречу усталые оборванные люди: старики и старухи, женщины с детьми на руках, с узлами за спиной. «Сколько страданий выпало на их долю и сколько мук еще предстоит народу нашему! — думал Василий Михайлович. При мысли об этом сжалось сердце. — Да-а, вот она, война!»

Машина подходит к мосту через Дон. Река выглядит неприветливой. На берегу около зенитных орудий расположились артиллеристы, наблюдатели внимательно разглядывают небо сквозь нависшие облака.

В самом Ростове многочисленные следы бомбежек: выбитые стекла, полуразрушенные кирпичные здания, черные кучи пожарищ на месте сгоревших деревянных домов. На заборах и щитах расклеены плакаты «Отстоим Родину!», «Смерть фашистам!», листовки с обращением «К трудящимся Ростова-на-Дону».

В центре города, в здании Ростовского пехотного училища, расположился командный пункт 56-й отдельной армии. В просторной комнате рабочий кабинет начальника штаба армии генерал-майора Б. И. Арушаняна. Быстрый в движениях, с живым, выразительным лицом, воспаленными от недосыпания глазами, генерал, выслушав рапорт о прибытии бригады, радушно усадил командиров-танкистов и принял ее тщательно записывать все, чем располагала танковая бригада: «Легких танков Т-26 — девяносто семь, ХТ-133 — пятнадцать, — повторял он вслух с кавказским акцентом, — средних танков Т-34 — одиннадцать, тяжелых КВ — пять».

— Хорошо, товарищ Алексеев, успели в самое время. Два дня назад немцы захватили Таганрог, рвутся к Ростову. В нашей недавно сформированной армии танков нет. На вас надежда. Противник — механизированная группа Клейста — имеет более двухсот танков. Жаль, что мало у вас средних и тяжелых машин, они просто необходимы, обстановка сложнейшая, — продолжал он и развернул карту. — На нашем участке фронта действуют 13-я танковая и 60-я моторизованная дивизии, дивизия СС «Адольф Гитлер». Сейчас противник производит перегруппировку. — Тонко отточенным карандашом генерал Арушанян показал на карте линию обороны. Она тянулась на запад от Новочеркасска по реке Тузлов, у населенного пункта Генеральское круто поворачивала на юг до Чалтыря и доходила до Хопрова.

— А от Чалтыря до Ростова... — многозначительно подняв руку с карандашом, повысил голос начальник штаба, — всего шестнадцать километров.

Лицо его стало суровым, и он жестко закончил:

— Как видите, немцы близко. Нашу оборону занимают части 68-й кавалерийской, 317-й, 353-й и 343-й стрелковых дивизий. Задача танковой бригады следующая: бригада должна будет стать маневренным противотанковым резервом, который помог бы дивизиям не допустить прорыва немецких танков. Три ваших батальона придаются стрелковым дивизиям, четвертый, состоящий из КВ и Т-34, — резерв командующего армией. Местонахождение последнего — северная окраина поселка Орджоникидзе, примыкающего к Ростову с северо-востока. Мотострелковому батальону занять оборону в районе подсобного хозяйства северо-восточнее поселка Орджоникидзе.

Полковник Алексеев внимательно выслушал боевую задачу. Он хорошо понял обстановку, был согласен и с тем, какую роль должны будут сыграть его танки. Но зачем дробить танковое соединение? Подавив мысль назвать задачу неграмотной, Алексеев обратился к начальнику штаба армии:

— Товарищ генерал-майор, я думаю так: если побатальонно разделить танковую бригаду по фронту на восемьдесят километров и подчинить командирам дивизий, танковой бригады как таковой не будет, останутся лишь разрозненные танковые батальоны, не способные остановить серьезную попытку прорыва обороны. Сохранив же соединение в том виде, в каком оно есть, бригада могла бы достаточно мощным кулаком наносить удары немцам там, где в этом будет большая необходимость. Я прошу доложить мое мнение командующему.

Бригада все-таки, вопреки возражениям ее командира, оказалась распыленной по огромной территории, что затруднило управление ею. 24 октября, согласно боевому приказу штаба армии, части и подразделения танковой бригады полковника Алексеева заняли рубежи обороны в районе станиц и хуторов Камышеваха, Каменный Брод, Несветай, Большие Салы, Султан-Салы, Красный Крым, Чолтырская Балка.

В селе Большие Салы, расположенном приблизительно на середине всей линии обороны, обосновался командный пункт бригады. Здесь же разместился штаб только что прибывшей 317-й стрелковой дивизии. Она сформировалась в Баку, в августе сорок первого года. Алексеев познакомился с командиром этой дивизии полковником Иваном Владимировичем Середкиным, новым боевым товарищем.

Началась жизнь с лишениями и невзгодами, напряжением нервов, с жертвами и кровью. Первые потери, первые герои... Командир батальона капитан В. И. Филиппов в одном из донесений сообщал: «В совместной с конниками кавалерийской дивизии ночной разведке мой батальон потерял два танка. Эки-

паж в составе командира сержанта Самсонова, механика-водителя Козикова, башенного стрелка Кулешова сражался на подожженном вражеским снарядом танке до тех пор, пока не сгорел. Командир другого танка, уже полыхавшего пламенем, младший сержант Кононов сумел вытащить раненого механика-водителя Сулова и танковый пулемет. Отстреливаясь, Кононов вышел из боя и вынес Сулова»...

Вплоть до 17 ноября в частях и соединениях 56-й отдельной армии дни были предельно напряженными — готовились оборонительные сооружения на дальних и ближних подступах к Ростову. Морозящие дожди, изводившие солдат, прекратились. Ударили первые морозы, повалил мелкий снег.

Утром 17 ноября Алексеев приехал на наблюдательный пункт командира стрелковой дивизии. Не успел он поздороваться, как боец-наблюдатель сообщил о появлении немецких танков. Схватив бинокль, Алексеев приткнулся к амбразуре. Между хуторами Султан-Салы и Несветай к нашей обороне ровным клином двигались немецкие танки Т-IV и Т-III. Угловатые, с черно-белыми крестами на башнях, они неумолимо ползли вперед, оставляя за собой негустой серый шлейф снежной пыли. Их было более двадцати.

Полковник не скрывал волнения, и Алексеев прекрасно понимал командира дивизии: его необстрелянным, недавно сформированным полком предстояло впервые отразить танковую атаку неприятеля.

На НП напряженная тишина. Страшно медленно тянутся минуты. Уже видны браво шагающие за танками гитлеровцы. Они в зеленых шинелях, пилотках, за спинами ранцы, у всех автоматы. Остановившись, танки с дальней дистанции открыли беглый огонь по нашей обороне. Полковник Середкин молчал. «Молодец, — подумал о нем Алексеев, — есть выдержка».

Через минуту танки снова двинулись вперед. Наконец, повернувшись к начальнику артиллерии дивизии, Середкин резко бросил: «Пора!» Телефонисты и радисты, будто стараясь перекричать друг друга, передавали команды на батареи. Заговорили противотанковые орудия и гаубицы. Через несколько секунд с позиций у Султан-Салы открыли огонь и танки.

Алексеев надел шлемофон и попытался связаться с командиром батальона старшим лейтенантом Гагановым. В наушниках сплошной шум и треск.

— Седьмой, седьмой, слушай меня, я — пятый, я — пятый.

— Я — седьмой, вас слушаю, — отозвался Гаганов.

— Немедленно выдвигайся с позиций, иди на сближение с танками, заходи с фланга, тебе это удобно, быстрее, как понял?

— Я — седьмой, вас понял. Выполняю приказание!

Гаганов вывел танки во фланг немецкого клина и открыл огонь. «Хорошо! Молодцы!» — по радиации говорит командир бригады старшему лейтенанту, заметив, что от бортовых попаданий загорелись три немецких танка. Черный густой дым потянулся по горизонту длинной растрепанной косой.

Вражеские танки рассредоточились и перенесли огонь на батальон Гаганова. В артиллерийской канонаде Алексеев отчетливо различил отрывистые залпы противотанковых батарей. Загорелось еще несколько немецких танков, а затем, не выдержав отпора, вражеские машины круто развернулись и уползли прочь.

Потерпев неудачу в первой атаке, противник через три часа удвоил численность танкового тарана и повел наступление сразу с двух направлений. На этот раз, несмотря на потери и интенсивный огонь противотанковых пушек, немецкие танки достигли переднего края обороны дивизии. И тут не имевшие боевого опыта бойцы одного из батальонов 571-го стрелкового полка дрогнули.

С наблюдательного пункта было видно, как побежали пехотинцы. А сзади вражеские танки, мотоциклисты, автоматчики. Тысячи пуль вдогонку. Задыхаясь, бежали и падали солдаты, сраженные пулеметными и автоматными очередями. Полковник Середкин, забыв обо всем на свете, бросился наперерез отступавшему батальону... Больше Алексеев его уже не видел: полковник погиб, но панику устранить не смог.

В это же время упорный бой с немецкими танками, появившимися со стороны хутора Буденновский, вели бойцы 761-го стрелкового полка. Противник и здесь прорвал нашу оборону, но пехота не оставила окопов. Бойцы, отсекая от танков немецких автоматчиков, не пропускали их вперед. Но вражеские танки подавили наши противотанковые батареи, подбили несколько легких танков батальона Каранды, вышли к наблюдательному пункту командира полка и сравняли его с землей. На своем боевом посту погибли командир полка майор Герасенко и начальник штаба майор Мочалов. Но полк продолжал сражаться.

Прорвавшись через первую линию обороны, около сорока немецких танков подошли с севера-востока к Большим Салам. Алексеев видел, как батальон Гаганова вел интенсивный огонь по врагу, но наши танковые пушки «сорокапятки» не пробивали лобовую броню средних немецких танков с дальних дистанций. А выдвигаясь вперед, навстречу врагу, они сами становились слишком уязвимыми.

На вторую линию нашей обороны, занимаемую 606-м стрелковым полком непосредственно перед Большими Салами, про-

рвались с запада около тридцати немецких танков. Завязался жестокий неравный бой. Несмотря на героизм пехотинцев, Большие Салы пришлось оставить. В суматохе, под прикрытием наступивших сумерек спешно эвакуировались штаб дивизии и оперативная группа штаба 6-й танковой бригады.

Хутор Щепкин, что находится в пяти километрах к востоку от села Большие Салы, стал сборным пунктом уцелевших подразделений 317-й стрелковой дивизии. Темная осенняя ночь. В степи холодный пронизывающий ветер с поземкой. Маленькие хуторские хаты битком забиты красноармейцами тыловых частей, прибывших сюда месяц, а то и полтора назад, когда начала создаваться оборона Ростова, и бойцами отступивших сегодня частей. Костры на окраинных улицах служили своеобразными ориентирами тем, кто искал свою роту, взвод, отделение.

Для капитана Нестерова, как и для многих других его боевых товарищей, сегодняшней день стал боевым крещением. Капитан не участвовал в рукопашной схватке, не водил в бой танки. Ему, выполнявшему ответственные обязанности заместителя начальника штаба танковой бригады, надлежало обеспечивать управление танковыми и мотострелковыми батальонами, руководить боевыми действиями, выполнять приказы и замыслы командира. Правда, передача танковых батальонов в оперативное подчинение стрелковым дивизиям в определенной степени снижала ответственность командования бригады за судьбы и дела батальонов. Командир и штаб с самого начала понимали, что такой порядок должен быть изменен.

Полковник Алексеев, побывав во всех танковых батальонах, доложил командующему армией генерал-лейтенанту Ф. Н. Ремезову о недостаточно серьезной продуманности противотанковой обороны: танки размещены без увязки с другими средствами в системе обороны. В результате этого командующий издал 12 ноября 1941 года приказ «Об организации противотанковой обороны армии», в котором потребовал использовать танки впереди стрелковых позиций, обязал обеспечить хорошую их маскировку, ни в коем случае не допускать размещения танков в одну линию. В то же время рассредоточение танковой бригады на площади в тысячу квадратных километров поставило в крайне затруднительное положение ее штаб. Плохо обеспеченный средствами радиосвязи, он не мог постоянно контролировать действия батальонов. Телефонной же связью через дивизионные и полковые узлы можно было воспользоваться только в период затишья, да и то

не всегда. Однако командир бригады и штаб понимали, что и в этой ситуации их долг—обеспечить наибольшую эффективность использования танков.

После прорыва линии обороны Нестеров вместе с капитаном Чепковым и другими командирами оперативной группы, получив приказание полковника Алексеева, буквально в пять минут свернул командный пункт в Больших Салах и на штабном автобусе выбыл в хутор Щепкин.

Нестеров прежде не участвовал в боях, но хорошо представлял немецкую танковую атаку. Сегодня же, когда враг ошеломил, парализовал волю к сопротивлению, вызвал страх и растерянность у сотен людей, тревога и испуг на какое-то время овладели и им, человеком не робкого десятка. Это отступление еще раз показало, как необходимо сконцентрировать все силы танковой бригады.

Командным пунктом командира бригады в хуторе Щепкин стала обычная хата с небольшими оконцами. Капитан Нестеров при свете керосиновой лампы колдовал над картой. Располагая хоть и неполными данными о местонахождении танковых рот, батальонов, других частей и подразделений бригады и стрелковых дивизий, он наносил обстановку на карту. Другие командиры оперативной группы, бывшие тут же, на командном пункте, анализировали страшную картину боя, ее детали, замеченные каждым по-своему. Всех волновала судьба Алексеева, который сразу же после прорыва немецких танков и сдачи Больших Сал уехал в мотострелковый батальон: требовалось срочно перестроить оборону батальона. Однако полковник давно уже должен быть на хуторе. Уж не случилась ли беда? Обстановка тревожная, мог столкнуться с какой-нибудь разведывательной группой врага. Поэтому, как только открылась дверь и в ней показался полковник, сидевшие за столом обрадованно воскликнули: «Наконец-то!»

— Где Гаганов? Где Каранда? Налажена ли связь с Ростовом? Каковы потери? — на ходу снимая черное кожаное пальто, забросал Нестерова вопросами Алексеев. Необычно возбужденный, с осунувшимся за какие-то сутки лицом, оч нервно ходил из конца в конец маленькой комнаты, слушал ответы капитана, уточнял детали и, посасывая трубку, старался успокоиться. Бросив взгляд на сидевших за столом штабистов, сказал с напускной грубоватой насмешливостью:

— Ну, что растерялись, носы повесили, думаете, немец вас и здесь достанет? Нет, немец привык культурно воевать, ночью он предпочитает пить кофе и отдыхать. А вот утром перегруппируется и попрет.

Алексеев подошел к столу, неторопливо надел очки в черной роговой оправе, всмотрелся в карту и от серо-черных квадра-

тов, обозначавших село Большие Салы, провел пунктирную прямую стрелу к Ростову.

— Здесь противник наносит главный удар, в стыке 353-й и 317-й стрелковых дивизий. Завтра он попытается его развить. 317-я дивизия оставила позиции, обнажив фланг 353-й. На хутор Щепкин немцы пока не пойдут, они его просто обойдут стороной.

— Силы-то не равнозначны, Василий Михайлович, — сказал Нестеров. — Наш Т-26 с их Т-III не сравнить.

— Так-то оно так, Степан Кузьмич. Но ты мне только что доложил, что наши «легкачи» одиннадцать немецких машин уничтожили. Молодец Гаганов! Уж больно ловко у него в первом бою вышло, когда с фланга зашел и по бортам ударил. Да и во втором бою танкисты потрудились. Ну, а кроме танков артиллерия, бронебойщики... Как бы там ни было, а танков двадцать всем миром все-таки вышибли!

Алексеев на минуту задумался, взглянул на присутствующих, снова заговорил:

— А беда наша в том, что воевать не научились. А мы с вами, нет, я прежде всего, не отстоял самостоятельности танковой бригады, согласился со штабом армии поделить ее на части. «Смотри, мол, Клейст, у нас везде есть танки!» А он, не будь дураком, лупанул здоровенным кулаком в одном месте, да так, что все у нас и затрещало. Плохо армейская разведка работает, надо бы знать, куда они танки подтянули. Тогда и мы поблизости свои бы в кулак сосредоточили. Ну, да что говорить! Вперед поумнеем!

Выбив пепел из давно погасшей трубки, Алексеев посмотрел на уставшие, осунувшиеся лица товарищей и, присев к столу, с улыбкой спросил:

— Кипяток-то у вас найдется? Чайку бы сейчас. Я ведь камский водохлеб, а ты, Павел Павлович, — полковник обратился к начальнику связи бригады капитану Челкову, — у донской воды вырос, тоже чаевничать любишь?

— Кипяток есть, заварка тоже, вас ждали, Василий Михайлович, — ответил Нестеров, и впервые за эти сутки улыбка прорезалась на его усталом лице.

Глубокой ночью начальник караула разбудил Алексеева.

— Вас хочет видеть генерал-майор Козлов.

Алексеев быстро натянул сапоги, застегнул ворот гимнастерки, затянулся ремнем.

— Вы полковник Алексеев? — не раздеваясь, спросил генерал.

— Да, я.

— Связи с вами нет, я сам вынужден был передать приказ. Знакомьтесь. — И он протянул полковнику пакет.

В. И. Филиппов.

Вскрыв его, Алексеев прочел:

«Командующему Ростовской оперативной группой генерал-майору П. М. Козлову.

Утром 18 ноября провести операцию по уничтожению прорвавшихся танков противника в районе Большие Салы, Несветай, используя для этого танковые батальоны 6-й танковой бригады и истребительные отряды пехоты. Командиру танковой бригады создать из танков две подвижные группы, одну из которых сосредоточить в Щепкине, другую — в населенном пункте Красный Крым.

Начало операции в 6.00».

Алексеев посмотрел на часы. Было два часа ночи.

— И вы полагаете, — с нарастающим раздражением заговорил он, — что за четыре часа, ночью, можно собрать танки, разбросанные почти на тысячекилометровой площади, да еще подготовить их к бою? Для этого потребуется минимум полсутки. Я предлагал для нанесения контрударов по вклинившемуся противнику держать бригаду в резерве командующего армией или в вашем резерве. Вы отклонили это предложение, а теперь ставите заведомо невыполнимую задачу.

Козлов прервал командира бригады:

— Вы ведете бесполезный разговор, товарищ полковник. Даю вам шесть часов. Следовательно, атака переносится на восемь. Организацию выступления танкового батальона, приданного 343-й дивизии, беру на себя. Он совместно с пехотой атакует западную окраину села с обходом населенного пункта навстречу вашей второй группе.

Бывший командир 1-го танкового батальона капитан В. И. Филиппов рассказывает: «В ночь с 17 на 18 ноября 1941 года через делегата связи я получил приказ полковника Алексеева немедленно собрать танковые роты и прибыть во главе их в хутор Щепкин. 1-я и 3-я роты моего батальона взаимодействовали с эскадронами 68-й кавалерийской дивизии и находились на рубеже балки Камышеваха, километрах в двадцати от хутора Щепкин. Полковник Алексеев поставил передо мной боевую задачу: атаковать прорвавшиеся в село Большие

Салы немецкие танки и пехоту и, если позволит обстановка, уничтожить их, чтобы сдержать хотя бы на одни сутки наступление врага. Район действия — юго-восточная окраина Больших Сал. Потом я должен был обойти село навстречу танковому батальону капитана Каранды. Исходная позиция этого батальона — село Красный Крым. Батальон Каранды имел девятнадцать боевых машин, девять из которых были Т-34. В моем батальоне имелось три тяжелых танка КВ и десять легких танков Т-26 и ХТ-133.

Атакуя Большие Салы, батальон встретил сильное сопротивление у окраины села. Завязался встречный бой с танками вдвое превосходящего противника, поддержанного артиллерией. Советские танкисты сражались храбро. Летели в воздух немецкие пушки, горели их танки. Но нес потери и наш батальон. От броневой снаряды, попавшего в моторное отделение, загорелся мой танк. Вот-вот должен был произойти взрыв. Ничего не оставалось, как покинуть машину. Я никогда не забуду своих боевых друзей — членов экипажа танка Томышева и Садурского, которые под огнем врага помогли мне снять уже пылавшую одежду и пересесть в другой танк.

Потеряв половину своих танков, батальон отошел на закрытые огневые позиции, подготовленные ранее танкистами бригады, и с места, на расстоянии около двух километров, огнем пушек продолжал уничтожать фашистов.

Неожиданно через триplex танка я увидел фигуру человека в кожаном пальто, подбегавшего, чуть-чуть наклонясь, к нам. Сердце мое дрогнуло... Кругом рвались снаряды, и среди разрывов — Василий Михайлович! Я выскочил из танка с возгласом: «Что случилось, почему вы здесь, товарищ полковник!» — и увлек его в укрытие. А он взглянул на меня, на куцую замасленную телогрейку, которую дали мне танкисты, крепко обнял меня, поцеловал и как-то очень растроганно сказал: «Дорогой мой Володя! Спасибо! Ударили вы немцев хорошо. Я наблюдал за боем, а когда вы отошли на эти позиции, не выдержал, приехал сюда на броневике».

Вскоре полковник Алексеев представил меня к награждению орденом Красного Знамени».

...Так уж получилось в этом бою, что батальон капитана Каранды нанес удар по селу Большие Салы на три часа позже установленного времени. Генерал-майор Козлов отложил время атаки, не уведомив об этом командира танковой бригады. Противник встретил атакующих, имея двойное преимущество. Неравный бой 18 ноября закончился большими потерями бригады Алексеева.

Бригада, выполняя приказ штаба армии, заняла оборону в боевых порядках 31-й и 347-й стрелковых дивизий по северной

окраине поселков Чкалов, Мясникован и Орджоникидзе в пригороде Ростова.

19 ноября на направление главного удара немецкое командование ввело свежую 14-ю танковую дивизию. То в одном, то в другом месте нашей обороны противник, группами в двадцать—тридцать танков, стремился во что бы то ни стало пробить брешь. Но танкисты, артиллеристы и пехотинцы прочно держали оборону. Особую стойкость проявил 2-й танковый батальон капитана Каранды, оборонявший город в районах поселка Чкалов и завода «Ростсельмаш».

Но силы были слишком неравны. 20 ноября в 8 часов вечера немцы массированным танковым ударом прорвали оборону 31-й стрелковой дивизии. Брошенный навстречу противнику танковый батальон Гаганова изменить положение оказался не в состоянии. Через четверть часа вражеские танки с автоматчиками ворвались на Буденновский проспект города, вышли к железнодорожному вокзалу и начали обстрел центральной переправы и железнодорожного моста.

Прервалась связь штаба танковой бригады со стрелковыми дивизиями, а затем и с командным пунктом армии. Выслушав сообщения разведчиков об обстановке в городе, Алексеев задумался: «3-й танковый батальон понес серьезные потери, погиб и его командир старший лейтенант Гаганов. Остальные танковые батальоны по-прежнему в боевых порядках обороны. Мотострелковый бьется с врагом, стремясь вырваться из окружения. Штаб бригады также под угрозой окружения, к поселку Маяковского, где он находится, пытаются прорваться немецкие автоматчики. Как быть? Наши войска уходят по наплавному мосту, что у Зеленого острова. Грузоподъемность его мала, танки он не выдержит. Станица Аксайская, где есть мост, через который можно переправить танки, по разведывательным данным, в руках врага. Батайский мост под угрозой захвата. Потеря его будет означать захлопнувшуюся ловушку для танковой бригады».

БАТАЛЬОН В ОКРУЖЕНИИ (Второе письмо В. К. Шанина)

«...Мотострелковый батальон, в котором я в ту пору был начальником штаба, с десятью танками занял оборону северовосточнее поселка Орджоникидзе, в районе подсобного хозяйства больницы в пригороде Ростова. В случае выхода немцев к Новочеркаску, батальону предстояло преградить им путь на Ростов с Новочеркаского направления.

17 ноября 1941 года раз-
вернулись кровопролитные
бои на дальних подступах к
Ростову. Я помню, что в тот
же день поздно вечером в ба-
тальон на броневике прибыл
полковник Алексеев. Он был
хмур и утомлен. Попросил
быстро собрать командиров
рот и сообщил, что немцы про-
рвались в Большие Салы и
командный пункт бригады пе-
ренесен в хутор Щепкин. Ва-
сильий Михайлович уточнил
нашу задачу, приказав немед-
ленно изменить фронт оборо-
ны с учетом того, чтобы не
допустить прорыва танков
противника на Ростов со сто-
роны Больших Сал. «Любой
ценой удержать занимаемое

В. К. ШАЛИН. 1941 ГОД.

положение», — подчеркнул он. Командир батальона капитан Леонов в те дни был серьезно болен. Очевидно поэтому Василий Михайлович отозвал меня в сторону и сказал: «Обстановка очень тяжелая, немцы рвутся в Ростов и трудно сказать, что может произойти. Витя, я надеюсь на тебя. От упорства вашего батальона будет зависеть судьба всей бригады». Он обнял меня и уехал.

Действительно, уже утром следующего дня противник повел сильный артиллерийский огонь и несколько раз атаковал нас, но батальон выдержал. Во второй половине дня враг усилил нажим и сумел вклиниться в нашу оборону. Десятью танками мы контратаковали противника и восстановили положение, потеряв при этом четыре боевые машины. Тогда враг, используя превосходство в силах, группой танков с автоматчиками прорвался через боевые порядки нашего правого соседа — стрелкового полка 347-й стрелковой дивизии, обошел нас с тыла и сомкнул кольцо.

В окружение вместе с нами попали несколько сот бойцов из 317-й и 347-й стрелковых дивизий, пятнадцать орудий, автомашины с имуществом различных частей. Ночью мы учли все, что имели, распределили по подразделениям и подготовились к бою, организовав круговую оборону. Боеприпасов у нас оказалось достаточно. Поскольку состояние здоровья командира батальона капитана Леонова ухудшилось (его еще ранило осколком в ногу), комиссар батальона старший политрук Паро-

минский предложил мне принять командование батальоном.

Оценив обстановку, мы решили во что бы то ни стало вырваться из окружения и отойти на Ростов параллельно шоссе Новочеркасск — Ростов. В течение 19 ноября мы с Пароминским шесть раз водили личный состав на врага, вступали в рукопашные схватки с немцами, но противник, имея значительное превосходство в силах, отражал атаки. Наши потери росли: около ста бойцов было убито, более двухсот ранено. Положение становилось критическим.

Вечером вместе с секретарем партийного бюро старшим лейтенантом Морозовым мы собрали командный состав и всех коммунистов, чтобы обсудить создавшееся положение. Посоветовавшись, мы решили прорываться к Ростову, используя при этом обманный маневр. Ночью небольшая группа наших солдат должна была начать атаку на Новочеркасском направлении, в то время как основные силы скрытно, при надежном прикрытии и разведке, по оврагам и балкам продвигались бы к станице Аксайской. Там они должны были занять оборону и связаться с главными силами бригады.

Начали действовать. Всех раненых погрузили на автомашины. Во избежание шума бойцы толкали и тащили автомобили на себе. Перед рассветом батальон был в Аксайской. Немцы обнаружили наше исчезновение лишь тогда, когда стал отходить за нами отряд прикрытия с танками. Но было уже поздно: мы вышли из окружения.

Утром немецкие самолеты нанесли массированный удар по Аксайской и разбили мост через Дон. Путь на другой берег был нам отрезан. Вслед за бомбежкой около пятидесяти танков врага с десантом автоматчиков атаковали станицу. Завязался упорный бой. Мы удерживали Аксайскую целый день. Тогда небольшая группа вражеских танков с автоматчиками обошла станицу с юга и вышла к Дону. Теперь и путь на Ростов был отрезан.

С наступлением темноты я сформировал группу бойцов под командованием лейтенанта Петряева и передал им противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью и противотанковые ружья, которых у нас оказалось несколько штук. Перед группой поставил задачу скрытно подползти к танкам противника, уничтожить их и очистить дорогу на Ростов. Группа задачу выполнила блестяще. Было взорвано восемь танков и уничтожено до тридцати гитлеровцев. Остальные, преграждавшие нам путь к Ростову, разбежались. В этом бою вместе с лейтенантом Петряевым героически погибли еще восемь наших бойцов.

По берегу Дона мы отходили к Ростову и вышли в район музыкальной фабрики «Аксай». Бойцы страшно устали и обес-

силели от голода, так как в течение трех суток мы почти не спали и питались кое-как, на ходу. Наступала ночь. Надо было искать бригаду. Город лучше других знал я, поэтому взял с собой десять автоматчиков и на двух «пикапах» выехал в Ростов.

На всю жизнь запомнилась мне встреча с Василием Михайловичем. Я нашел дом, где размещался штаб бригады. Мне показали комнату комбрига. Тихо открыв дверь, я увидел Василия Михайловича, склонившегося над планом Ростова. Тут были начальник штаба капитан Нестеров, комиссар Колитенко и несколько других командиров. В одной руке Василия Михайловича был карандаш, в другой — бутерброд с маслом. При виде еды у меня закружилась голова. Хриплым голосом я доложил: «Товарищ полковник, ваш приказ выполнен, немцев на Ростов батальон не пропустил до тех пор, пока сам не оказался в окружении. Батальон вырвался и находится в Ростове...» Я пытался еще что-то сказать, но Василий Михайлович уже шел ко мне, широко раскинув руки: «Витя! Сынок! Жив!» Он крепко обнял и расцеловал меня. Я не успевал пожимать дружески протянутых мне рук.

Успокоившись, я пытался доложить подробнее, но Василий Михайлович, заметив мой голодный взгляд, брошенный на хлеб, вновь перебил меня. Он отрезал большой ломоть хлеба, щедро намазал маслом, отрезал кусок сала, налил кружку вина и сказал: «Ешь, рассказать успеешь». Я быстро поел. Потом он спросил меня: «Как ты себя чувствуешь?» Я ответил, что теперь хорошо. «А почему теперь?» — «Теперь я с вами и сыт». Тогда Василий Михайлович сказал: «Ты пришел как раз вовремя. Немцы ворвались в Ростов. Неясно, что с Батайским мостом. Связи со штабом армии нет. Видимо, придется выводить личный состав и технику через понтонный мост у Зеленого острова. Он пока в наших руках. Знаешь ты, где находится этот мост?» — «Да, товарищ полковник, знаю». — «Тогда вот что... ты с отрядом в сто автоматчиков, двадцать мотоциклистов и пять бронемашин будешь прикрывать отход бригады. Основной состав батальона пусть следует за бригадой. Запомни, пока не будет переправлен весь личный состав и техника, у переправы не должен появиться ни один фриц. Я жду тебя на том берегу. Прощаться не будем. Увидимся. Задача ясна?» — «Так точно!»

...В Ростове идет бой. Где противник, на какие он улицы вышел, разобрать трудно. Донесения разведки противоречивы. Мотопехота и танки противника прорвались к поселку Маяковского. Положение становилось угрожающим, но приказа на отход бригады нет. Алексеев поручил своему заместителю майору Вахрушеву организовать силами роты управления и

зенитного дивизиона оборону штаба, послал адъютанта на командный пункт армии.

Только в час ночи привезли приказ об отходе из города на Батайск. «Танковым батальонам сосредоточиться у Батайского наплавного моста, будем прикрывать выход войск из города. Автопарк и мотострелковый батальон переправить по наплавному мосту у Зеленого острова», — приказал Алексеев.

Радиосвязи с батальонами нет, десятки радиостанций, перебывая друг друга, заглушают всё. Мчатся с приказом мотоциклисты.

На улицах тысячи автомашин, лошадей, повозок. Ни пройти, ни проехать. Старшие командиры с пистолетами в руках пытаются ликвидировать «пробки». Крики, гвалт, испуганное ржание лошадей. «Капитан Чепков! Вы ростовчанин. Попытайтесь на танках найти подход к переправе, минуя пробки. Нам надо пробиться и прикрыть переправу, иначе немцы расправятся со всеми этими пробками по-своему», — распорядился Алексеев.

Но не так-то просто это сделать...

Колонны танков и автомашин бригады шли по улицам Ростова, обходя узкими переулками забытые техникой и войсками улицы. Вот наконец и центральная переправа — наплавной мост высокой грузоподъемности, отбитый у врага несколько часов назад. В полной темноте, которую время от времени нарушали яркие вспышки разрывов, по мосту непрерывным потоком шли автомашины, пехота, лошади в упряжках натужно тянули артиллерийские орудия. Перед рассветом начали переправляться и танки.

«Враг вынудил нас оставить город. И все-таки, при всех трудностях и неорганизованности, — думал Алексеев, наблюдая за переправой, — бригада нанесла врагу немалый урон: тридцать пять вражеских танков — цифра внушительная».

Сошел с моста последний танк. Через несколько минут воздух потрясли глухие взрывы, разбросав в стороны громоздкие понтоны. Переправа перестала существовать.

21 ноября 1941 года Ростов заняли фашисты.

В КОНТРАНАСТУПЛЕНИИ

Совершив марш Батайск — Новочеркасск, переправившись через Маныч и Дон, танковая бригада вошла в состав 9-й армии Южного фронта.

В штабе армии полковник Алексеев ознакомился с обстановкой. Несмотря на поражение на левом крыле, в результате которого пал Ростов, Южный фронт уже несколько дней вел

контрнаступление. 9-я армия подошла к реке Тузлов. Врагу спешно пришлось перебросить свои танковые дивизии из Ростова на рубежи, которые неделю назад занимали дивизии 56-й армии и батальоны танковой бригады. Создавалась благоприятная обстановка для окружения немецкой танковой армии. Но в связи с недостатком сил Ставка Верховного Главнокомандования и командование Юго-Западного направления решили ограничиться освобождением Ростова с последующим развитием наступления на Таганрог.

6-й танковой бригаде совместно с 68-й кавалерийской дивизией предстояло нанести удар по направлению Новочеркасск — Ростов.

Хутор Большой Мишкин. Танковые роты, приданные эскадронам, заняли исходные позиции. Вечер наступил рано, уже в пять часов над хутором сгустились сумерки. Хуторяне занавешивали окна, зажигали огни.

Алексеев, проходя по улице, заглянул в расположение кавалеристов. От дымящейся кухни далеко разносился приятный запах пищи. Получив ароматный кулеш, бойцы рассаживались и, весело обмениваясь шутками, с аппетитом приступали к еде. В сумерках можно было разглядеть и танкистов в черных ребристых шлемах, которые знакомятся с кавалеристами, ищут земляков. Чувствуется, что у солдат хорошее настроение. Еще бы, ведь армия наступает. Покончив с едой, зачистив котелок и спрятав ложку за голенище сапога, бойцы тянутся к кисетам, скручивают «козьи ножки». «Гутарют, сегодня ночью на Ростов пойдем», — на ходу слышит Алексеев. «Да, «солдатский телеграф» работает безотказно, — с улыбкой думает он. — Правильно «гутарют».

На окраине хутора танки. Молодой лейтенант, командир роты, докладывает: «Экипажи танков на отдыхе». Алексеев внимательно всматривается в лица танкистов, собравшихся небольшими группами у боевых машин.

— Это что же у вас за отдых такой? — спрашивает полковник. — Вижу, работа вовсю кипит?

Невзирая на темноту, экипажи возились с танками: поворачивались башни, поднимались и опускались стволы пушек. Командиры машин и заряжающие хотели убедиться в полной исправности танков.

— К наступлению готовимся, товарищ полковник, — поясняет командир роты...

Ранним утром раздалась долгожданная команда: «По маши-и-и-нам!» Звучит труба и у конников. Эскадроны и танковые роты двинулись в путь. В ночной тишине заревели моторы, застучали копыта.

При подходе к деревне Раковка конники спешили, укры-

лись за танками, обошли деревню. На фланге, где враг меньше всего мог ожидать наступления, ударили пушки. Танки и конница пошли в атаку. Немцы открыли огонь. Танки на миг приостановились, посылая снаряды по вражеским батареям, обнаружившим себя вспышками выстрелов, и снова двинулись к деревне. Вслед за ними, выхватив острые клинки из ножен, устремляются вперед всадники. Шум, топот сотен копыт, истошные крики разбегающихся фрицев. Раковка взята. Впереди пригород Ростова — поселок Орджоникидзе.

Ранним утром 29 ноября 1941 года 68-я кавалерийская дивизия и 6-я танковая бригада ворвались на улицы поселка Орджоникидзе. Сломив сопротивление фашистов, занимавших поселок, наши войска вышли на улицы Ростова.

Во главе наступающей колонны танков полковник Алексеев. Он смотрел вокруг и не узнавал город. Сотни разрушенных и полусгоревших зданий. Черные, закопченные дома с зияющими отверстиями вместо окон. У здания школы трупы расстрелянных. Их так много, что они наполовину закрывают окна первого этажа. У края тротуара лежит старик лет шестидесяти с густыми заиндевевшими бровями. На крутом морщинистом лбу желтое кровавое пятно. Стреляли в упор. Рядом веснушчатый рыжий мальчик. Живот его разворочен. И женщины... Много женщин. Изрешеченные пулями, окаменевшие, с почерневшими лицами трупы. Восемь дней в городе хозяйничали немцы. Восемь дней они издевались над его жителями. Грабили, расстреливали, жгли, разрушали. Сухими, воспаленными глазами смотрел полковник Алексеев на город, который не смог защитить, и радость возвращения омрачалась жгучей болью, вызванной страшной картиной зверств и разрушений...

Наступление продолжалось. Войска Клейста отброшены к реке Миус, что в шестидесяти километрах от Ростова. Танковая бригада, преследуя врага, вышла к крупному населенному пункту Покровское и взяла его. Бригаду вывели на отдых, но он был недолгим. 31 декабря штаб бригады получил приказ: 1 января погрузиться в эшелоны и следовать в город Изюм, в распоряжение 57-й армии Южного фронта.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться, — произнес начальник штаба Нестеров после того, как был зачитан приказ. Взглянув в карие улыбающиеся глаза капитана, Алексеев сразу понял, о чем тот будет говорить.

— Ну, что там у тебя?

— Как «что», Василий Михайлович! Новый год! Да и по приказу видно, что командование это учло.

В глазах Нестерова так и играла хитринка.

— В самом деле, Василий Михайлович! Ростов мы взяли, немцев от города угнали далеко — это раз. Под Москвой нем-

ца тоже бьют, освободили Калинин, Калугу — это два. Десант в Феодосии и Керчи — три. Но и это не все. Есть еще одно событие, которое грешно не отметить, — продолжал Нестеров, делая загадочное лицо. И только сейчас Алексеев вспомнил о своем дне рождения.

— Ну что ж, Степан Кузьмич, убедил, действуй. Надеюсь, дополнительные указания не потребуются?

— Так точно, товарищ полковник! — выпалил Нестеров и, накинув свою франтоватую, аккуратно пригнанную шинель, выскочил из штаба.

Алексеев уважал и ценил своего начальника штаба. Нестеров нравился ему деловитостью, умением быстро ориентироваться в обстановке, способностью защитить свое мнение, настоять, если он убежден в своей правоте. И делал все это Нестеров легко, весело, с шуткой. Высокий, лысеющий, выглядевший значительно старше своих тридцати пяти лет, он на первый взгляд казался медлительным и тяжеловатым. Но это было не так. Работать с ним было легко и приятно. Кавалерист в первые годы военной службы, Нестеров привык делать все быстро, с «кавалерийским натиском». И это нравилось Василию Михайловичу. Может быть потому, что сам он не был человеком легкого и веселого нрава.

Часа через полтора в просторной комнате штаба уже стояли один к другому столы, накрытые чистыми простынями. На столах тарелки с гуляшом, ароматные пупырчатые огурцы, крупные зеленовато-белые яблоки, вскрытые банки с мясной тушенкой и рыбой в томате, бутылки водки и трофейного румынского коньяка. Подвешенная к потолку десятилинейная пузатая лампа с широким абажуром придавала комнате полузабытый деревенский уют.

Почти все командиры были в сборе. Чисто выбритые, в гимнастерках с белыми подворотничками, они выглядели совсем по-двоенному. Комиссар бригады Колитенко, начальник политотдела Сверчков, комбаты Леонов и Филиппов, заместитель комбрига Вахрушев, начальник связи Чепков и другие оживленно разговаривали, поджидая полковника.

Около одиннадцати часов в хату вошел Алексеев. Стряхнув снег с серой мерлушковой шапки, быстро разделся, повесил шинель. Внимательно оглядел стол, улыбнулся:

— Ну что же, Степан Кузьмич, продолжай командовать дальше.

— Не будем терять времени, товарищи, — распорядился Нестеров и жестом пригласил присутствующих за стол.

Как только были наполнены стаканы, Нестеров провозгласил тост:

— Товарищи! Я предлагаю выпить за здоровье именинни-

ка, чтобы под командованием Василия Михайловича крепко бить проклятых фашистов в Новом, сорок втором году, чтобы всем нам дожить до победы.

ПОД ХАРЬКОВОМ

ТОЛЬКО ВПЕРЕД

После тяжелых боев под Ростовом, после многодневного наступления с казачьими эскадронами, после хлопот перебазирования танковой бригады по железной дороге — короткая передышка в тихой деревеньке Рубцово, расположившейся чуть восточнее города Изюма. Танкисты отдыхали, писали письма домой, вспоминали близких, довоенную жизнь, ставшую какой-то очень далекой.

Вместе с бригадой мог наконец отдохнуть и полковник Алексеев. Появилось время вдоволь отоспаться, почитать, попариться в настоящей русской бане. Вечерами на чашку чая к командиру заглядывали Нестеров, Колитенко. При свете керосиновой лампы, под мерное тиканье ходиков они обсуждали ноябрьские и декабрьские бои, свои удачи и промахи, радовались успешному контрнаступлению под Москвой, пытались предугадать последствия подписанной в Вашингтоне Декларации 26 государств о борьбе против стран оси. Вспоминали погибших товарищей, свои семьи, детей.

Степан Кузьмич Нестеров с любовью рассказывал о своих «шустрых», как он ласково называл дочь Любу и сына Евгения. Любе уже восемь лет, пошла в школу, а Жене минуло четыре года. Порывшись в кармане гимнастерки, достал бережно завернутую в плотную бумагу фотографию. С нее глянуло очень молодое лицо с густыми черными вразлет бровями и задорно улыбающимися глазами. Вокруг головы уложены венцом толстые косы.

— Вот она, моя Тася, семнадцати лет за меня замуж вышла, совсем молодюсенькая, — проговорил он, довольно улыбнувшись. — Это я сейчас такой лысый, а молодой ничего был. Поженились мы, когда я приехал с Зеравшана, где строил плотину по комсомольской путевке. Я думал, холостяком останусь, да вот Тасюту встретил!

Чувствовалось, что Нестеров очень любит свою жену, детей. Василий Михайлович, наблюдая за ним и Колитенко, еще

раз отметил, какие они разные, не похожие друг на друга.

В отличие от живого, общительного, энергичного, порой вспыльчивого начштаба, Григорий Павлович был человеком уравновешенным, спокойным, пожалуй, излишне гражданским. В Красную Армию он пришел из запаса незадолго до войны. До призыва работал начальником политотдела совхоза «Гигант» в Ростовской области. В военную жизнь втягивался медленно. Мечтал по окончании войны растить хлеба на ростовских тучных черноземах. Вечерами рассказывал о казачьих обычаях, о станичных колхозах, о тракторах и комбайнах. «Не комиссаром тебе быть, Григорий Павлович, а наркомом земледелия», — шутил Нестеров.

С. К. НЕСТЕРОВ.

Иногда Степан Кузьмич приносил с собой гитару. Наговорившись о последних событиях в бригаде, о сводках Советского информбюро, напившись чаю, он брал гитару и приятным баритоном запевал: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой». Любил песни и Василий Михайлович. Но отдавал предпочтение народным.

Так проходили эти долгие «мирные» вечера, и не скоро потухал свет в окнах хаты, где жил полковник Алексеев.

Наконец прибыло долгожданное пополнение и материальная часть. «Земляки позаботились, уральцы», — с гордостью говорил Василий Михайлович. Он внимательно рассмотрел списки новых экипажей и утвердил их. Многих танкистов он знал лично, о других помнил по боевым донесениям. «Народ боевой, проверенный, смотрели смерти в глаза», — сказал он, подписывая приказ о формировании танковых экипажей.

Перед новым наступлением комбриг приказал собрать всю бригаду.

На опушке леса около Рубцово длинной шеренгой выстроились танкисты, а за ними, словно на линейке, на одинаковом

расстоянии друг от друга встали танки. Перед строем — командир бригады, его помощник по технической части, комиссар, начальник штаба. К танкистам обращается Алексеев. Вздвонннно говорит он о большой ответственности, которую возложила Родина на танкистов, о боевых делах и задачах бригады:

— Вы помните, товарищи, с какими превосходящими силами врага нам пришлось биться? Наши легкие танки смело бросались в бой и поражали неприятеля. Танкисты не щадили своей жизни. Из горящих танков по врагу стреляли пушки, строчили пулеметы. Задыхаясь от дыма, до последнего дыхания продолжали смертельный бой герои. Мы потеряли многих боевых друзей. Мы не забудем имен капитана Сердюка, старших лейтенантов Гаганова, Заикина, Прибыщука, лейтенанта Второва... Но и враг дорого заплатил за кровь и жизнь наших товарищей: тридцать пять танков уничтожил личный состав нашей бригады, полторы тысячи гитлеровцев нашли смерть от огня и гусениц советских машин.

В морозном воздухе эхом отзывается каждое слово полковника Алексеева, проникает в сердца танкистов, зажигая в них жгучую, смертельную ненависть к врагу.

— Теперь мы опытнее, — продолжал Алексеев. — В наших руках прекрасные танки. Наша задача — громить врага там, где он не ждет, огнем и мечом уничтожать фашистских гадов. Священная война еще только начинается, и горе будет тем, кто ее развязал. Кровь за кровь! Смерть за смерть! Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

...Юго-Западный фронт готовился к наступлению. 341-й стрелковой дивизии и взаимодействовавшей с ней танковой бригаде Алексеева поставлена боевая задача прорвать оборону противника между хутором Донецкий и селом Каменка, юго-западнее города Изюма, взять с ходу хутор Топальский и развить наступление на Лозовую.

Задача эта была непростая. Немцы, используя условия местности, создали сильные оборонительные районы, превратив села и деревни в опорные узлы сопротивления. Дома обложили мешками с землей, на чердаках, в окнах, в специально пробитых отверстиях в стенах установили пулеметы. На окраинах соорудили блиндажи и дзоты, соединив их траншеями, обеспечив телефонной связью.

Чтобы прорваться через вражескую оборону, предстояло прежде всего взять укрепленную господствовавшую над местностью высоту 185,1. Решено было обойти высоту слева и потом с тыла ударить по ней.

18 января 1942 года в предрассветной мгле без артиллерийской подготовки, рассчитывая на внезапность удара, полки дивизии пошли в наступление и благополучно приблизи-

лись к обороне противника. Но, заметив наступавшие цепи, враг обрушил на них такой шквал огня из всех видов оружия, что пехота немедленно залегла в глубокий снег. До вражеских траншей оставалось сто пятьдесят — двести метров.

Ударил наша артиллерия. С наблюдательного пункта видно, как поднялась пехота и вслед за огненным валом короткими перебежками преодолела еще метров сто. Почти у самых вражеских позиций наступавшие попали под ожесточенный перекрестный огонь с высоты 185,1 у окраины села Каменка. Снова красноармейские цепи залегли в спасительный снег.

Кажется, нет такой силы, которая могла бы поднять людей. Но вот могучие «тридцатьчетверки» батальона капитана Филиппова, пропахивая снег и вздымая за собой белые буруны, направились к высоте. Томительно тянутся минуты.

Головной танк Филиппова стремительно вырвался вперед. Суетятся у немецких орудий расчеты, разворачивая батарею на прямую наводку. Но поздно. Короткая очередь — и падают фашисты у первого орудия. Остальные, обгоняя друг друга, бросились в укрытие. Очередь — и падает еще несколько человек.

— Держи на тридцать градусов правее, бери прямо на орудие! — кричит по переговорному устройству Филиппов механику-водителю. Через несколько секунд раздается металлический лягз, танк резко встряхивает.

— Так им, сволочам! — в порыве боевой горячки повторяет капитан. — Водитель, еще градусов на десять правее, на орудие!

Под тяжелым танком с хрястом приплюснулось к земле и это орудие.

— Заряжающий! Фугасными прямой наводкой по блиндажу! — командует Филиппов.

С первого же выстрела блиндаж рухнул. Метрах в тридцати Филиппов заметил танк с цифрой «12» на броне. «Петька Громов орудует», — подумал капитан и увидел, как танк друга резко затормозил, повернулся, жерло его орудия нацелилось на блиндаж. Выстрел — и летят вверх бревна, земля.

Танки батальона Филиппова разбили вражеские блиндажи и подавили огневые точки. Цепи пехоты, еще недавно врывшиеся в снег, поднялись и устремились к высоте.

На НП командира танковой бригады настойчиво зазвонил телефон. «Товарищ полковник, вас вызывает командир дивизии», — доложил телефонист.

— Мой правофланговый «сынок» попал под огонь пулеметов и автоматчиков с южной окраины Донецкого. Пошлите еще «коробочек», — просит командир дивизии Шагин.

Василий Михайлович задумался. В его резерве остались танки Т-60, малые танки, по столь глубокому снегу им не пройти...

— «Коробочек» подходящих нет. Шлю «сынка», «братика», твоему «сынку» шлю, — применяя простейший условный код, сообщил Алексеев Щагину.

Вызвав к телефону командира мотострелкового батальона Шанина, теперь уже капитана, Алексеев приказал ему скрытно обойти по балке хутор Донецкий и атаковать немецкий гарнизон.

— Сынок, — теперь уже в его словах не было условности. Василий Михайлович давно и часто обращался так к Виктору Шанину, полюбившемуся ему своей юношеской непосредственностью, отвагой и смелостью. — Имей в виду, немцы увлеклись сейчас перестрелкой с пехотой, тебе надо ударить по ним внезапно. Если сможете подойти скрытно, все отлично получится. Будь осторожен, сынок, — закончил он.

Действительно, когда батальон Шанина с тыла внезапно атаковал немецкие позиции, гитлеровцы в беспорядке побежали. На плечах отступавших наши пехота и танки к ночи вырвались к хутору Топальский, находившемуся в четырех километрах от передовой, и с ходу взяли его.

Наступление в направлении Лозовой и Барвенково продолжалось.

Капитан Филиппов получил приказ совместно со стрелковым полком взять село Большая Камышеваха.

К исходным для атаки позициям он повел танки по лесным дорогам за стрелковыми подразделениями. Шел крупный пушистый снег, видимость сорок — пятьдесят метров. Танки часто останавливались, давая возможность пехоте уйти вперед метров на четыреста — пятьсот.

Головной шла «тридцатьчетверка» младшего лейтенанта Федора Ощепкова. На одном из поворотов, взглянув через смотровой триплекс на дорогу, Ощепков не поверил своим глазам: по дороге длинной колонной, подняв воротники серо-зеленых тонких шинелей, шагали немцы. Лошади тянули противотанковые пушки. «Что за чертовщина! — удивился Ощепков. — Сомнения нет, немцы! Вот так случай, а говорят, в мире чудес не бывает», — промелькнула мысль.

Забыв обо всем на свете, как охотник, внезапно увидевший дичь, он даже не подумал, что ему первым делом надо доложить обо всем командиру. Взволнованным тихим голосом, как будто его могли слышать немцы, Ощепков сказал по переговорному устройству командиру танкового орудия:

— Мишка, друг, скорей заряжай осколочным. Дистанция сто метров.

Младший командир Михаил Пастухов изумленно поглядел на него.

— Быстрее, говорю тебе, не понял, что ли! — уже крикнул командир танка.

Через несколько секунд снаряд был в стволе.

— Огонь!

Прижавшись к мутноватому стеклу, Ощепков, как завожженный, смотрел на близкий разрыв снаряда, раскинувший сотни горячих, режущих металлических брызг по фашистам. Хвост колонны раскидало, разбросало по сторонам. Впереди идущие солдаты на мгновение оцепенели, а потом бросились кто куда.

— Та же дистанция, Миша, дорогой! Коля, Коля, — кричал Ощепков механику-водителю, — полный вперед! Да быстрее же ты, черт! — уже нервно ругался Ощепков.

Прислуга немецкого орудия, опомнившись от неожиданности, пыталась навести орудие. Танк Ощепкова стремительно рванулся с места.

— Коля, газку, газку побольше!

Громко урча работавшим на больших оборотах двигателем, чадая выхлопной трубой, танк в минуту достиг орудия, так и не успевшего сделать ни одного выстрела.

— Коля! Жми, дави их, гадов! — кричал возбужденный Ощепков.

В этом коротком неожиданном бою немцы потеряли десять противотанковых орудий, боеприпасы, не менее сотни солдат.

— Что, младший лейтенант, наверное, сам испугался, увидев вдруг фрицев в нескольких шагах? — шутливо спрашивал позже полковник Алексеев, вручая Ощепкову орден Красного Знамени. — Молодец, не растерялся, горжусь тобой, — сказал командир бригады, крепко пожимая руку младшему лейтенанту.

После упорного продолжительного боя, в течение которого немцы двенадцать часов удерживали село, Большая Камышеваха была освобождена. Не давая врагу опомниться, танкисты преградили возможные пути отхода противника из следующего опорного узла Мечебилово и совместно с 1141-м стрелковым полком разгромили немецкий гарнизон и взяли село.

...Просторная украинская хата под крышей из красной черепицы, окна со ставнями. Деревянный пол выкрашен светло-желтой масляной краской, косяки и оконные рамы — голубой. В дверных проемах белые занавески с красной узорчатой вышивкой. В одной из трех комнат сдвинуты столы, заставленные коробками телефонных аппаратов. На самом боль-

шом столе пишущая машинка «Мерседес», у стены, между окнами, большой шкаф с папками для бумаг и чайным сервизом. В углу на этажерке радиоприемник «Телефункен». Здесь был штаб немецкого батальона, а теперь — КП командира танковой бригады.

За одним из столов начальник штаба бригады Нестеров. Он докладывает о результатах боя полковнику Алексееву, который расхаживает по комнате, попыхая трубой.

— Уничтожено до батальона пехоты, четыре противотанковых орудия, семьдесят автомашин. В общем, товарищ полковник, «немцевбилово» получилось. Капитан Филиппов доложил, что среди пленных оказался начальник штаба, гауптман по званию. Перед тем как отправить офицера в тыл, капитан допросил его. Между прочим, гауптман заявил: «Ваши танки хорошо воюют».

— Ну, ерунда, гауптман просто с перепугу, чтобы на тот свет не отправили, стал комплименты сыпать. Пока плохо мы воюем, Степац Кузьмич.

Полковник помолчал и продолжил:

— Вот что я думаю. Впереди, километрах в тридцати от нас, Лозовая, крупная железнодорожная станция. Судя по тому, что немцы построили оборону на опорных узлах, не имея сплошного фронта, нам надо создать маневренную десантную группу с танками, чтобы она значительно раньше основных сил вышла к железнодорожной магистрали Лозовая — Харьков и перерезала ее. Да и шуму можно наделать, уничтожая отступающие немецкие части.

В десантную группу объединили взвод автоматчиков и взвод пулеметчиков, посаженных на грузовики, восемь танков и противотанковую батарею. Возглавил группу капитан Филиппов.

Полковник Алексеев внимательно следил за донесениями отряда. «Очистили такой-то населенный пункт, уничтожили столько-то немцев», — передавал по радио Филиппов.

В один из вечеров связь с десантом прервалась. Алексеев не давал покоя начальнику связи капитану Чепкову, заставляя еще и еще раз вызывать по рации Филиппова. Наконец радист Филиппова вышел в эфир. Слышимость была отличная. Когда об этом доложили Алексееву, он сам подошел к рации и попросил вызвать капитана. Выслушав рапорт о делах десанта, полковник взял в руки микрофон: «Дорогой мой Володя. Спасибо. Хорошо действуете. Обнимаю всех...»

Неугомонный командир десантного отряда, воспользовавшись благоприятным моментом, попросил Алексеева:

— Товарищ третий, разрешите погостить у «тещи» в Лозовой. Как меня поняли?

— Понял вас отлично, разрешаю. Только, Володя, не жадничай на блины. Понял?

— Все понял. Ждите завтра.

Трое суток пробыл в тылу врага десантный отряд. Утомленный, осунувшийся, с забинтованной рукой, но довольный, со счастливым блеском в карих чуть лукавых глазах, капитан Филиппов докладывал полковнику:

— Задание выполнено. В Янычевке уничтожили до двухсот солдат и офицеров. В Александровке наделали суматоху, ворвавшись на большой скорости в село. В районе села Николаевка встретили колонну пехоты с артиллерией длиной километра в четыре. Это были свежие подходившие резервы...

— Володя, а ты не преувеличиваешь? — мягко прервал капитана Алексеев.

— Нет, товарищ полковник, не преувеличиваю. Так вот... как увидел я эту колонну, ну, думаю, дади-и-м мы им жару! Вспомнил, что они у Больших Сал под Ростовом с нашей пехотой делали. Скомандовал я своим, чтоб осколочных не жалели, и давай стрелять по гадам, а потом давить. На разъезде Нижние Раздоры взорвали стрелки. В Екатериновке, что вблизи Лозовой, разогнали немцев и начали обстрел Лозовой. Отрядом уничтожено не менее семисот солдат и офицеров. Наши потери — один танк Т-60.

— Очень хорошо, Володя. Задачу выполнили блестяще. Спасибо. Пусть танкисты отдохнут. А тебе в медсанбат, руку лечить. Скажи начальнику штаба батальона, пусть готовит документы для представления к наградам.

«ЗАСЛУЖИВАЕТ ЗВАНИЯ ГВАРДЕЙСКОЙ»

Полковник Алексеев задумался. На столе перед ним стопка исписанных листов бумаги, схемы боев под Ростовом и Харьковом. Через несколько дней ему предстоит выступить на тактической конференции командного состава танковых бригад армии с докладом об опыте боевого использования танков. Доклад ответственный, но Василию Михайловичу было что сказать. И самое главное, наиболее важное — правильное использование танковых соединений. Вопрос очень принципиальный, так как многие решают его неграмотно, от чего страдает общее дело.

Фактический материал подобрать не составило большого труда: журнал боевых действий бригады, в котором ежедневно, какой бы трудной ни была обстановка, велись записи, был под рукой. «Как отнесется армейское начальство к выводам, которые я сделаю на основе собственных наблюдений? Навер-

няка не всем понравится, что мнение командира танковой бригады об использовании танков идет вразрез с указаниями штаба армии, — размышлял Алексеев. — Нет, скажу все так, как думаю», — решил он. Полковник взял ручку и крупным ровным почерком неторопливо стал записывать тезисы своего выступления:

«Прежде всего, нельзя распылять танковое соединение. Целесообразнее было бы иметь танковые корпуса, объединив в них танковые бригады. А у нас танковую бригаду дробят и поротно придают полкам. Командиры же полков порой идут еще дальше и повзводно подчиняют танки батальонам. В лучшем случае танковая бригада придается дивизии. Но и командиры стрелковых дивизий нередко задачу ставят так: «Придаю танковую бригаду стрелковому полку». Неоднократно я лично убеждался, что командиры полков используют танки неграмотно.

Для выполнения серьезных задач необходимо массированное применение танков. Я понимаю, — писал он далее, — у нас мало танков, в связи с этим, возможно, мы не можем иметь в настоящее время крупных танковых соединений. Но тем не менее не следует все-таки подчинять дивизии танковую бригаду, а через штаб армии ставить ей самостоятельную задачу, используя на главном направлении.

Второе. У нас утвердилась практика, когда танки без должной артиллерийской поддержки бросают на оборону противника. В результате при подходе к переднему краю танки несут большие потери от огня вражеской противотанковой артиллерии. Очень важно улучшить взаимодействие танков с артиллерией в ходе боя».

Доклад слушали с большим интересом. Командиры, начальники штабов танковых бригад поддержали выводы и предложения полковника Алексеева. Заместитель командующего армией заверил, что протокол конференции будет представлен начальнику Главного управления бронетанковых войск.

Весной 1942 года бригада продолжала вести наступательные бои за новые опорные пункты врага: Фидлерово, Аннаниколаевку, Елизаветовку, Очеретино.

Василию Михайловичу не повезло, простудился. Ангина. Пришлось лечь в постель. В отрыве от боевых дел, оставшись наедине с собой, вспомнил семью, Пермь. «Как там они, родные, переносят тяготы войны? Нам тут тяжело, но и им нелегко». Представил жизнь жены, детей. С началом войны жена Александра Петровна пошла работать на завод, дочка заканчивает десятилетку. Сын Витя совсем еще мал, учится в начальной школе. Вспомнил последнее письмо из дому: «Ты за нас не беспокойся, у нас все хорошо...» Представил, как с про-

довольственными карточками ходят они в магазин. Нормы на хлеб, на крупу. А мясо, масло и сахар отпускаются в таком мизерном количестве, что ему даже как-то неловко стало за себя и своих боевых товарищей перед теми, кто остался в тылу...

Раздумья прервал Нестеров. Степан Кузьмич заходил к нему часто, по нескольку раз в день, не доверяя ни адъютанту, ни начальнику медсанслужбы. Приносил то банку малинового варенья, то крупные сочные яблоки. В последний раз, как только зашел в хату, достал из кармана бутылку водки и с серьезным видом посоветовал употребить для лечения. На этот раз Степан Кузьмич пришел сообщить, что танкисты вместе с артиллеристами отбили ожесточенную атаку немецких танков на Фидлерово, подожгли одиннадцать танков.

— Вот эта весть, Степан Кузьмич, лучше всякого лекарства! — улыбнулся полковник...

5 апреля 1942 года военный совет 57-й армии принял постановление: «Учитывая особые заслуги и отвагу, проявленные в боях за социалистическую Родину с немецкими захватчиками, за стойкость и мужество, дисциплину и организованность, героизм личного состава, военный совет 57-й армии ходатайствует перед военным советом Южного фронта и Народным Комиссариатом Обороны Союза ССР о присвоении 6-й танковой бригаде звания гвардейской».

Постановление поддержал и военный совет Южного фронта. Но не суждено было 6-й танковой бригаде стать гвардейской. Другие обстоятельства перевернули ее судьбу. В этом же месяце она, уже как 57-я бригада, вошла в состав вновь созданного 23-го танкового корпуса.

МАЙСКИЕ СОБЫТИЯ НА БАРВЕНКОВСКОМ ВЫСТУПЕ

(ТРЕТЬЕ ПИСЬМО В. К. ШАНИНА)

В период подготовки к наступлению я был назначен заместителем начальника штаба 57-й танковой бригады по оперативной работе. 23-й танковый корпус, в который вошла брига-

да Алексева, придавался 6-й армии генерал-лейтенанта Городнянского. В то время я часто выполнял указания Василия Михайловича. Выезжал с ним на передний край, вместе изучал оборону противника, маршруты выдвижения нашей бригады. Василий Михайлович не раз говорил: «Чтобы с наименьшими потерями разбить врага, нужно хорошо знать его, отлично изучить местность, на которой предстоят боевые операции».

12 мая 1942 года советские войска из района Волчанска и с Барвенковского выступа перешли в наступление. Оборона противника была прорвана севернее и южнее Харькова. 57-я танковая бригада вошла в прорыв и во главе других подвижных соединений устремилась на вражеские тылы.

Василий Михайлович с небольшой оперативной группой, в составе которой был и я, следовал непосредственно за боевыми порядками первого эшелона. Он внимательно следил за ходом боя, руководил действиями подразделений. Василий Михайлович в период наступления всегда стремился высылать вперед подвижные отряды, куда входили танки с десантами автоматчиков. Так было и на этот раз.

На десять танков Т-34 он приказал посадить роту автоматчиков. Командовал отрядом командир танковой роты старший лейтенант Кокин. Я хорошо помню этого рослого, атлетически сложенного, храброго человека. Василий Михайлович лично ставил задачу отряду. Отряд должен был, обходя опорные пункты противника, перерезать железную дорогу Харьков — Лозовая и лишить немцев возможности подвозить резервы и боеприпасы к району боев.

Отряд действовал успешно, днем и ночью шел вперед. Василий Михайлович поручил мне лично держать связь с отрядом и докладывать ему обо всех сообщениях. Десант, оторвавшись километров на двадцать пять от главных сил бригады, перерезал железную дорогу в районе станции Власовка южнее Харькова. Кокин по радио сообщил, что при этом уничтожено четыре танка, шесть орудий противотанковой обороны и около ста солдат и офицеров. Помню, как Кокин торопливо, взволнованно говорил: «Отражаю атаки танков и пехоты противника, бомбит авиация». Бригада в это время вела тяжелый бой с контратакующим противником и также подверглась массированному налету авиации. Но даже в тот трудный момент Василий Михайлович часть танков выслал на помощь подвижному отряду. Я непрерывно поддерживал радиосвязь с Кокиным. На всю жизнь мне запомнились его последние сообщения: «Противник непрерывно атакует отряд, бомбит авиация, три наших танка горят, подбит и мой танк. Занимаемое положение удерживаем...» Еще через одну-две минуты в эфире

ПЕХОТА И ТАНКИ В НАСТУПЛЕНИИ.

раздались последние слова Кокина: «Мой танк горит...» Затем связь оборвалась.

Бригада отразила контратаку врага и через несколько часов вышла в район Власовки к месту последнего боя отряда Кокина. Выяснилось, что после внезапного удара наших танков немцы опомнились и решили уничтожить десант. Тридцатью танками, пехотой с одновременными ударами авиации начали они яростные атаки. Кокин организовал круговую оборону станции и почти целый день отражал противника. Отряд потерял шесть танков, около тридцати человек автоматчиков, уничтожив двенадцать немецких танков, восемь орудий ПТО, до ста пятидесяти гитлеровцев. Когда танк Кокина загорелся, командир приказал экипажу покинуть машину. Из горящего танка раненый старший лейтенант продолжал стрелять из пушки и сгорел в нем. Василий Михайлович очень тяжело переживал смерть этого героя.

Вскоре бригада вынуждена была перейти к обороне. 17 мая танковая группировка противника нанесла сильный удар из района Славянск — Краматорск под основание Барвенковского выступа, вышла в тыл и стремилась окружить наши наступающие армии. Намного позже выяснилось, что ударная

группировка немцев насчитывала одиннадцать дивизий, в том числе две танковые и одну моторизованную.

23-му танковому корпусу было приказано передать рубеж обороны подходившим стрелковым частям. Танковой бригаде Алексева предстояло совершить стокилометровый марш, выйти в район Большой Камышевахи и прервать путь прорвавшимся танковым соединениям врага. Бригада шла днем под массированными ударами авиации противника. Но, несмотря на это, она выполнила задачу и без потерь сосредоточилась в заданном районе. К этому времени немецкие танковые и моторизованные войска Клейста вышли к Северному Донцу западнее Изюма, а днем позже около Балаклеи соединились с частями 6-й немецкой армии, нанесшей удар с севера. Войска 6-й, 57-й и частично 9-й советских армий, действовавшие на Барвенковском выступе, оказались окруженными.

Начались тяжелые бои. Перед бригадой ставили различные и не всегда целесообразные задачи. Помню случай, когда мы получили приказ одним танковым батальоном нанести удар в направлении села Большая Камышеваха и прорвать кольцо окружения. Василий Михайлович возмутился. Одним батальоном осуществить прорыв было невозможно. Тут требовался удар всей бригады, может быть, даже всего танкового корпуса. Алексеев немедленно выехал на командный пункт командира корпуса генерал-майора Пушкина. Я был свидетелем этого разговора. Командир корпуса заявил, что он полностью согласен с мнением Алексева, но изменить что-либо, к сожалению, не может. «Командование, — говорил генерал, — мотивирует свое решение необходимостью беречь танки для продолжения наступления».

Конечно, из попытки прорыва ничего не вышло, батальон понес большие потери и задачу не выполнил. Затем одним же батальоном было приказано нанести удар в другом месте. Тот же результат. Корпус нес большие бесполезные потери. Противник, наоборот, с каждым днем уплотнял свои боевые порядки и сжимал кольцо окружения. Все меньше и меньше оставалось у нас танков. В это время поступило сообщение, что Василию Михайловичу присвоено звание генерал-майора танковых войск. Все мы с радостью его поздравляли. Но не весел был Василий Михайлович. «Какой я танковый генерал без танков», — сказал он тогда. Действительно, в бригаде осталось всего двадцать танков.

Обстановка становилась все трудней. Порой невозможно было в ней разобраться. 57-я армия, которой раньше придавалась танковая бригада, отходила на север через реку Берека на тылы 6-й армии. Радиосвязь со штабами 23-го танкового корпуса и 57-й армии прервалась. На танковую бригаду бес-

прерывно наседали авиация противника. Совместно с отходящими стрелковыми частями танковому корпусу предстояло прорваться к Изюму. Было собрано все, что возможно. Завязались упорные бои с противником. Трудно описать то, что происходило. Массы людей, автомашин устремились за наступавшими частями. Много людей погибло. Я в это время по заданию Алексеева был в боевых порядках частей и редко видел его»*.

РАССКАЗЫВАЕТ П. П. ЧЕПКОВ

Очевидец тех трагических событий, начальник связи 57-й танковой бригады Павел Павлович Чепков вспоминал:

«Это были самые трудные дни в моей жизни. Все время я находился рядом с Василием Михайловичем. В бригаде осталось всего лишь семь танков и человек двести мотострелков и автоматчиков. Правда, к нам присоединились остатки других стрелковых, танковых и артиллерийских частей. Мы медленно продвигались на северо-восток по широкой, местами заболоченной и поросшей кустарником долине. Запомнилось, как однажды в яркий солнечный день при появлении вражеских самолетов стало темно: так их было много. Бомбы искромсали перелесок, в котором успели укрыться некоторые части, перепахали землю, все кругом горело, в воздухе стояло душное облако сгоревшей взрывчатки. Немецкая авиация бомбила нас каждый день по нескольку раз.

Медлить было нельзя. Алексеев торопил, и мы шли и шли. Продовольствие давно кончилось, питались чем попало, на наших ремнях появлялись новые дырки. Люди почти не спали. Управлять ими в такой обстановке исключительно трудно. Утомленные, только присядут на землю, мгновенно засыпают. Сам Василий Михайлович, помню, посуровел. На его всегда спокойном, приветливом, с мелкими оспинками лице пролегли глубокие складки. Он часто разглядывал карту, требовал установить радиосвязь со штабом, думал, где лучше прорваться.

При подходе к Северному Донцу нас встретили плавни, болота, камыши. Неширокий проход, имевшийся за Бузуевой балкой, преградили немцы. Мы укрылись в балке. На исходе было горючее и боеприпасы. Пытаясь установить связь с вы-

---

* В. К. Шанин в 1942—1945 годах служил начальником штаба танковой бригады, командиром мотострелковой бригады, заместителем командира танкового корпуса. В 70-х годах работал в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР. В 1975 году генерал-лейтенант Шанин вышел в отставку. Живет в Москве.

п. п. чепков.

ходящими из окружения частями, Алексеев буквально загонял всех командиров штаба.

Наблюдательный пункт Алексеева был в конце Бузуевой балки. Однажды, изучая с биноклем в руках местность и расположение немцев, он приподнялся над бруствером. Просвистела автоматная очередь. Василий Михайлович вздрогнул, правой рукой схватился за левую, от боли стиснул зубы. Пуля прошла локтевой сустав, перебила кость. Генерал-майор чувствовал себя плохо, но, преодолевая боль, оставался на месте.

До последнего момента я сохранял радиостанцию, смонтированную на автомашине. От радистов требовал во что бы то ни стало установить связь со штабом Южного фронта. Наконец на наши многочисленные вызовы ответила радиостанция штаба. Мы доложили обстановку, просили помочь продовольствием, боеприпасами, пытались выяснить возможность оказания нам помощи при форсировании Северного Донца. В ответ на нашу радиограмму штаб фронта предложил ночью подготовить площадку для самолета, чтобы вывезти раненого генерала Алексеева. Василий Михайлович категорически отказался оставить бригаду: «Нет, ребят своих я не брошу. Или вместе выйдем живыми, или вместе умрем». Зная Алексеева, я уверен, что поступить по-другому он никогда бы не смог. Ведь в особо трудные моменты люди с надеждой смотрят на командира, ждут, какое он примет решение. Громадная ответственность ложится в такие часы на него. И Алексеев это понимал. Он видел, что все в него верят, и доверие людей хотел оправдать. Алексеев приказал мне передать, что остается и что еще раз просит помочь боеприпасами.

С помощью разведчиков удалось установить связь с кавалерийской частью численностью до эскадрона, которая также пыталась выйти из окружения. Договорились о совместных действиях.

Ночью прилетели «кукурузники», сбросили грузы. Несмотря на то что большинство мешков упало в болото, настроение у нас поднялось: «О нас помнят, нам хотят помочь». В эту же ночь Алексеев собрал командный состав и объявил свое решение: «Помочь нам выбраться некому. На всем западном берегу Северного Донца немцы. Обстановка за рекой не-

известна. Промедление смерти подобно. Сегодня с рассветом пойдем на прорыв, погибнем или пробьемся. Всем подготовиться. Учесть и равномерно распределить горючее, боеприпасы. Впереди пустить танки, за ними автомашины с автоматчиками. По выходу к реке танкам прикрыть форсирование Северного Донца. Потом танки сжечь». Сбережь знамя бригады поручили офицеру-танкисту, фамилию которого я, к сожалению, не помню. Он обернул его вокруг груди и надел гимнастерку. Уничтожили штабную документацию. О времени прорыва сообщили кавалеристам.

Ранним утром по команде ринулись в атаку. Впереди, стреляя с ходу из пушек и пулеметов, танки. Одновременно с нами поднялись конники. Немцы подготовились к нашему прорыву: поставили орудия, пулеметы, вырыли окопы. Но наша лавина была стремительна и неудержима. Не все мы, к сожалению, смогли вырваться. Застряло несколько танков, много автомашин. Часть бойцов и командиров попала под пулеметный и автоматный огонь...

Теперь предстояло быстро преодолеть Северный Донец. Подручных средств почти не оказалось. Пришлось форсировать реку вплавь. Из подготовленных заранее огневых точек немцы повели интенсивный обстрел реки. Многие наши боевые товарищи погибли тогда на воде... Из реки выходили мокрые, полураздетые, без обуви. Спасением был близкий лес.

Успокоившись после пережитого напряжения, подсчитали немногочисленные оставшиеся силы. Чувствовали себя подавленно. Алексеев, в таком же мокром обмундировании, как и у нас, понял наше состояние и приказал: «Не раскисать. Идем в места прежнего расположения на Красный Оскол...»

Мы действительно вышли в расположение наших частей. Помню расставание с Василием Михайловичем. Он уезжал в госпиталь. На прощание он обнял и расцеловал Нестерова, Шанина, меня, еще нескольких провожавших его товарищей и сказал: «Не расстраивайтесь, друзья, в госпитале долго не пробуду, рука заживет, встретимся и еще повоюем вместе». Но я уже больше не встречался с Василием Михайловичем»*.

В ГОСПИТАЛЕ

Сон не шел. Сквозь неплотно прикрытую дверь в палату из коридора проникал слабый свет. Легкие торопливые шаги, еле слышные на мягких ковровых дорожках, то затихали, то при-

---

* Подполковник в отставке П. П. Чепков в настоящее время живет в Ростове-на-Дону.

ближались. Вот кто-то остановился у палаты, прислушался и бесшумно закрыл дверь. Сразу стало темно и почему-то душно. С соседней койки доносилось прерывистое, хриплое дыхание — раненый подполковник, страдавший последние ночи бессонницей, сейчас крепко спал.

Алексеев откинул одеяло, осторожно попытался приподняться в постели, но острая боль в ноге сразу же заставила его снова лечь и не шевелиться. «Лежи и не дыши, — невесело усмехнулся он, — сколько еще лежать вот так?» А сон не шел. Вот уже неделя, как он в госпитале в Сочи. Вчера сделали операцию, из левой ступни удалили осколок. Вспомнив об операции, Василий Михайлович снова ощутил резкий, удушающий запах эфира. Этот запах сутки преследовал его, вызывал тошноту. Алексеев закрыл глаза и, чтобы забыться, стал считать. Обычно это успокаивало, заглушало боль. Один, два, три... Но сон не шел. «Да, мне чертовски не везет: в мае ранили в руку, больше месяца пролежал в госпитале. Теперь снова».

Всего лишь три месяца назад, после выхода из госпиталя, в июле 1942 года его назначили заместителем начальника автобронетанкового управления Южного фронта по боевому использованию танков. Непосредственный начальник Алексеева, заместитель командующего по автобронетанковым войскам генерал-лейтенант танковых войск А. Д. Штевнев, человек энергичный, волевой и отлично знающий дело, был доволен своим заместителем. Они сработались. Если учесть, что против армий Южного фронта действовали многократно превосходящие танковые соединения врага, то станет ясно, сколько сил, энергии, знания тактики ведения танковых боев потребовалось от Штевнева и Алексеева, чтобы в этих труднейших условиях противостоять врагу. И не только противостоять, но и наносить ему ощутимые удары.

А положение к концу лета 1942 года становилось все сложнее. Враг намеревался окружить и уничтожить советские войска между Доном и Кубанью, обойти с севера Главный Кавказский хребет, нанести одновременный удар с запада и востока, захватив таким образом весь Кавказ. Для осуществления этой цели враг сосредоточил около трех десятков дивизий, из них девять танковых и моторизованных, огромное количество самолетов. В конце июля Южный фронт объединился с Северо-Кавказским. Командующим стал Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

3 августа после тяжелых боев был оставлен Ставрополь, а 12 августа — Краснодар, где находился штаб фронта. Жесточайшие бои развернулись на Майкопском направлении. В эти дни генерал-майор Алексеев постоянно находился в войсках.

16 августа неподалеку от города Горячий Ключ немецкий штурмовик, заметив «виллис», в котором ехал Алексеев с группой командиров штаба фронта, атаковал машину. Бомбы разорвались рядом. Автомобиль отбросило и перевернуло. Пострадали все. Крупные осколки врезались Алексееву в левую стопу, перебив кость...

«Не везет. Так некстати, так не вовремя надо отлеживаться», — еще раз подумал Алексеев, сознавая свою беспомощность здесь, в госпитале, когда в сотне километров от Сочи решалась судьба Закавказья.

Мучительно медленно тянулась ночь. Уже под утро Василий Михайлович заснул, а когда открыл глаза, в палате было светло. На соседней койке, углубившись в чтение какой-то потертой толстой книги, лежал подполковник Артамонов, которому недавно ампутировали ногу. С ним Алексеев познакомился в первый же день. Довольно молодой, с бледным лицом, ввалившимися глазами, он располагал к себе мужеством, стойкостью, оптимизмом.

— Вы не думайте, Василий Михайлович, что я раскис, отчаялся, — говорил он. — Руки есть, голова цела, выкарабкаюсь. Еще полезным людям буду, жаль только, что на фронт не попаду да с Татьяной, женой, как раньше, не станцую.

Много думал Алексеев и о своем положении. Он знал, что предстоит еще не одна операция: нога оказалась изрядно начиненной осколками. Но он верил, что врачи сделают все возможное, чтобы сохранить ногу. С большой благодарностью думал Алексеев о врачах, сестрах, санитарках, тех, кто все силы, знания, опыт, всю теплоту души отдавал раненым, забывая о своем здоровье и отдыхе. Он понимал, что их мужество и самоотверженность по значимости своей равны мужеству, проявляемому на передовой.

Алексеев регулярно следил за сводками Совинформбюро, просматривал фронтовые корреспонденции. Враг рвался к Сталинграду, подошел к Волге. Положение на фронтах было неутешительным. «Нужно скорей поправиться, встать. Бездействие невыносимо», — повторял он про себя и беспрекословно выполнял все требования и предписания врачей. А раны не заживали...

Подполковник с помощью костылей начал передвигаться по палате. Подходил к большому окну, из которого было видно море, садился на стул и подолгу смотрел на силуэты военных кораблей, еле просматриваемых на горизонте.

— Я, Василий Михайлович, впервые море вижу. До войны не довелось. А погода отличная стоит. У нас в Сибири в конце августа осень начинается. А здесь лето в самом разгаре, теплень, все цветет.

В. М. АЛЕКСЕЕВ.
1943 ГОД.

— В Сочи и в октябре еще не осень, — отозвался Алексеев. — В октябре сорокового года я отдыхал в санатории РККА имени Ворошилова. Все жалел, что один, без жены, приехал. Погода тогда стояла отличная, почти майская. Море тихое, чуть колышется, даже купался. Цветы, зелень. Дочке своей все листочки да цветочки собирал, очень просила для школьного гербария. И здесь, где мы сейчас с тобой лежим, до войны санаторий был. Вот ведь и подумать тогда не мог, что отлеживаться тут придется. Да, каждый седьмой житель города в госпитале работает. Война!

А война ежеминутно напоминала о себе. Напряженные бои шли в непосредственной близости от Туапсе. Временами с Белореченского перевала, находящегося в сорока — пятидесяти километрах от Сочи, доносилась отдаленная артиллерийская канонада. Войска Закавказского фронта вели бои за Клухорским перевалом с горнострелковыми немецкими частями, рвавшимися к Сухуми.

В госпитале Василий Михайлович много думал о семье. На передовой для этого попросту не было времени. А здесь мысли о жене, о детях почти не оставляли его. Он был хорошим отцом, но кочевая военная жизнь надолго отрывала его от дома. Дети росли, учились, выросли почти без него. Письма Василия Михайловича, отправленные из госпиталя, были пронизаны большой теплотой, сердечностью, заботой. Но и в них он был не просто отцом, любящим и нежным, он был в первую очередь солдатом Родины, ее защитником, на время оторванным от передовой.

«5.9.42 г.

Милая дочка!

Скоро месяц, как я лежу в госпитале. Лечусь на берегу Черного моря. Здесь настоящая кузница по ремонту защитников Родины. Советская власть проявляет максимум заботы о своих сынах. Чем скорее они встанут на ноги, тем скорее вернутся на фронт. А что может быть сейчас важнее защиты нашей страны?

По опыту знаю, что те, кто был ранен, дерутся злее, мстят врагу за свою кровь и кровь товарищей. Только в последних боях наши танкисты, которым я помогал и советом и делом, уничтожили 89 танков и не одну тысячу солдат и офицеров. Мы знаем, что враг хитер, и на хитрость отвечаем хитростью, на жестокость — жестокостью. Кровь за кровь. Да, дочка; такова война. Сколько за это время я потерял товарищей... И каких товарищей!

Долго я не писал тебе, Валя, поверь, дочка, недосуг было, а как в госпиталь привезли, тоже не мог писать. За время, что был в боях, неоднократно попадал в окружение, но с боями прорывался к своим. Окружение не страшно, когда бойцы и командиры стойко держатся и сами наносят врагу ощутимые удары. А сколько раз пришлось быть под бомбежкой, не сосчитать! Много пройдено военных дорог, по которым мы не только отступали, но и гнали ненавистного врага. Если б вы видели, мои дорогие, с какой радостью встречало нас население освобожденных сел и городов! И это понятно. За восемь дней, пока немцы занимали Ростов, было расстреляно более двух тысяч человек. Расстреляли пятнадцатилетнего мальчика только за то, что он имел голубей, и тут же убили его плачущую мать. При освобождении Барвенково в ямах мы обнаружили более 400 расстрелянных и замученных жителей. Разве фашисты не звери? Разве можно жить спокойно, когда они поганят нашу землю?!

Дорогие мои, теперь писать буду чаще, время есть. И вы о себе пишете, папка о вас скучает. Буду стараться как можно скорей поправиться, чтобы бить ненавистного врага.

Целую всех, ваш папка».

«23.11.42.

Здравствуйте, мои дорогие! Как долго я залежался. Уже почти три месяца. Мне сделали третью операцию, удалили последний осколок. Теперь лежать осталось недолго, а там снова на фронт, снова бить фашистов. Последние дни радостны: немцы окружены под Сталинградом. От этих известий даже раны стали заживать быстрее. Надеюсь, что мне уже недолго осталось «ремонтиться», так как чувствую себя уже хорошо.

Дорогие мои, если бы вы знали, сколько внимания, заботы, сколько сердечности отдают раненым все работники госпиталя, от главврача до санитаря. Ты, Валюша, учишься в мединституте. Это прекрасная, благородная профессия. В нашей стране молодым все дороги открыты, и я верю, что твоя мечта сбудется. Но я хочу, чтобы ты, Валя, была таким врачом, какие лечат твоего папку.

Скоро у Виктора день рождения. Ты, сынку, уже почти

взрослый! Желаю тебе успехов в учебе, здоровья. Виктор, ты единственный мужчина в семье, пока папка на фронте. Помогай маме и Вале, заботься о них.

Крепко целую, папка».

11 февраля 1943 года генерал-майор Алексеев был выпущен из госпиталя и получил назначение в 45-ю армию Закавказского фронта.

ВПЕРЕД, К ДНЕПРУ

10-й ТАНКОВЫЙ

В начале июля 1943 года генерал-майор Алексеев был вызван в Управление бронетанковых войск Красной Армии.

Вызов в Москву не удивил Василия Михайловича. 45-я армия, в которой он занимал должность командующего бронетанковыми и механизированными войсками, военных действий не вела. Ее соединения находились в Закавказье, вблизи советско-турецкой границы, и в Иране. Турция по-прежнему продолжала держать войска около границы. Угроза удара в спину — вторжение в Советское Закавказье, как дамоклов меч, висела над нашей страной. Воинские части в Иране, введенные туда еще в 1941 году, выполняли миссию обеспечения безопасности. Но как бы важны и ответственны ни были эти задачи, судьба страны решалась не здесь. И ему, боевому командиру, командовавшему танковым соединением в самое трудное время, сейчас, когда Советская Армия нанесла ряд поражений фашистской Германии, когда впереди надвигались решающие сражения, не сиделось в Закавказье. Он не один раз обращался к командующему бронетанковыми и механизированными войсками Закавказского фронта генерал-майору Дементьеву с просьбой отправить на фронт.

И вот Москва. В столице он не был с мая 1941 года, с того времени, когда учился на курсах усовершенствования командного состава.

Москва выглядела суровой. В небе аэростаты. В целях маскировки пестро раскрашены стены зданий. Стекла окон перекрещены полосками бумаги. Кое-где заметны следы бомбежек.

11 июля 1943 года нарком обороны СССР И. В. Сталин подписал приказ о назначении генерал-майора танковых войск

В. М. Алексеева командиром 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Однако в штабе Воронежского фронта Алексеев получил новое назначение — командовать 10-м танковым корпусом.

Вечером 15 июля Алексеев прибыл на КП корпуса, находившийся на северной опушке лесного урочища Горное недалеко от села Новенькое, в четырнадцать километрах западнее шоссе Обоянь — Белгород.

В просторном блиндаже с накатом из осиновых и березовых бревен при свете электрической лампы, подключенной к аккумуляторной батарее, начальник штаба корпуса полковник Матвей Илларионович Лавриненко — подвижный, энергичный, небольшого роста человек — докладывал Алексееву о сложившейся обстановке, о составе и силах корпуса:

— К моменту сражения, помимо трех танковых и одной мотострелковой бригад, в состав корпуса вошли вновь сформированные самоходно-артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский, зенитно-артиллерийский и минометный полки. В боях под Прохоровкой танковый корпус понес большие потери. Сейчас корпус имеет семьдесят танков, сто двадцать орудий и крупнокалиберных минометов, личного состава — десять с половиной тысяч бойцов. В противостоящем нам 48-м танковом корпусе генерала Кнобельсдорфа насчитывается свыше ста танков и штурмовых орудий, более десяти тысяч солдат и офицеров. Задача, которую выполняет наш корпус, — жесткая оборона.

Доклад начальника штаба прервал телефонный звонок.

— Товарищ генерал-майор, вас вызывает штаб фронта, — бойко доложил связист.

— Здравствуйте, говорит Федоров...

«Федоров» — условная фамилия командующего фронтом Ватутина.

— Как ведут себя немцы? — задал он вопрос. Выслушав ответ, объявил: — С сего часа вверенное вам хозяйство поступает в подчинение командующего 1-й гвардейской танковой армией.

На следующий день Алексеев познакомился с командирами танковых бригад, артполков, офицерами штаба корпуса. А затем собрал совещание, чтобы познакомиться с боеготовностью частей и соединений перед наступлением.

Первым вошел в блиндаж и представился новому командиру корпуса высокий, молодцевато подтянутый офицер лет тридцати пяти:

— Шапошников Матвей Кузьмич — командир 178-й танковой бригады.

На чистой хлопчатобумажной слегка выцветшей гимнас-

М. К. ШАПОШНИКОВ.

терке подшит белый подворотничок. «Очевидно, любит порядок, если не франт», — подумал Алексеев.

— Полковник Божко Митрофан Дмитриевич — командующий артиллерией корпуса.

Среднего роста, широкое простое лицо, светлые волосы, голос с чуть заметной хрипотцой. «Этот прост, скромн», — промелькнула мысль.

— Подполковник Акопов Матвей Киракосович.

«Вот совпадение: Матвей да Матвей. Лавриненко — Матвей, Шапошников — Матвей, Акопов — Матвей», — мысленно улыбнулся Алексеев. При первой встрече хотелось предугадать характеры, интересы, способности людей. Знал Василий Михайлович, что и к ново-

му командиру подчиненные присматриваются с особым вниманием, сравнивают его с тем, кто был раньше. Наверняка и сейчас у многих вопрос: «А каков-то он будет?» И, вероятно, это закономерно: большие обязанности и высокая ответственность возлагаются на командира такого соединения, как корпус. Судьбы тысяч людей зависят от него.

Генерал внимательно слушал сообщения командиров бригад, старался уловить характерное для каждого из них: «Этот слишком оптимистичен, правдив ли? А этот, наверное, часто будет жаловаться на других: «Артиллерия виновата», «Инженерная служба подвела»... Хотя, конечно, всякое может быть: иногда первое впечатление обманчиво. Побываю в бригадах, полках, будет виднее». И Алексеев объявил боевое распоряжение:

— Материальную часть машин, вооружение привести в полную боевую готовность. Все машины дозаправить горюче-смазочными материалами, пополнить боеприпасами. Вести тщательную разведку.

Все приготовились выслушать приказ о наступлении, но генерал заговорил о том, что следует понимать под словами «привести в боевую готовность машины и вооружение»:

— Проверить танковые двигатели, провести технический уход, проверить сцепление, тормоза, — перечислял Алексеев.

За долгие годы военной службы у него выработалась привычка не ограничиваться лаконичностью приказа, даже если исполнители были людьми опытными, знающими. На марше, а тем более в наступлении малейшее упущение, недоработка срывают или осложняют выполнение боевой задачи.

Для командиров, присутствовавших на совещании, такая детализация показалась излишней. Но пройдет время, и они будут воспринимать это как нечто само собой разумеющееся и необходимое.

20 июля 10-й танковый корпус перешел в наступление с целью овладеть узловой железнодорожной станцией Томаровка. Командир корпуса решил атаковать противника в двухэшелонном построении боевых порядков. 183-я и 186-я танковые бригады с самоходно-артиллерийским и истребительно-противотанковым полками составили первый эшелон наступающих. 11-я мотострелковая бригада с минометным полком получила задачу развить успех первого эшелона. 178-я танковая бригада и истребительно-противотанковый полк вошли в резерв командира корпуса.

«В начале третьей декады июля 1943 года я прибыл в 10-й танковый корпус, — вспоминал бывший начальник политотдела полковник Николай Прокофьевич Стороженко, — вскоре после тяжелых боев под Прохоровкой. В 10-м танковом корпусе в начале июля погибли начальник штаба, начальники политического и особого отделов. Произошла замена и командира корпуса.

Генерал-майора Алексева я нашел в машине у рации. Было это километрах в тридцати пяти севернее Томаровки. Алексеев вел переговоры по радио с командирами бригад и полков. Приняв меня за представителя штаба фронта, он кивком головы ответил на мое приветствие и продолжал работу. Мне ничего не оставалось, как присесть на сиденье машины и ждать. Наблюдаю и думаю: «Каков же мой новый командир?» Обветренное, со следами оспы лицо. Неторопливый разговор. Скажет кратко два-три слова, глядя на карту «двухверстку», остановится, чуть помедлит, произнесет опять несколько слов и... «перехожу на прием, перехожу на прием». Отмечаю окающий на уральский лад говор. Генерал упоминает несколько раз название села Триречное, дает команды и указания. Понимаю, что речь идет об опорном пункте врага. Закончив переговоры, генерал повернулся ко мне.

Поскольку мне необходимо было представиться, а я находился в машине, пришлось это сделать совершенно необычно, сидя на сиденье: «Подполковник Стороженко, прибыл на должность начальника политотдела корпуса», — сказал я. Генерал помолчал, внимательно рассматривая меня, потом

улыбнулся мягкой, располагающей улыбкой и проговорил: «Хорошо. Будем вместе воевать».

Нигде так быстро не познаешь человека, как на фронте. Во время боев Василия Михайловича в штабе лучше не искать. Он на своеобразном подвижном командном пункте. Два «виллиса», небольшие, с хорошей проходимостью и скоростью. На первом командир корпуса, командующий артиллерией, автоматчик и водитель. Все вооружены пистолетами и автоматами. Генерал автомат не носил, но в машине его всегда имел. На другом автомобиле полевая рация. Тут, кроме водителя, начальник связи корпуса, радист, автоматчик. Для управления войсками при маневренном характере боевых действий такой подвижный командный пункт наиболее удобен. С него осуществлялась связь с частями, корректировка их действий. Этот КП находился, как правило, там, где решался исход боя.

Характер генерала был ровный, спокойный, выдержанный. Думаю, что никто из подчиненных не слышал от него ни окрика, ни грубости. С каждым днем я все ближе узнавал своего командира и все глубже проникался уважением к нему. Прост, скромен, никогда не пасует перед опасностью. Полюбил его краткую, четко построенную речь, его чуть окающую манеру разговаривать, его неторопливую, но беспокойную натуру».

Ставка Верховного Главнокомандования готовила войска к широкому контрнаступлению на левобережную Украину. Главный удар предусматривалось нанести войсками Воронежского и Степного фронтов в юго-западном направлении на Богодухов с тем, чтобы расколоть немецкие армии. После прорыва войска Воронежского фронта должны были действовать против 4-й немецкой танковой армии генерала Гота, наступая на запад в сторону Ахтырки.

29 июля 10-й танковый корпус получил приказ передислоцироваться из-под Томаровки в леса юго-восточнее города Сумы. Командование Воронежского фронта, чтобы скрыть сосредоточение войск на главном направлении, имитировало подготовку наступления на Сумы. Для этого в район города Суджи (в пятидесяти километрах северо-восточнее Сум) открыто стягивалась техника. На станцию Локинская, севернее Суджи, ежедневно прибывали железнодорожные эшелоны, из которых выгружались макеты танков, пустые ящики из-под снарядов. Днем шли в район Суджи танки, грузовики, пехота. Ночью все это уходило обратно. Враг не подозревал обмана. Его самолеты интенсивно бомбили район «сосредоточения» — станцию Локинская. 10-й танковый корпус должен был пройт-

ти днем более двухсот километров и еще раз показать противнику, что в район Суджи идут танки, что отсюда предстоит главный удар.

Выполнив задачу дезориентации противника, части 10-го танкового корпуса сосредоточились в небольших рощицах и балках в районе крупного населенного пункта Завертячий. Впереди решающие бои.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

После знойных июльских дней небо с раннего утра заволкло тучами, пошел мелкий моросящий дождь. Засохшая земля жадно впитывала влагу. На дорогах вместо толстого слоя пыли появилась липкая грязь. Побывав за день во всех танковых бригадах и убедившись, что подготовительная работа к предстоящему наступлению идет полным ходом — сотни автомашин, несмотря на дождь и грязь, везут снаряды, патроны, мины, горючее, танкисты осматривают и приводят в порядок боевые машины, — генерал Алексеев вернулся в хутор Завертячий. Вместе с начальником штаба полковником Лавриненко Алексеев ушел на свою временную квартиру, намереваясь попить чайку и отдохнуть. Но не успели они допить первый стакан, как в дверях появился офицер комендантской роты.

— Товарищ генерал-майор, вас спрашивает полковник Нестеров, — доложил он.

— Нестеров? Полковник Нестеров?!

Лицо Алексеева озарила счастливая улыбка: «Неужели Степан Кузьмич?» — Василий Михайлович тут же представил своего жизнерадостного друга, с которым довелось пройти самые трудные пути-дороги первого года войны.

— Так где же он, зови! — взволнованно проговорил Алексеев, вставая и одергивая гимнастерку.

— Сейчас. Я просил его подождать в штабе.

Минут через десять к дому подкатил «виллис». Из машины, сплошь заляпанной грязью, на ходу выпрыгнул Степан Нестеров, все такой же подвижный, полный энергии.

— Товарищ генерал, здравствуйте!

— Здравствуй, Степан, откуда? Как я рад! — Василий Михайлович крепко обнял рослого, чуть располневшего за последний год друга. Они троекратно расцеловались.

— Ну, проходи же в хату, что мы тут стоим. Знакомьтесь, Матвей Илларионович Лавриненко, начальник штаба корпуса. А это мой несравненный Степан Кузьмич Нестеров, друг боевой, — говорил Василий Михайлович, радостно улыбаясь. И столько теплоты и искренности было в улыбке этого, в об-

щем-то редко улыбавшегося человека, что Лавриненко сразу же почувствовал расположение к Нестерову, о котором уже немало слышал от Алексеева.

— Узнал я, Василий Михайлович, что мы соседи, не выдержал, получил разрешение у полковника Бурдейного да и махнул к вам. Бригада моя отведена на пополнение. Только вот погода нелетная, трудно до вас добираться.

— Спасибо, что не забываешь. Ну, что ж ты стоишь, раздайся, промок весь, — говорил Алексеев, помогая другу выбраться из промокшей плащ-палатки.

— Дай посмотрю на тебя хорошенько! Растешь, брат, и высь, и вширь, и в звании. А ведь судьба чуть было опять нас с тобой не свела. Ты ведь во 2-м гвардейском? Меня к вам командиром назначали, приказ товарищем Сталиным подписан был. Приехал я в штаб фронта, зашел доложить командующему, а он говорит: «Придется изменить. Во 2-м гвардейском обстановка нормальная, все кадры на месте. А вот в 10-м танковом трагедия. Погибли начальник штаба, начальник политотдела, начальник особого отдела. Выбыл по болезни командир корпуса генерал Бурков. Сейчас за командира только что прибывший начальник штаба полковник Лавриненко. Туда срочно нужен командир. В 10-й и поедете». И вот я здесь. Да ты что все стоишь, садись! — Василий Михайлович усадил Нестерова на табурет, сам пристроился напротив.

Он внимательно рассматривал старого боевого товарища, с которым так сроднился за время боев под Ростовом и Харьковом. За последний год генерал десятки раз вспоминал его добрым словом.

— Степан Кузьмич, а ты основательно изменился: солидность добавилась, в плечах раздался, полковником стал, да и меня, видно, скоро обгонишь, коли так пойдешь. Месяца через два-три генералом станешь, — говорил Алексеев, добродушно улыбаясь. — Да у тебя орден Ленина! Поздравляю! И вообще рад, что ты здоров. А мне не повезло. После той Барвенковской трагедии месяц в госпитале провалялся. Потом всего с месяц пробыл на фронте, и фашистский летчик так «угостил», что до сих пор хромаю. В Сочи лечился, в Тбилиси. После госпиталя все старые места в Закавказье объездил, служил там заместителем командующего армией по бронетанковым войскам. Пока на костылях ходил, мирился, что в тылу. Потом не выдержал... Да что это я все говорю, — встрепенулся Алексеев, — ты-то как? Где Шанин, Чепков, Филиппов?

Пока шел разговор двух боевых друзей, разговор непринужденный и доверительный, полковник Лавриненко с интересом присматривался к Нестерову, который ему все больше нравился. Открытое, чуть простодушное лицо, живые глаза,

широкий лоб с блестящими, словно отполированными залысинами, мягко очерченная линия губ делали его совсем штатским. Но широкие плечи, высокий рост, молодцевато сидящая форма и боевые награды говорили об оставшихся позади трудных дорогах войны. За разговором никто не заметил, как в хату вошел старший лейтенант — адъютант Нестерова. Он держал в руках маленький чемодан и нерешительно переминался, поглядывая на своего командира.

— Правильно, Митя, раскрывай чемодан, доставай содержимое, — сказал Нестеров, в свою очередь косясь на Алексева:

— Не знаю, Василий Михайлович, так ли я сделал, захватив все это, но коньяк-то армянский, довоенный. Думал с вами вместе Кавказ вспомнить. Интендантов попросил, уважили. Для здоровья полезен и душу согревает.

— Ну, ничего, ради встречи можно, — снисходительно согласился Алексеев.

Сразу же нашлось дело и Лавриненко. Он взял в свои руки «сервировку» стола. Появились стаканы, вилки, неприхотливая фронтальная закуска. Критически осмотрев дело своих рук, он ловко раскрыл бутылку, разлил ее содержимое по стаканам и взглянул на командира корпуса: все готово, мол. Генерал поднял стакан:

— Ну, друзья, за встречу. За тебя, Степан. За знакомство и дружбу, Матвей Илларионович.

— Ну, а теперь рассказывай, Степан, о своей службе.

— Долго рассказывать, Василий Михайлович. Сами знаете, на войне что ни час, то новость. Из всего нашего 23-го танкового корпуса после выхода из окружения под Барвенково еле-еле одну танковую бригаду сформировали. Меня назначили командиром этой бригады. Шанин стал начальником штаба. Сейчас он мотострелковой бригадой в нашем корпусе командует. Майора Филиппова перебросили командовать бригадой, связь с ним потерял. Чепков тоже переведен, начальник штаба танковой бригады на другом фронте.

Нестеров замолчал. Встреча с Алексеевым остро напомнила ему трагедию под Барвенково: крошечный ад непрерывных бомбежек, многократные попытки вырваться из вражеского кольца, гибель десятков боевых друзей.

— Василий Михайлович, — волнуясь, заговорил он, — считаю, что за Барвенково наполовину я с фрицами рассчитался, а остальное еще впереди.

— Вижу, что рассчитался. За что же ты орден Ленина получил?

— За уничтожение вражеского аэродрома в тылу у немцев. Триста самолетов тогда ухлопали.

— Что?! — Алексеев и Лавриненко переглянулись.

— Так это ты был, Степан, ты? — возбужденно говорил Алексеев, придвигаясь к другу и внимательно глядя ему в глаза. — Знаю этот случай, хоть и не было меня тогда на передовой, отлеживался в Тбилиси. Узнал из «Красной звезды». Статья была. Я еще тогда подумал: «Уж не мой ли это Нестеров?»

— Да, здорово вы тогда немца «нажарили», — вставил Лавриненко, — как говорится, бой не местного значения. Жаль, Степан Кузьмич, что раньше не встречались. Я ведь тогда командовал бригадой в 4-м танковом корпусе генерала Кравченко. Принимал участие в окружении немцев под Сталинградом. 23 ноября наш танковый корпус соединился в районе станции Кривомузгинской, юго-восточней города Калача, с войсками Сталинградского фронта. Совсем соседями были. А котелок-то фрицу вы тогда хороший сделали, с наваром. — Лавриненко говорил с нескрываемым удовольствием. — Мертвый фашист лучше живого. А о вашем рейде и фронтовая газета подробно писала.

— Вот что, Степан Кузьмич, расскажи, наконец, все подробно, а то все вокруг да около. Заскромничал, понимаешь, — с легким оттенком досады проговорил Алексеев, набивая пачку и приготовившись слушать. Нестеров тоже достал пачку «Казбека». Три тонкие струйки сизого дыма потянулись к потолку. Степан Кузьмич глубоко затянулся и неторопливо начал рассказ.

— Вы знаете, что окружение армии Паулюса под Сталинградом на первых порах не встревожило немецкое командование. Даже приказа вырваться из окружения не было. Замысел у немцев был прост: прорвать кольцо окружения извне. Для этого в районе Котельниково концентрировались необходимые силы. Чтобы сорвать планы противника, нашему корпусу была поставлена задача наступать на тылы 8-й итальянской и 3-й румынской армий в направлении Тацинской — Котельниково. Предстояло пройти по тылам врага двести пятьдесят — триста километров. В ту пору стояли сильные холода. Снежный покров местами был до метра. В общем, хоть и трудной была та «прогулка», но успешной. Дали немцам прикурить на всем пути до Тацинской. Вышли мы к ней ранним утром. Помню, в тот день, 24 декабря, был густой туман. Один мой батальон ворвался на станцию, а я с другим — на аэродром. Тот самый, с которого транспортная авиация питала окруженную группировку Паулюса, а боевая — бомбила наши войска. Из-за тумана самолеты были едва различимы. Личный состав аэродрома мирно спал в землянках. Добрались мы до них, ну и началось... Огонь, грохот, дымище, как в преисподней.

И среди всего этого мечутся грузовики, а между ними — полураздетые немцы. Некоторым удалось забраться в самолеты. Одна машина даже на стартовую площадку выползла, но врезалась в наш танк, и оба взорвались. Грохот был страшный! По радию даю команду: «Давить батареи!» Да танкисты уже и без команд утюжат фрицев, знают что к чему. В итоге захватили и уничтожили более трехсот самолетов, запасы продовольствия, артсклады, эшелоны с оружием.

Нестеров говорил возбужденно. Его черные, открытые глаза горели, лицо покраснелось, и Алексеев живо представил, как мчался его друг на «тридцатьчетверке» по немецкому аэродрому, одержимый ненавистью к фашистам, захваченный боем.

— Но потом нам туго пришлось, — продолжал тем временем Степан Кузьмич. — Немцы очухались, окружили Тацинскую. Ведь потеря ее серьезно угрожала левому флангу армейской группы «ГОТ». Немцы бросили против корпуса значительные силы: танки, самолеты, мотопехоту. А у нас уже боеприпасы кончались. Наша авиация на парашютах сбрасывала нам снаряды и патроны. Да разве этого достаточно? Так, капля в море. Правда, летчики наши немцев крепко долбили, хорошо помогали. Ну, а улетят, снова немец прет. Досталось нам тогда. Из окружения вышли, протаранив вражеский фронт.

Нестеров встал, достал новую папиросу:

— Да, танки теперь сила, боится их немец, ох как боится. Научились и мы воевать, знаем цену танкам, — закончил он.

— Давайте, друзья, за нашу «тридцатьчетверку». Матвей Илларионович, что сидишь, наливай! — обратился Алексеев к Лавриненко.

От воспоминаний и обсуждения прошлых боевых событий разговор переключился на самое злободневное: как бить врага сегодня, завтра. Нестеров, который участвовал со своей 26-й гвардейской танковой бригадой в Прохоровском сражении, где немцы применили новые танки Т-VI, с тревогой рассказывал о том, что многие солдаты стали теряться перед немецкими танками.

— Понимаете, Василий Михайлович, об этих «тиграх» немец столько шумел, что страх не страх, а растерянность, что ли, появляется у солдат перед этой металлической громадиной. А порой в каждой «кошке» «тигра» видят. Атакуют средние танки, да штурмовые орудия «пантера» идут. А наши кричат: «Тигры!» В результате растерянность, потеря инициативы. Сами понимаете, чем это может обернуться, — взволнованно говорил Нестеров. — А ведь мы их бьем, да еще как бьем!

— Несомненно, что у «тигра» лобовая броня толста, дистанция и сила прямого выстрела большие, — заговорил Алексеев. — Но если взять все отрицательные стороны этого танка, то он уступает нашему среднему танку. «Тигр» неуклюж, как говорится, слаб на ноги, движется и разворачивается медленно, имеет тяжелый поворот башни. За одну минуту его башня делает один оборот. Пока он изготвится к выстрелу, наша «тридцатьчетверка» два-три снаряда выпустит. Вес брони и вооружения «тигра» солидные, а мотор — всего шестьсот лошадиных сил. Кроме того, его огромный корпус — отличная мишень! Наш Т-34, напротив, исключительно подвижен, маневрен, поворотлив. И в движении, и в ведении огня. Так, Степан Кузьмич? А знают ли обо всем этом твои солдаты? Конечно, кое-кто из них в бою убедился в уязвимости «тигра». Но ведь не все же. Вот Матвей Илларионович готовит сейчас в танковых батальонах конференции, на которых танкисты сами расскажут, как бить фашистский зверинец — все эти «тигры» и «пантеры».

Полковник Нестеров внимательно слушал Алексеева. Да, генерал тысячу раз прав. Технику врага надо знать, как свою собственную, чтобы умело, с меньшими потерями ее уничтожать.

...Далеко за полночь начали расставаться. Заспешил в свою танковую бригаду Нестеров, вспомнил о делах Алексеева.

Генерал вышел проводить старого друга до машины. Прощаясь, обнялись... «Увидимся ли еще? — почему-то подумал каждый из них. — Впрочем, год судьба не сводила, но вот ведь свела, значит, может еще раз помочь».

Фыркнув выхлопной трубой, «виллис» тронулся с места и, прорезая колеи в липком черноземе, пошел, набирая скорость. Степан Кузьмич Нестеров прощально взмахнул рукой*.

ДАЕШЬ ДНЕПР!

5 августа 1943 года генерал-майор Алексеев получил боевой приказ. Во взаимодействии с 47-м стрелковым корпусом начать наступление на укрепленные узлы противника Славгород и Тростянец. Учитывая семикилометровую ширину полосы наступления, определенную разграничительными линиями, ко-

---

* 20 октября 1944 года полковник С. К. Нестеров скончался от тяжелых ран, полученных при прорыве в Восточную Пруссию. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя носит город Нестеров в Калининградской области.

мандир корпуса решил построить боевой порядок в один эшелон, оставив в резерве 178-ю танковую бригаду.

После двухчасовой артподготовки, прорвав оборону врага у деревни Касилово, 183-я и 186-я танковые бригады устремились к населенным пунктам Дроновка, Пушкарский.

...Избитая, черная, пыльная дорога. Вокруг редкие овраги, небольшие рощи листового леса. Обезображенные войной поля, обгоревшие посевы, незасеянные массивы, заросшие сорняком. Вдоль дороги валяются разбитые грузовики, вздувшиеся трупы лошадей с торчащими вверх ногами.

Длинной растянувшейся колонной в тучах черно-серой пыли движутся танки, облепленные солдатами. Это резерв командира корпуса, готовый в любой момент прийти на помощь соединениям первого эшелона. В этой же колонне машины оперативной группы штаба корпуса.

С утра все шло хорошо: командиры танковых бригад регулярно докладывали по радио о своем продвижении. Но вот радует командир головной 183-й бригады подполковник Акопов: «Подошел к оврагу в пяти километрах юго-западнее деревни Погорелая. Пройти не могу: овраг заболочен, мостов нет».

Генерал-майор развернул карту, внимательно ее рассмотрел.

— Майор Лобко, передайте Акопову: разрешаю обойти овраг в направлении Староселье, — обратился Алексеев к начальнику связи корпуса.

Через час новое сообщение: «Атаковал противника на рубеже деревни Дроновка. Враг, имея артиллерию, оказывает сильное сопротивление. В обороне танки противника численностью до полутора десятка».

Выслушав донесение, командир корпуса задумался: «Если даже головную бригаду усилить своим резервом, все равно Дроновку с ходу не взять. Корпус может «застрять» у этого опорного пункта на несколько часов, и оперативная задача будет сорвана».

Через несколько минут Акопов получил приказ: «Дроновку взять силами одной вашей бригады с приданным истребительно-противотанковым артполком. Сам меняю направление и Дроновку обхожу».

Бой 183-й танковой бригады за Дроновку продолжался более двух часов. Семь горящих танков, десятки убитых оставили гитлеровцы на поле боя. Тем временем части корпуса вышли к окраинам Славгорода и деревни Верх-Пожня. Овладеть сразу этими опорными пунктами не удалось. Гитлеровцы создали здесь минные поля, а заболоченные берега реки Пожнь мешали их обойти.

Алексеев решил применить отвлекающий маневр. Ночью 183-я и 186-я танковые бригады были отведены в лощину восточнее Славгорода, а 11-я мотострелковая бригада с десятью танками резерва заняла перед деревней Верх-Пожня исходное для атаки положение. В свою очередь противник, перебросив сюда основные силы и средства, контратаковал подразделения мотострелковой бригады. В это время танковые бригады вырвались из лощины и на максимальной скорости устремились на Славгород. На подступах к нему танкисты смяли минометную батарею, три противотанковые пушки врага. В Славгороде разгромили штаб немецкого пехотного полка, захватили важные документы, подбили семь танков и уничтожили до двухсот гитлеровцев. Противник, взорвав мосты через Пожню, поспешно отступил. Вечером 8 августа корпус ворвался в Тростянец.

Командир танковой роты старший лейтенант Сергей Васильевич Гришин получил задание выйти к железнодорожной станции и взять ее. По узкой улочке он провел танки к станции. На путях стояли три состава с паровозами под паром, готовые к отправке. Немцы суетливо бегали около вагонов, офицер что-то громко кричал машинисту. Гришин моментально оценил обстановку:

— Радист, передать командирам танков: бить по паровозам, не допустить, чтоб эшелоны ушли.

Грянули выстрелы. Немцы сразу же разбежались. Танки подошли к составам. Старший лейтенант открыл люк, приподнялся. Сквозь шум работающего двигателя он отчетливо слышал крики и стук, доносившиеся из эшелона. Каково же было удивление, а затем радость танкистов, когда в окнах с металлическими решетками они увидели людей, наших людей, попавших в плен.

Мгновенно полетели замки с дверей. Из вагонов спрыгивали грязные, в рваном обмундировании солдаты, ошеломленные неожиданным освобождением.

— Братцы, свои! Танкисты, родные, спасибо! — раздавались крики. Кто-то обнимал освободителей, кто-то плакал от радости.

Гришин по радиации доложил командиру батальона об освобождении из фашистского плена наших военнослужащих. «Оставаться на месте, обеспечить охрану эшелонов», — последовал ответ.

Через полчаса к станции подошли три танка. Командир корпуса Алексеев, командир бригады Акопов и офицер штаба корпуса направились к эшелонам. Все трое были в комбинезонах, только Алексеев выделялся своей генеральской фуражкой. Он подошел к освобожденным из плена красноармейцам,

поздоровался. Спросил, где попали в плен, из каких частей. Выслушал ответы, немного подумал и неожиданно задал вопрос:

— А в танковом корпусе служить хотите?

— Конечно, хотим, товарищ генерал, — дружно раздались радостные возгласы.

Алексеев обернулся к офицеру, прибывшему вместе с ним.

— Обойдите вагоны, перепишите всех, кто хочет служить у нас. Танкистов обязательно надо взять в корпус. Пополним и мотострелковую бригаду. Тем, кто желает вернуться в свои части, препятствовать не следует, направим в распоряжение штаба фронта. Задание интендантам о питании и приведении в порядок освобожденных дам сам. В помощь к вам пришлю офицеров отдела кадров. А вам, старший лейтенант, — обратился он к Гришину, — спасибо за службу. Молодцы, вовремя успели.

Пожав руку офицеру, генерал пошел к танку. Он торопился, в городе еще гремел бой...

Взяв Тростянец, корпус перерезал стратегически важную железную дорогу. Смириться с утратой необходимых коммуникаций противник не мог, поэтому предпринял яростные попытки любой ценой вернуть город. За два дня одиннадцать контратак по пятьдесят — шестьдесят танков одновременно. Около сорока самолетов заход за заходом штурмовали позиции корпуса.

На рассвете 11 августа генерал Алексеев прибыл в 178-ю танковую бригаду, которая удерживала северо-западные подступы к Тростянцу. На небольшой поросшей бурьяном высотке — наблюдательный пункт командира бригады полковника Шапошникова. С НП далеко впереди видна роща. Вдоль ее опушки протянулись вражеские позиции. Неровный, местами заболоченный луг разделял противников. На нем бесформенными грудами чернели разбитые и сгоревшие танки. Некоторые из них еще дымились.

Командир корпуса слушал доклад Шапошникова. Сегодня полковник был совсем не похож на того молодцоватого офицера, который предстал перед Алексеевым при первой встрече. Воспаленные глаза, черная щетина на лице, глухой, хриловатый голос.

— Немцы продолжают наседавать. Вчера они атаковали шестнадцатью танками. Атаку мы отбили. Сожгли семь танков, подбили три, остальные ушли. Ночью немцы подбитые танки отбуксировали. Сильно бомбит авиация. Убит заместитель командира 1-го батальона майор Чернышев. Разведкой установлено, что за ночь немцы подтянули дополнительно пехоту и танки. Ждем очередную атаку.

Алексеев взял бинокль и несколько секунд внимательно рассматривал опушку леса.

— Да, вы правы. Идут.

— Пора, товарищ генерал-майор. Утренний кофе выпит, берутся за работу, — усмехнулся Шапошников.

Впереди шли «тигры». Приплюснутые, широкие, угловатые, окрашенные в грязно-желтый цвет с черными полосами. Двигались они тяжело, раскачивая хоботы длинноствольных пушек. «Один, два... шесть, семь, — сосчитал Алексеев. — И красят-то специально под тигра, все устрашить хотят».

Метрах в пятидесяти за «тиграми» двигались средние танки. Издалека они казались малютками. Их много, не меньше двадцати. За танками бежали автоматчики. По команде Шапошникова ударила артиллерия, повели огонь и наши танки, вкопанные в землю. Луг покрылся сплошными разрывами. Тяжелые фашистские танки, раскачиваясь, стреляли с ходу. Рядом с НП оглушительно рвались снаряды, сотрясая бревна наката.

— Слабоват ваш блиндаж, — проронил генерал, осматривая наблюдательный пункт, — пустяковым снарядом разобьет.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — отшутился Шапошников. — Некогда было сооружать, да потом, думаю, недолго мы здесь задержимся.

«Тигры» время от времени приостанавливались, делали короткий залп по нашим батареям и продолжали двигаться вперед. Бесперывно били наши противотанковые орудия. Один за другим загорались средние танки, но «тигры», словно заколдованные, ползли вперед. Пора и нашим танкам в дело! Из лощины навстречу фашистам устремились «тридцатьчетверки»...

В одной из них лейтенант Михаил Фролов. Его танк ведет огонь с ходу, но снаряды идут мимо. «Подойти поближе, подойти поближе», — мысленно твердит лейтенант. Вспыхнула впереди идущая «тридцатьчетверка».

— Ставь танк за горящим! — крикнул Фролов механику-водителю. Забыв обо всем на свете, видя только врага, он яростно и методично повел огонь по «тигру». Попадание первое, второе. Видны взрывы снарядов, но «тигр» идет. «Броня крепка-таки у него», — промелькнула мысль. Наконец танк запылал. «Это тебе за наш», — подумал Фролов и стремительно сменил позицию, выбрав ее за дымящим немецким танком. Еще три выстрела — и подбит второй «тигр». Фролов в азарте. Теперь на виду у него оказались два немецких средних танка. Один за другим летят бронебойные снаряды. Горят и эти танки.

Поле боя заволочло черным дымом. Иногда лейтенант видит рядом танки своей роты, которые, маневрируя, сражаются с врагом. Вдруг прямо на Фролова вылетел «тигр».

— Вася! — закричал лейтенант водителю. — Уводи скорей машину! Сзади нас горящий танк, давай под его прикрытие, задним ходом, быстро! Молодец!

«Тигр» остановился, начал медленно разворачиваться. «Вот это нам и нужно!» — подумал Фролов, с наслаждением выпуская снаряды по борту «тигра». Из танка повалил дым, вырвалось пламя...

С наблюдательного пункта Алексеев заметил «тридцатьчетверку», вступившую в единоборство с немецкими «тиграми».

— Что это у тебя за ас на сорок седьмом, Матвей Кузьмич? Ты смотри, как он маневрирует! И уйти умеет вовремя, чтоб в подходящий момент влечь. Да он же мастер своего дела! — восторгался генерал.

— Это командир взвода лейтенант Михаил Фролов, бывший учитель, сибиряк, — с невольной гордостью ответил Шапошников.

После боя командир корпуса вызвал лейтенанта Фролова. Перед ним предстал небольшого роста танкист в мазутном комбинезоне, с черным от пыли и копоти лицом. Офицер еле держался на ногах от усталости, но глаза его светились счастливой удачей. Генерал крепко пожал руку лейтенанту.

— Видел я, как ты бьешь немецких танкистов, лейтенант. Поздравляю с успехом. Сколько же все-таки уничтожил танков сегодня, товарищ Фролов? — спросил Алексеев.

— Пять танков, товарищ генерал-майор, из них три «тигра», — отрапортовал лейтенант.

— Молодец! — восхищенно проговорил Алексеев, достал из кармана небольшую коробочку с орденом Красной Звезды и тут же вручил его лейтенанту.

...Ни танковые атаки, ни массированные налеты авиации не помогли немцам. Корпус удержал Тростянец и получил приказ продолжать наступление. Предстояло прорвать оборону противника в районе деревень Хвощевая — Буимер, взять сильно укрепленный опорный пункт врага село Олешню, которое находилось в двенадцати километрах северо-западнее Ахтырки. Корпус должен был обойти Ахтырскую группировку врага.

Утром 17 августа началась артиллерийская подготовка. Грянули сотни батарей. Несколькими валами прошли над вражескими позициями штурмовики, «сыграли» гвардейские минометы. Огонь был настолько сильным, что сплошное черное пороховое облако стояло на два-три километра. После про-

рыва оборонительного рубежа началось стремительное наступление. Танки, пехота, артиллерия — все это двинулось многими колоннами по дорогам к Олешне. Однако на подступах к селу враг остановил танковые бригады, успев закрепиться на заранее подготовленных позициях.

Двое суток идут бои за Олешню. Утром 20 августа Алексееву позвонил командующий фронтом Ватутин. Генерал армии говорил спокойно, но в его вопросах явственно чувствовался упрек:

— Почему не берете Олешню?.. Мало танков?.. Контратакуют?.. Сильно бомбят?.. Ну что же. Немцы бомбили и будут бомбить и контратаковать будут. Они же думают на этих рубежах остановить наступление. Больше того, противник своей Ахтырской группировкой нанес контрудар по вашему левому соседу под Каплуновкой, прорвал фронт и ввел в направлении на Богодухов до двухсот танков.

Не мог сказать Ватутин, да и в этом не было нужды, что сам он только что получил телеграмму Верховного Главнокомандующего по поводу Ахтырки и Богодухова с жестким требованием остановить врага.

— От вас многое зависит, — продолжал Ватутин. — Возьмете Олешню, обойдете с северо-запада Ахтырку, оберегая свой левый фланг, тогда немцам придется оставить ее, если они не захотят попасть в «мешок»...

Не прошло и четверти часа, как позвонил командующий 40-й армией генерал-лейтенант Москаленко. Очевидно, Ватутин переговорил и с ним. Командующий не стеснялся в выражениях, предъявлял претензии танкистам. Уж так повелось, когда дела не шли, перепадало танкистам. «За промедление Родина нам не простит», — закончил он разговор.

Едва Алексеев положил трубку, позвонил командир 183-й танковой бригады подполковник Акопов и доложил о неудачной атаке на Олешню. После этого генерал сразу же выехал в 178-ю бригаду, чтобы на месте решить, как лучше наступать на Олешню.

Командный пункт Шапошникова обосновался в небольшой деревушке Хмелевец. Правильнее сказать, в бывшей деревушке. Целых домов не осталось, кругом все разворочено большими и маленькими воронками. В воздухе едкий дым от опаленных, медленно тлеющих тополей.

Шапошников доложил обстановку:

— Ведем огневой бой с противником, находящимся на рубеже деревни Перегоновка. Утром поддерживали огнем атаку танковой бригады Акопова. Сейчас помогаем продвижению пехоты 337-й стрелковой дивизии. Отбили атаку девяти «тигров». Выдержали три налета. Полчаса назад в наше располо-

жение с большой высоты сбросили бомбы «хейнкели» и «юнкерсы». Попадание в склад боеприпасов, много убитых и раненых. Дважды менял расположение командного пункта. Снарядов для танков осталось в половину боекомплекта.

— Да, жарко тебе тут, Матвей Кузьмич, приходится. Но есть еще задача. Соседей выручать надо: в 27-й армии сложилась очень трудная обстановка. Командующий фронтом торопит. Думаю сделать так: поскольку танков у тебя мало, да и у Аكوпова их не густо, соединим их в сводный отряд и ночью неожиданно ударим по Олешне.

Глубокой ночью, совершив обходной маневр, танки с западной стороны прорвались в Олешню. Противник, не ввязываясь в бой, отступил, оставив вооружение и технику.

В тот же день Алексеев собрал командный состав корпуса.

— Наступаем и воюем плохо, — начал он разговор с командирами. — Используя нашу медлительность, враг успевает взрывать мосты, минировать дороги. Пока мы строим переправы на реках, он создает новые рубежи обороны. Потом мы вынуждены атаковать противника несколько раз, теряя танки и людей. Поднять темп наступления — вот что необходимо. Не давать врагу закрепляться — вот что главное. Не повторять танковых атак в одном и том же направлении. Встретил препятствие — обойди его. Разведывательному и мотоциклетному батальонам лучше вести разведку, а штабу быть более осведомленным о противнике.

После Олешни корпус быстро преодолел сорокакилометровый путь и подошел к Зенькову. Но и здесь немцы успели организовать оборону. И хотя наступавшие уже взяли кирпичный завод на окраине и прорвались в город, на улицах встретили сильный отпор. Не имея достаточной поддержки пехотных частей, танки отошли.

Пересеченная местность и заболоченные долины на подступах к городу вынудили генерала Алексеева к лобовым атакам. Тысячи снарядов по обороне врага, массированные танковые атаки с пехотой при поддержке артиллерии и авиации оказались безрезультатными: город взять не удавалось.

8 сентября 1943 года командир корпуса получил радиogramму со следующим текстом: «Генерал-майору танковых войск Алексееву В. М. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа с. г. Вы награждены орденом Красного Знамени. Поздравляю Вас с высокой правительственной наградой и желаю успехов в разгроме немецких оккупантов. Ватутин».

Весть о награждении третьим орденом Красного Знамени вызвала у Алексеева какое-то необычное чувство. Он даже расстроился, испытывая в душе горькую неудовлетворенность

собой: «Меня отмечают, награждают, а танковый корпус, который я возглавляю, уперся во вражескую оборону и не может прорваться в город, несет потери. Нет, бесполезные атаки надо прекратить. Нужно найти пути обхода, пусть дальние, но найти, воспользоваться ими и ударить по врагу с тыла».

В ночь на 9 сентября корпус совершил рискованный маневр. Прорвавшись в пятнадцати километрах северо-западнее Зенькова, взял село Тарасовка и вышел в тыл немецкой обороны. Силы корпуса невелики: двадцать танков и пятнадцать самоходных артиллерийских установок. Помогла внезапность. Несмотря на двойное превосходство противника в танках, прорыв корпуса вызвал панику в городе. 9 сентября Зеньков был освобожден.

После трехмесячных непрерывных боев 10-й танковый корпус вывели на переформирование. Несколько суток танкисты отдыхали в тихом украинском городке Лебедин. Вспоминали жаркие бои, ремонтировали танки и машины, готовились к битве за Днепр. Приятным событием для личного состава корпуса и его командира стал приказ военного совета 40-й армии. В нем говорилось: «Части и соединения 10-го танкового корпуса, взаимодействуя с частями 40-й армии, успешно выполняли боевые задачи, поставленные военным советом армии. Весь личный состав под умелым руководством генерал-майора Алексеева героически сражался с немецко-фашистскими захватчиками, очищая от них нашу родную землю...

За умелое руководство частями и соединениями корпуса, за беспредельную преданность нашей социалистической Родине и проявленный героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками командиру корпуса, всему офицерскому, сержантскому и рядовому составу объявить благодарность».

Получив танки и подкрепление, 16 сентября корпус вновь вышел на передовые позиции... Лохвица, впереди Пирятин.

— Памятные места, Василий Михайлович, — взволнованно говорил полковник Божко. Вместе с Алексеевым в колонне оперативной группы штаба он ехал за ушедшими вперед танками. — Здесь, у Лохвицы, в сентябре сорок первого немецкие танки разгромили управление Юго-Западного фронта, погиб командующий фронтом генерал армии Кирпонос... Через эти места с остатками 75-й стрелковой дивизии я выходил из окружения. — Божко вздохнул, помолчал. С болью проронил: — Ох и тяжел был тот путь.

— Понимаю, Митроша, сам испытал под Барвенково.

Алексеев вскоре же после знакомства с полковником Божко стал называть его по-дружески Митрошей. Генералу понравился этот добросовестный, старательный, правдивый офицер. Часто, то на командном, то на наблюдательном пунк-

те, то в машине, они были вместе. Командир корпуса предпочитал всегда иметь под рукой командующего артиллерией. И как только требовалось развернуть артиллерийские полки, Божко был всегда готов.

Начавший службу в дивизии Якира, получивший боевой опыт в войне с белофиннами, познавший горечь поражений первых месяцев войны с фашистской Германией, Митрофан Дмитриевич был отличным помощником. Прост, скромен, отзывчив. Совместная работа с командиром корпуса, общие интересы сблизили их. И, как часто бывает, зародилась между ними та солдатская дружба, дружба без скидок и поблажек, даже если дело касалось повседневной черновой работы. Божко дорожил этой дружбой, стремился помочь генералу во всем, что было в его силах. Он часто выполнял такие поручения командира корпуса, которые не входили в круг обязанностей командующего артиллерией. «Митроша, побывай-ка в этой бригаде, посмотри, что там сейчас, помоги командиру, если надо», — говорил Алексеев. И Божко не задумывался о том, его ли это дело или кого-то другого. Раз командир корпуса поручил, значит, так надо.

Корпус подошел к реке Удай, форсировал ее и вместе со стрелковыми дивизиями 40-й армии 19 сентября освободил города Пирятин и Гребенка.

На опушке леса, неподалеку от Пирятина, генерал Алексеев собрал командиров бригад и частей. Расселись прямо на траве в тени старых разлапистых дубов. Рассматривая топографическую карту, Алексеев начал разговор:

— До Днепра осталось сто двадцать километров. Противник ослаблен. Наша задача — поджимать его еще сильнее, не давая возможности закрепиться. Немецким соединениям при отступлении предстоит переправиться через Днепр. Поэтому значительную часть войск немецкое командование будет уводить на Киев. Там наиболее удобная переправа — мост. Мы должны выйти к Днепру на сорок—пятьдесят километров южнее Киева. Считаю, что корпус может достичь реки намного

М. Д. БОЖКО.

раньше, чем немцы переправятся и займут оборону за Днепром. Суворовская быстрота и стремительность — вот что сейчас нам нужно.

— Матвей Кузьмич, — обратился Алексеев к полковнику Шапошникову, — 178-я танковая бригада пойдет головной, другие — вторым эшелонном. Смотри за флангами, а за тылами твоими я сам присмотрю. Иди вперед и не оглядывайся.

На следующий день командир корпуса на «виллисе» догнал головную бригаду. Шапошникова он нашел в командирском танке. Выслушав доклад о ходе наступления, Алексеев спросил: «Матвей Кузьмич, а «виллис» у тебя есть?» — «Есть, товарищ генерал». — «Так вот, пересаживайся-ка на «виллис», пусть танкисты видят тебя и, не мешкая, идут вперед».

В тот день танковый корпус прошел более пятидесяти километров и с ходу ворвался в город Яготин. Генерал Алексеев был доволен: немцы не успевали удирать отседавших танков. Танковые бригады настигали и громили пробки из автомашин, артиллерии, пехоты на мостах и дорогах, давили и расстреливали в панике разбегавшихся фашистов.

В ночь на 21 сентября корпус взял Переяславль, исторический город, в котором в XVII веке находилась ставка гетмана Богдана Хмельницкого. Здесь определилась судьба украинского народа, здесь родился братский союз России и Украины.

Поступь танков неудержима. Около тысячи километров прошел корпус за два месяца, уничтожил более трехсот танков, свыше двадцати тысяч немецких солдат и офицеров. Все ближе и ближе Днепр...

Сгущались сумерки, приближалась темная сентябрьская ночь. Генерал-майор Алексеев вызвал по радиации Шапошникова. «Вышли к высоте, преграждающей путь к Днепру, — доложил командир бригады. — Попытка преодолеть ее с ходу не удалась. Путь обхода нет, мешают овраги. Силы немцев незначительны. Как только стемнеет, будем у Днепра».

И танкисты Шапошникова не подвели своего командира. После короткой, ожесточенной схватки с врагом 178-я танковая бригада, первая в полосе наступления войск Воронежского фронта, 21 сентября 1943 года вышла на левый берег Днепра около села Яшники, что в двадцати километрах от Переяславля.

НА БУКРИНСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

На рассвете командир корпуса Алексеев вместе с Лавриненко, Божко, Шапошниковым и начальником политотдела Стороженко был на берегу Днепра.

Река в тумане. Правый берег едва проглядывается. Длительное время немцы возводили там укрепления. Фашистская пропаганда назвала их «Восточным валом», о который должно было разбиться наступление советских войск.

«Здесь предстоит форсировать реку. Это будет очень трудно, — размышлял генерал. — Нет переправочных средств. Армейский понтонный батальон, приданный ранее корпусу, командующий фронтом передал танковой армии Рыбалко».

Решение складывалось само собой: изучив укрепления и систему огневых точек врага, форсировать реку на подручных средствах. Срочно изыскать их. Самое важное — правильно выбрать место плацдарма.

Части корпуса подходили к Днепру. Готовили позиции артиллеристы, зарывали свои боевые машины танкисты, окапывалась пехота. Началась подготовка к битве за Днепр.

Штаб корпуса разместился в чудом уцелевшем большом украинском селе Ковалин, в восьми километрах от Днепра. На возвышенности неподалеку от села саперы оборудовали наблюдательный пункт командира корпуса. Отсюда хорошо просматривались река, деревни Монастырек и Балыка за Днепром и ближе к левому берегу большой остров, покрытый ивняком.

Генерал Алексеев внимательно изучал донесения разведчиков, побывавших на вражеском берегу. Вот что рассказывает командир одной из разведывательных групп Герой Советского Союза сержант М. Д. Кравец:

«С выходом к Днепру в первую же ночь я получил задание с группой разведчиков 183-й танковой бригады переправиться на правый берег, разведать систему обороны и места расположения огневых точек противника. В деревне Яшники нам удалось найти две полуразбитые рыбацьи лодки. Саперы помогли исправить их, и с наступлением темноты мы отплыли от берега. Противник изредка простреливал реку из пулеметов и минометов, освещал ее ракетами. Каждый из нас, наверное, думал одно и то же: «Скорей бы, пока нет ракеты, пройти реку!» Бойцы, сидевшие на веслах, работали дружно и споро. Лодки быстро, рывками скользили по воде. Наконец они, не замеченные врагом, бесшумно причалили к обрывистому берегу.

Оставив двух разведчиков для охраны лодок, вчетвером мы поползли в расположение противника. Достигли траншеи. Ночь, темно, ничего не видно. Где и какие огневые точки, не разобрать. Решаю бросить несколько гранат в немецкие окопы. Шепотом говорю об этом своим ребятам. Гранаты кидаем одновременно, прижимаемся к земле. У немцев переполох. Они открывают стрельбу. Это нам и нужно. Стараемся запо-

нить, где и какие огневые точки. Постепенно стрельба затихает. Надо действовать дальше. Решил группу разделить. Двоих оставил на месте, а сам с красноармейцем Гарфункиным пополз в глубь обороны немцев. Всю ночь мы изучали позиции врага.

Перед рассветом, соединившись со второй подгруппой, начали пробираться к берегу. Но неудача: напоролись на немецкий пост... Длинная автоматная очередь. Шум, крики. Застрочили пулеметы. Надо было немедленно уходить. Шепотом говорю Гарфункину: «Мы уходим, минуты на три прикрой отход». В это время ударила наша артиллерия. Снаряды рвались совсем близко. Думаю: «Спасибо, братцы. Немцам теперь не до нас». Ушли мы без преследования. Благополучно добрались до реки. Ни лодок, ни охранявших их разведчиков на месте не оказалось. Осмотрев внимательно берег, мы обнаружили наших товарищей, погибших в неравной схватке. Не могу словами выразить боль и гнев, охватившие меня. Но надо было перебираться через реку. Придется вплавь. Я дал сигнал об отходе Гарфункину и первым бросился в реку, другие за мной. Осенняя вода холодна, судорогой сводило ноги. В голове неотступная мысль: «Во что бы то ни стало добраться до своих, доложить о противнике». Когда мы были где-то на середине реки, немцы вдруг открыли ураганный огонь. Гарфункин плыл далеко позади нас. Я понял, что стреляют по нему. Он не доплыл до берега, погиб.

Из воды мы выбрались мокрыми, продрогшими, обессиленными. Нас быстро переодели, напоили чаем и доставили прямо к командиру корпуса».

Из донесений разведчиков складывалась картина оборонительных сооружений на правом берегу Днепра. В два ряда траншеи, соединенные ходами сообщения, блиндажи. Командир корпуса вспомнил самонадеянные выступления Гебельса о неприступном «Восточном вале». Врал Гебельс, не так страшен черт, как его малюют. Но правый берег высок — вот в чем самая главная трудность. «Не напрасно я подгонял танкистов к Днепру, противник не успел занять по-настоящему оборону, сил у него пока там немного, — думал генерал. — Были б сейчас понтоны, в ночь навели бы наплавной мост, и дело пошло». Но понтонов нет. Не помог разговор и со штабом фронта.

В корпусе развернулась напряженная работа по подготовке к форсированию реки. Мотострелковые и саперные подразделения искали лодки, готовили плоты. Прошли еще сутки.

Днем 23 сентября генерал-майор Алексеев собрал командиров танковых бригад, артиллерийских и минометных полков, командиров других частей.

ТАНКИ ПЕРЕПРАВЛЯЮТСЯ ЧЕРЕЗ ДНЕПР.

— Штаб фронта приказал сегодня ночью приступить к переправе через Днепр и захватить плацдарм неподалеку от села Букрин, — объявил Алексеев. — Свежие сведения о противнике, полученные разведгруппами всех танковых бригад, говорят об одном: численность немецких войск на правом берегу непрерывно возрастает. Противник по рокадной дороге спешно перебрасывает свои части и усиливает оборону... Плацдарм во что бы то ни стало должен быть захвачен именно в эту ночь. Через сутки будет поздно. Враг сумеет подготовиться, чтобы опрокинуть десантников, — подвел итог командир корпуса и отдал боевой приказ. — Мотострелковым батальонам танковых бригад с минометами и ружьями ПТР в час ночи 24 сентября на плотках и лодках форсировать Днепр.

— 178-й танковой бригаде, переправившись, захватить населенный пункт Монастырек, затем выйти на юго-западную окраину Оночки.

— 183-й танковой бригаде к исходу дня занять юго-западную окраину Янивка...

Черная сентябрьская ночь. В темноте чуть плещет река. Десантная группа мотострелковой бригады готовится к переправе. Из камышей у большого острова к берегу выведены сосредоточенные за два дня плавучие средства — лодки, плоты. Спокойно, без суеты идет погрузка. Вполголоса подаются команды. Обмотаны тряпками уключины, закреплено оружие.

Последние томительные минуты. Время от времени темноту ярко чертит ракета. Обессилев, она рассыпается на сотни звездочек, холодным светом озаряющих ночь.

На берегу рядом с капитаном Александром Карповичем Болбасом, заместителем командира мотострелкового батальона, генерал Алексеев. Командир корпуса ясно понимал, на какое серьезное дело идут бойцы. Знал из своего большого опыта, что, как бы удачно ни сложилась обстановка, все равно бой предстоит жаркий, не на жизнь, а на смерть, и не все вернутся. Он будет бороться за их жизнь, он сделает все, чтобы помочь им с этого берега. Только бы закрепились, только бы выдержали денек. В следующую ночь там будет и бойцов больше, и оружия, будут и танки. Еще через день-другой он и сам переберется на правый берег. Понтоны, как нужны понтоны!.. А сейчас несколько напутственных слов капитану. Бойцам он уже все сказал. Длинных речей не надо. Задачу понимают все — закрепиться или умереть.

Вот первая лодка, первая десятка бойцов во главе с Болбасом, отчалила от берега. Начеку сотни людей, танкисты, артиллеристы, готовые в любую минуту смертоносным огнем прийти на помощь форсирующим реку.

Плоты и лодки, с трудом продвигаясь из-за острова против течения, вышли на основное русло реки и взяли курс к деревне Монастырек. Течение быстрое, грести трудно. Но опасность придает силы, и люди работают напряженно. Капитан Болбас всматривается в темные контуры правого берега. «Как-то он нас встретит? Молчанием ли, огнем ли? Где-то там разведчики Кривцов и Фадеев. Живы ли они, выполнили ли задание?»

...Еще вечером сорокалетний сержант Сергей Васильевич Кривцов, рассудительный и осторожный, и совсем юный Иван Фадеев, отчаянный и бесшабашный, получили задание разведать оборону противника в районе деревни Монастырек, а ночью встретить условным световым сигналом десантников, дать им правильное направление.

Как только стемнело, разведчики в рыбацкой лодке бесшумно подошли к правому берегу, спрятали лодку и скрылись в кустах. Леском пробрались к окраине деревни. Решили наблюдать. Все было спокойно. Кривцов обратил внимание на двухэтажный домик, стоявший на бугре. «Очень удобное место для огневой точки, — сказал он. — Пойди, Иван, проверь, а я прикрою». Фадеев бесшумно, как кошка, прокрался, прильнул к стене, обогнул домик. Подошел и Кривцов. Иван осторожно приоткрыл дверь: в доме пусто. На второй этаж поднялись вместе, впереди Кривцов. Опытный солдат остерегался мин. Осмотрели чердак. И здесь никого не оказалось.

«Дом-то жилой, где-то должна быть его хозяйка!» — подумал Кривцов. Действительно, в подвале оказалась немолодая женщина. «Свои, ридные!» — обрадовалась она. Успокоившись, рассказала, где у немцев пушки, где траншеи, где находится дозор. Укрываясь за плетнями, разведчики огородами пробрались по всей деревне, проверив сведения, которые сообщила женщина. Позиции немецкой обороны шли вдоль огородов. Кривцов и Фадеев в темноте заметили вкопанные в землю танки, обнаружили артиллерийскую батарею. После этого возвратились на берег.

Отыскав наиболее подходящее для причала лодок и плотов место, разведчики затаились в ожидании десантников. Наконец в темноте проступили очертания десятков лодок и легких плотов. Сержант достал карманный фонарик, замигал зеленым светом в сторону приближавшегося десанта.

— В лоб идти не следует, немцы укрепились. Лучше обойти лесом, ударить с фланга. Предварительно надо подавить пулеметную точку, — полушепотом доложил Кривцов капитану Болбасу.

Отряд, пользуясь предутренней темнотой, незаметно подошел к окраине деревни, залег. Бойцы начали окапываться.

Для уничтожения вражеской пулеметной точки капитан выбрал двух автоматчиков. Проводив взглядом отправившихся ползком и перебежками солдат, Болбас двинулся за ними. Вдруг автоматные очереди прорезали тишину. По звуку выстрелов капитан понял, что стреляли немцы. Совсем близко, метрах в семидесяти, захлопали ракетницы, десятки ракет осветили местность. «Если не сумеют подавить пулемет, погибнут», — подумал Болбас и, забыв обо всем, сам быстро, насколько хватало сил и умения, пополз в обход немецкого фланга, чтобы с тыла накрыть пулеметчиков.

Треск автоматных очередей нарастал, застрочил пулемет. Болбас понял, что десантники обнаружены. «Скорей, скорей к пулемету!.. Нет, не надо горячиться. Увидят — убьют, сорвется дело».

Все ближе и ближе стучащий пулемет. Капитан чуть поднял голову и... увидел спины немецких пулеметчиков! «Спокойно! — мысленно сказал он себе. — Теперь осталось поточнее дать очередь». Болбас снял с предохранителя затвор автомата, тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Пулемет замолк. Теперь капитан вспомнил о гранатах-лимонках, прикрепленных к ремню. Быстро вставил запалы и бросил гранату на пулеметную точку. «Для уверенности не помешает», — подумал он. Вторая граната полетела в немецкую траншею. Десантники поняли его сигнал, бросились на немецкие позиции и захватили их.

П. К. БОЛБАС.

Вслед за группой капитана Болбаса на правый берег высадилась рота лейтенанта Кинешева. Не ожидавшие нападения гитлеровцы не выдержали, отступили. Но через несколько минут опомнились и контратаковали советских десантников. В ходе схватки погиб расчет единственного пулемета, переправленного на правый берег. Кинешев сам лег за пулемет и стал в упор расстреливать наседавших немцев. Бой длился четыре часа. Рота перебила около двухсот немецких солдат и офицеров, лейтенант Кинешев расстрелял до семидесяти гитлеровцев. Враг бросал все новые и новые силы, хотел сбросить в Днепр группу смельчаков, но ему не удавалось это. В неравной схватке Кине-

шев погиб. «Понесли потери до пятидесяти процентов личного состава», — говорится в первом донесении с заднепровского плацдарма.

Командир корпуса Алексеев был занят одной заботой — переправить танки и орудия за Днепр. Именно от этого зависело, закрепится десант на плацдарме или нет. В это время по категорическому требованию Алексеева стали прибывать первые автомашины с понтонами. «Делать паромы, — приказал генерал начальнику инженерной службы майору Товоловичу. — Для моста у нас слишком мало понтонов».

С наблюдательного пункта командира корпуса хорошо просматриваются деревушки Монастырек и Балыка. Видны разрывы мин и снарядов неподалеку от них. Это немцы обстреливают наших десантников. Совсем близко, у левого берега, где саперы сооружали паромы, высоко поднялись фонтаны воды и прибрежного песка, прогремели разрывы крупнокалиберных снарядов. «Разобьют понтоны», — с тревогой подумал генерал и обратился к командующему артиллерией корпуса:

— Товарищ Божко, почему ваши артиллеристы до сих пор не засекали немецкие батареи и не подавили их? Вы же видите,

как тяжело приходится десантникам. Уж коли мы не можем переправить на плацдарм артиллерию, не жалеть снарядов отсюда. Подавить вражеские батареи! — приказал генерал.

В первые сутки на правый берег вышло четыреста солдат и офицеров корпуса с четырьмя станковыми, двенадцатью ручными пулеметами, с шестнадцатью ПТР и двумя минометами. Именно они захватили и держали плацдарм за рекой. Следующей ночью новые группы переправились на Букринский плацдарм. Но и противник не сидел сложа руки. Из района Кагарлыка он подтягивал к Букрину и Монастырьку танки, артиллерию, минометы, свежие эсэсовские части. Начались налеты авиации. Группами в пятнадцать-двадцать самолетов десятки раз в день вражеская авиация бомбила наши стрелковые ячейки, сбрасывая сотни бомб на плацдарм. А плацдарм-то всего лишь четыре километра в длину да один в глубину!

У десантников не хватало боеприпасов, случались перебои с едой. «Помимо ночной переправы патронов и мин через реку на лодках, использовать самолеты У-2 для доставки оружия прямо на плацдарм», — дал указание командир корпуса.

В ночь на 26 сентября пошли паромы. Началась переправа танков, пушек, тяжелых минометов. Форсировав реку, танкисты при взаимодействии со стрелковыми частями выбили немцев из села Трактомиров, а вскоре у села Зарубенцы они создали второй заднепровский плацдарм.

Генерал Алексеев всецело озабочен переправкой частей корпуса за Днепр. То количество танков и орудий, которое удалось перевезти на нескольких десятках понтонов, никак не обеспечивало потребности для развертывания решительного наступления на плацдарме. Фашистские самолеты ежедневно разбивали понтонные паромы. Их восстанавливали и снова пускали в дело. Генерал, как всегда в период наступления, мало спал, укладываясь часа на два-три на складную металлическую кровать в блиндаже наблюдательного пункта. Ночью был на переправе, торопил саперов, восстанавливавших паромы, заботился о подвозе боеприпасов, продовольствия. Его не удовлетворяли короткие телефонные донесения, поступавшие с плацдармов, он чувствовал, что оторван от непосредственного руководства боевыми действиями. Порой ему казалось, что командиры танковых бригад недостаточно решительно ведут наступательные бои. «Теперь, когда значительная часть сил корпуса переправлена на ту сторону, мое место там, на правом берегу», — решил Алексеев.

Он вызвал к телефону начальника штаба полковника Лавриненко и предложил ему прибыть к Днепру, чтобы отсюда давать необходимые указания по переправе боевой техники:

— Свои обязанности по штабу передайте заместителю, скажите ему, что несколько суток вас не будет в Ковалине.

За два месяца совместной работы с Лавриненко Алексеев убедился, что тот хорошо знает специфику танковых частей, имеет достаточный опыт штабной работы. В то же время полковник умел с завидной настойчивостью и твердостью проводить в жизнь замыслы командира корпуса, его решения по тактическому использованию танковых бригад, артиллерийских и минометных полков.

— Матвей Илларионович, оставшаяся боевая техника, личный состав во что бы то ни стало должны быть переправлены за Днепр, — сказал в заключение командир корпуса. — Ежедневно доносите мне, как идут дела. Держите связь со штабом фронта. Обо всех его указаниях сообщайте на мой КП.

Алексеев за Днепром. Его командный пункт на высоте южнее Трактомирова. Впереди, на окраине села Малый Букрин, боевые порядки 178-й танковой бригады. До них не больше километра. Берег выше по течению реки занимает враг. Лишь через шестнадцать километров наш второй плацдарм у деревни Балыка, который удерживает 183-я танковая бригада.

Противник решил во что бы то ни стало захватить переправы и окружить советские войска на плацдармах. С утра 29 сентября он двумя пехотными полками при поддержке тридцати танков, мощных артиллерийского и авиационного налетов атаковал наши части около Букрина и основательно их потеснил. Обстановка становилась угрожающей. Вскоре немецкие танки прорвались к Трактомирову.

...Находившиеся на командном пункте вдруг увидели четырех «тигров» и несколько десятков автоматчиков. Ведущий танк проскочил вторую линию окопов и на полной скорости направился к командному пункту. За ним — другие. Расстояние катастрофически сокращалось. Алексеев отчетливо различил черно-белые кресты на танках. Мысль напряженно работала: «Что делать?» Он знал, что единственным прикрытием командного пункта могут стать лишь два самоходных орудия, одно из которых повреждено и может стрелять только с места. «Еще четыре-пять минут, и все!» — промелькнула мысль.

Один за другим раздались выстрелы — самоходки открыли огонь. «Да, выхода нет, надежда только на самоходки. Если даже придется умереть, то сделать это достойно и нанести большой урон врагу», — решил генерал. В тот же миг твердо, с металлом в голосе, приказал:

— Всем занять оборону в траншее около командного пункта, подготовить гранаты.

Адъютант Трубников, начальник связи Лобко и несколько связистов бросились выполнять приказание.

— Божко, ты останься здесь, — задержал Алексеев командующего артиллерией.

Самоходки вели огонь, но «тигры» продолжали идти, пытаясь огнем подавить блиндаж. Было видно, как разорвалось несколько снарядов, попавших в поврежденную самоходку. Орудие замолкло. «Раздавят нас, если уничтожат оставшуюся самоходку», — подумал Алексеев, не сводя глаз с орудия. А оно в тот момент медленно выползло из лощины навстречу танкам.

— Что они, дураки, делают? — вырвалось у него. — Божко, быстро к самоходке! Если проскочишь, скажи, чтоб не высывались из балки, — приказал Алексеев. И уже спокойнее добавил: — Чтоб самоходка меняла позицию прямо в балке.

Полковник выбежал из легкого блиндажика командного пункта, пригибаясь спустился в балку. Между тем неравная дуэль продолжалась. Одним снарядом самоходка угодила в башню «тигра» и сбила ее.

— Вот это уже лучше! — произнес Алексеев, напряженно следя за поединком. — Ну, стукните еще одного, хотя бы одного!

Действительно, запылал второй «тигр». Из горящих танков выскочили немецкие танкисты. И вдруг... два оставшихся танка одновременно встали. Через несколько секунд они медленно попятились назад, не решившись на разворот, чтоб не подставить своих бортов. Победа! «Тигры» отступали от самоходки. Рассыпались и залегли немецкие автоматчики, не понимая маневра своих танкистов. А разобравшись, бросились наутек, обгоняя танки, пытаясь укрыться за ними от автоматных очередей с командного пункта.

Волнение проходило медленно. Все понимали, что своим спасением они обязаны экипажу самоходки лейтенанта Адама Лещинского...

Понимая, что Букринский плацдарм нацелен на Киев, немецкое командование прилагало все усилия, чтобы не допустить его расширения. «Из допросов пленных выяснено, что перед фронтом 10-го танкового корпуса занял оборону пополненный и доукомплектованный 48-й танковый корпус врага», — говорится в донесении генерал-майора Алексеева штабу фронта. «Старый знакомый прибыл», — говорил по поводу появления немецкого танкового корпуса генерал, вспоминая сражение на Курской дуге.

Атаки врага становились чаще и упорней. Артиллерийский и минометный обстрел, массированные удары авиации. Украинское село Ходоров, расположенное на живописных хол-

мах неподалеку от Днепра, несколько раз переходило из рук в руки...

«Командиру корпуса. В течение дня отбил две контратаки противника с направления высот 197,1 и 172,6, — сообщил начальник штаба Лавриненко, — переправил в ночь три бронемашин, шесть пушек и батарею минометов. Если будет туман, успею переправить утром подошедшее пополнение — двести пятьдесят человек».

Танковый корпус разобщен на части: за селом Ходоров бригада полковника Шапошникова, северо-западнее деревни Щучинка — 183-я бригада Ковалева. Добраться до нее можно лишь круглым путем: через Днепр по переправе в Зарубенцах, затем по левому берегу к Яшникам, снова переправа у Монастырька и только потом к Щучинке. Километров тридцать будет. Связь плохая. Порой невозможно было связаться ни с Ковалевым, ни с Лавриненко, ни со штабом корпуса. Выручило звено самолетов У-2, имевшееся в распоряжении штаба корпуса. Как они пригодились! Алексеев получал от летчиков боевые приказы командующих фронтом и армией, донесения танковых бригад и частей, сам летал на плацдарм у Ржищева и Щучинки, а также в Ковалин — штаб корпуса. Авиация, то есть три немудрящих, но надежных У-2, настолько прочно вошла в жизнь командования корпуса, что появилось даже расписание рейсов. И когда самолет не прилетал в установленное время, на КП командира корпуса, у села Ходоров, начинали волноваться: уж не случилось ли что?

Советские войска на Украинском плацдарме готовились перейти в решительное наступление. Генерал-майор Алексеев созвал командиров танковых бригад, артиллерийских частей корпуса, пригласил командиров стрелковых полков из дивизий, взаимодействующих с танковым корпусом. Выслушав сообщения о состоянии боевых частей, генерал заговорил о подготовке к наступлению.

— К прорыву сильной обороны врага надо хорошо подготовиться. Для этого, прежде всего, провести тщательную разведку огневой системы противника. Особенно тщательно изучить расположение противотанковых средств. За каждым квадратом местности закрепить начальника, который бы отвечал за разведку и наблюдение. Разведав огневую систему врага, все выявленные цели распределить за артиллерийскими расчетами, чтобы каждый расчет знал, что ему предстоит уничтожить. Во-вторых, инженерной разведке заблаговременно определить проходимость дорог, троп, возможные места преодоления противотанковых препятствий и минных полей. В-третьих, подробно спланировать взаимодействие танков со стрелковыми частями и артиллерией. В-четвертых, срочно вос-

становить все неисправные танки. Пересмотреть состав тыловых частей, всех, кого возможно, поставить в строй. В-пятых, в целях обеспечения боеприпасами и горючим весь автотранспорт заставить работать днем и ночью...

Вряд ли может быть более убедительным рассказ об этом наступлении, чем воспоминания бывшего начальника штаба 48-го танкового корпуса немецкой армии генерал-майора Меллентина. В книге «Танковые сражения 1939—1945 гг.», вышедшей в Москве в 1957 году, он писал: «16 октября 1943 года русские атаковали позиции 48-го танкового корпуса. В это время я находился на одном из передовых наблюдательных пунктов 19-й танковой дивизии и был вынужден оставаться там в течение целых двух часов. Артиллерийская подготовка была действительно очень сильной. Передвигаться было совершенно невозможно, так как по участку в один километр вели огонь до 290 орудий, причем за два часа русские израсходовали полуторадневную норму снарядов. В глубину артиллерия подавляла оборону до командных пунктов дивизий включительно. Боевые порядки двух дивизий, оборонявшихся в первом эшелоне, обстреливались с такой интенсивностью, что было совершенно невозможно определить направление главного удара русских. Некоторые орудия вели огонь прямой наводкой с открытых позиций. После двухчасовой артиллерийской обработки местность, на которой оборонялись наши войска, напоминала собой перепаханное поле. Многие огневые средства оказались выведенными из строя, несмотря на то что были хорошо укрыты в окопах.

Внезапно русская пехота с танками, двигаясь плотными цепями за огненным валом, атаковала на узком фронте наши позиции. Многочисленные самолеты русских на бреющем полете атаковали уцелевшие опорные пункты. Атака русской пехоты представляет собой страшное зрелище: на вас надвигаются длинные серые цепи дико кричащих солдат, и чтобы выдержать это испытание, обороняющимся нужны стальные нервы... Вначале русским удалось вклиниться в нашу оборону, но во второй половине дня танки, которые держались нами в резерве, сумели до некоторой степени восстановить положение. В результате мы отошли всего километра на полтора.

...Сражение длилось больше недели, и 48-й танковый корпус начал ослабевать. Тогда армия подтянула на угрожаемый участок свой последний резерв — 3-ю танковую дивизию».

Пятьдесят суток войны 10-го танкового корпуса вели бои на Букринском плацдарме. В жестоких схватках с остервенелым противником они уничтожили около четырех тысяч немецких солдат и офицеров, сожгли двадцать танков, сбили

тринадцать самолетов, раздавили и расстреляли сорок шесть противотанковых орудий.

По первоначальному замыслу Ставки Верховного Главнокомандования плацдарм на Букрине должен был сыграть главную роль в освобождении столицы Советской Украины — Киева. Но крупная группировка немецких войск в составе двух танковых корпусов и пяти пехотных дивизий, брошенная против наших войск, сковала их силы и вынудила провести перегруппировку. Чтобы помочь войскам, наносившим главный удар на Киев с Лютежского плацдарма, 1 ноября 1943 года 28-я, 40-я армии и 10-й танковый корпус в третий раз перешли в наступление на Букрине. 6 ноября древний Киев был освобожден от оккупантов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР тридцати семи героям битвы за Днепр было присвоено звание Героя Советского Союза. Более семидесяти процентов бойцов и командиров корпуса, участвовавших в боях, отмечены орденами и медалями Советского Союза. Командир корпуса генерал-майор Василий Михайлович Алексеев получил высшую награду Родины — орден Ленина.

Корпусу за отличие в боях при форсировании Днепра было присвоено почетное наименование «Днепровский».

И СНОВА В БОИ

Прошло два месяца с той поры, когда после ожесточенных, изнурительных боев на Букринском плацдарме 10-й танковый корпус был выведен на переформирование и отдых. Обширные смешанные леса в районе дачного поселка Бровары, в пригородной зоне Киева, надежно укрыли танки, артиллерию, автомобильный парк и другую материальную часть большого хозяйства корпуса. После переобмундирования и непродолжительного отдыха личный состав приступил к выполнению широкой программы боевой подготовки. Чтобы помочь Алексееву провести командно-штабные учения, в корпус прибыл заместитель начальника штаба бронетанковых и механизированных войск генерал-майор Д. И. Заев. И в это время неожиданно пришла радиограмма от Ватутина:

«Генерал-лейтенанту Алексееву. Передайте командование корпусом заместителю. Вместе с генерал-майором Заевым срочно прибыть в штаб фронта».

«Почему передать командование, разве допустил какие-то ошибки? — размышлял Алексеев. — Разве корпус плохо вел наступательные бои? Разве виноват командир корпуса в том, что не был обеспечен понтонами и долго не мог пере-

править технику за Днепр, потеряв драгоценное время? Именно в те дни немецкое командование успело создать оборону, сломить которую оказалось не простым делом». Мысли перебил зашедший в штаб Заев. Он прочитал радиogramму и сказал:

— Быть вам в новой 6-й танковой армии, Василий Михайлович. А вот зачем меня вызывают, не могу предположить.

На войне сборы недолги. Василий Михайлович передал оперативные документы полковнику Шапошникову, ставшему теперь Героем Советского Союза и назначенному заместителем командира корпуса *. Краткий разговор с ним и начальником штаба Лавриненко **. Прощальный ужин и расставание с боевыми друзьями. Пора в дорогу.

Штаб фронта находился в районном городке Макарове, в ста километрах западнее Киева.

Ясная морозная ночь, мерцают звезды. Маленькая юркая машина, изрядно потряхивая пассажиров на ухабах искалеченного шоссе, бойко мчала на запад. По льду проскочили Днепр. Долго петляли на улицах затемненного разрушенного Киева. Наконец вырвались на прямое Житомирское шоссе, которое встретило их сплошным потоком грузовиков и цистерн. Везли горючее, продовольствие, обмундирование, боеприпасы.

После продолжительного молчания, когда Алексеев и Заев ехали погруженные в собственные мысли, заговорил Василий Михайлович:

— И прожорлива же утроба войны! Знаете, Дмитрий Иванович, — обратился он к Заеву, — только один наш корпус за четыре месяца наступления израсходовал тридцать тысяч снарядов, чуть больше мин. Недавно я просматривал отчет, цифры запомнились. Общий расход боеприпасов составил более шестисот тонн. Да горючего нам потребовалось две с половиной тысячи тонн. И это только по одному соединению. Какая же нужна гигантская работа тыла, чтобы обеспечить фронт!

Начался разговор о работе и жизни в тылу, о семьях, о трудностях и лишениях, которые испытывали оставшиеся в тылу.

Лишь ранним утром разыюкали штаб фронта. Командующий был на месте. Ватутин, увидев входивших Алексеева и Заева, встал, приветливо пожал руки генералам, предложил сесть. Без всякого вступления начал:

---

* Герой Советского Союза генерал-лейтенант в отставке М. К. Шапошников в настоящее время живет в Ростове-на-Дону.

** Генерал-майор М. И. Лавриненко погиб в 1945 году при освобождении Венгрии.

— Создается 6-я танковая армия. Командующим ее назначен генерал-лейтенант Кравченко. Начальником штаба решено поставить вас, Дмитрий Иванович. Вчера об этом договорился с генерал-лейтенантом Федоренко. А командиром 5-го гвардейского танкового корпуса, которым командовал генерал Кравченко, назначаетесь вы, Василий Михайлович. Новой танковой армии предстоят в ближайшие дни серьезные дела. Время не ждет. Прошу вас, товарищ Алексеев, немедленно выехать в корпус. Штаб его в селе Беседка, в двухстах километрах южнее Киева. Там же штаб формируемой армии.

Танковый корпус, которым предстояло командовать Алексееву, прошел большой и славный путь. Он был сформирован в апреле 1942 года из отдельных танковых бригад, успешно участвовал в операции по окружению армии Паулюса под Сталинградом, за что получил звание «гвардейский» и почетное наименование «Сталинградский». Героически дрался на Курской дуге и Днепре. Вел ожесточенные бои на Лютежском плацдарме, участвовал в освобождении Киева, преследовал врага в направлении Васильков, Белая Церковь. За отличные действия в боях за Киев удостоен почетного наименования «Киевский».

В большом украинском селе, засыпанном снегом, Алексеев легко нашел штабы корпуса и новой танковой армии. Около просторного помещения с черепичной крышей, очевидно школы, стояло несколько танков, броневиков и автобусов. Из окон тянулись провода. Предъявив начальнику караула документы, Алексеев вошел в штаб и предстал перед командующим армией.

Коренастый, плотный человек с несколько суровым лицом, на котором выступал крупный подбородок, со звездой Героя Советского Союза на груди приветливо протянул руку и произнес:

— Кравченко Андрей Григорьевич. Рад, жду вас.

Оптимизм и природный юмор, которыми с избытком обладал Кравченко, позволяли ему легко сходиться с людьми. У Кравченко всегда было много друзей, товарищей и доброжелателей. Прошло всего четверть часа, а Василию Михайловичу казалось, что знакомы они с Андреем Григорьевичем давным-давно и во всем понимают друг друга.

То, что предстояло командовать корпусом, входившим в состав танковой армии, радовало Алексеева. Он ясно представлял, какие широкие возможности открываются перед танковыми корпусами, которые, взаимно выручая и поддерживая друг друга, могли наносить более крепкие, более весомые удары по врагу.

Познакомился Василий Михайлович и со своими ближай-

5-й ГВАРДЕЙСКИЙ ТАНКОВЫЙ КОРПУС. СЛЕВА НАПРАВО:
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПОЛКОВНИК А. И. ЛУКШИН,
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ В. М. АЛЕКСЕЕВ,
НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА А. М. БЕЛОВ.

шими помощниками. Начальник штаба полковник Александр Иванович Лукшин оказался всесторонне подготовленным, имеющим большой практический опыт и отличную теоретическую подготовку штабным работником. Он окончил Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования командного состава на год позже, чем Алексеев, служил командиром танкового взвода, роты, начальником штаба танкового батальона. Перед войной окончил Военную академию механизации и моторизации Красной Армии. Войну начал начальником штаба танковой бригады, при формировании танкового корпуса был назначен начальником оперативного управления штаба, полгода назад вступил в обязанности начальника штаба.

Понравился и начальник политотдела полковник Александр Михайлович Белов. При первом знакомстве, рассказывая о боевых делах корпуса, Белов проявил такое знание людей, что Алексеев удивился. Полковник помнил состав танковых экипажей, знал сильные и слабые стороны командного звена не только танковых бригад, но и батальонов, и даже танковых рот.

Едва прибыв в корпус, генерал-лейтенант Алексеев вынужден был засесть за изучение обстановки и документов.

Общая обстановка на южном театре военных действий к началу 1944 года сложилась следующим образом. В результате успешного наступления войск 1-го и 2-го Украинских фронтов были освобождены Житомир, Бердичев, Кировоград. В то же время в руках противника оставался обширный выступ, вклинившийся в нашу оборону. Вершина выступа лежала на правом берегу Днепра, неподалеку от Канева. «Этот огромный выступ дает немцам возможность ударить с юга на Киев, а также по правому крылу 2-го Украинского фронта, — думал Алексеев, рассматривая карту. — Понятно, что приказ Кравченко войти в прорыв за стрелковыми частями нацелен на то, чтобы срезать Корсунь-Шевченковский выступ и окружить вражескую группировку».

После сорокаминутной артиллерийской подготовки утром 26 января 1944 года началось наступление. На участке действий корпуса оборона врага оказалась настолько прочной, а сопротивление упорным, что стрелковые части прорвать ее не смогли. Не удалось это сделать 5-му механизированному и 5-му гвардейскому танковым корпусам. К тому же наиболее полнокровный, укомплектованный танками и личным составом 5-й механизированный корпус генерал-лейтенанта М. В. Волкова на другой день наступления получил приказ совершить стокилометровый марш на юго-запад, под Винницу, для отражения танкового удара противника. 6-я танковая армия оказалась ослабленной.

Как раз в это время Василий Михайлович ощутил «почерк» командующего. Радиограммы сыпались одна за другой. Командующий требовал продвижения, не считаясь ни с трудностями, ни со сложившимися обстоятельствами. Приходилось нажимать на командиров танковых бригад и Алексеву.

Бригады несли потери, но продвигались медленно. Наконец командующий сообщил другое решение.

На одном из участков наступления стрелковых частей была прорвана оборона противника. Кравченко незамедлительно ввел в прорыв 233-ю танковую бригаду, бывшую в резерве. Отряд из пятидесяти пяти танков и самоходно-артиллерийских орудий с автоматчиками, посаженными на танки, под командованием заместителя командира 5-го механизированного корпуса генерал-майора М. И. Савельева устремился на встречу с передовыми отрядами 5-й танковой армии 2-го Украинского фронта, наступавшей на Звенигородку из-под Кировограда. Командующий армией вызвал Алексева к телефону и приказал 5-му танковому корпусу совершить маневр и развить успех отряда. «Сам прорваться не смог, догоняй Савельева», — закончил телефонный разговор Кравченко.

Танковые и мотострелковые части 5-го гвардейского тан-

кового корпуса ринулись в прорыв, чтобы надежно отсечь Корсунь-Шевченковский выступ. В те дни наступила оттепель. То ярко светило солнце, обнажая поля и дороги, то шел мокрый снег с дождем. В сплошной грязи двигались за танками с полным снаряжением в валенках и полушубках пехотинцы...

«Первая наша встреча с генерал-лейтенантом Алексеевым, — рассказывает бывший командир 21-й гвардейской танковой бригады подполковник запаса И. Д. Михайличенко, — произошла на Корсунь-Шевченковском выступе неподалеку от деревни Бужанки глубокой ночью. Бригада была на марше. Я сидел в штабном автобусе. Помню, кто-то из офицеров остановил автобус и сообщил: «Вас ищет какой-то генерал». Довольно быстро нашел автомашину, около которой стояли генерал и два офицера. Догадался, что это новый командир корпуса. В лицо его я не знал, он прибыл в корпус дня за три до этого.

Я по всей форме доложил о себе. Генерал подал руку, представился: «Алексеев» — и сразу же засыпал меня вопросами: «Как проходит марш?», «Какие донесения шлет головная походная застава?», «Где и как обнаруживал себя противник?». Времени для беседы было мало — колонна двигалась. Поэтому, выслушав мои ответы, он сказал, что днем приедет еще раз, чтобы подробно познакомиться со всеми делами.

После ночного марша бригада разместилась в лесу. Действительно, к нам вновь приехал командир корпуса. Вместе со мной он обошел каждую роту. Знакомился с танкистами, запросто разговаривал с ними. Заглянул и в некоторые танки, за грязь и беспорядки основательно устыдил танкистов. Мне сказал, что на техническое состояние машин надо обратить большее внимание. Но в целом командир корпуса остался доволен, похвалил меня за то, что кухни вскоре после остановки приготовили обед и танкисты получили горячую пищу. И впредь, помню, первым делом он спрашивал: «Накормлены ли солдаты?»

Вскоре после соединения подвижного отряда генерала Савельева с передовыми частями 2-го Украинского фронта в Звенигородке и окружения Корсунь-Шевченковской группировки врага Алексеев созвал на своем командном пункте близ деревни Кобеляки совещание. «Здесь сейчас решается судьба десяти окруженных немецких дивизий, — заявил он. — Наша конкретная задача — не допустить прорыва немецких соединений, брошенных на выручку окруженной группировке. И от того, будут ли уничтожены вражеские дивизии, попавшие в «котел», или они сумеют вырваться из него, зависит в значительной мере срок открытия союзниками второго фронта. Бес-

спорно, разгром еще одной крупной немецкой группировки потропит англичан и американцев».

Правда, не сразу, месяцев через пять после этих слов, союзники открыли второй фронт, но, думаю, генерал был прав, предугадав зависимость наших военных успехов и сроков открытия второго фронта. Действительно, союзники очень внимательно следили за обстановкой на наших фронтах. Помню, под Корсунь-Шевченковским в нашем танковом корпусе был английский корреспондент Александер Верт. А за разгром немецкой группировки союзники наградили многих наших офицеров своими орденами».

О событиях на Корсунь-Шевченковском выступе рассказывает и письмо Алексева, отправленное им в начале февраля полковнику Стороженко.

«Дорогой Николай Прокофьевич! Друг ты мой упрямый и несговорчивый!

Имея несколько минут, решил написать тебе. Вспоминаю лето, нашу совместную деятельность. Хороших дел было много, они незабываемы. О себе. «С места в карьер» включился в боевую работу, на другой же день после приезда в корпус — наступление. Первый ход неудачен. Затем перебросили километров на пятьдесят по фронту, и дело пошло. Противник танков не имел, да и у меня их было немного. Перед тем как выйти на вражескую оборону, предстояло форсировать небольшую речушку. Ночью делали переправы. Работали все: саперы, стрелковые части, мирные жители. На рассвете без всякой артподготовки двинулись. Враг не выдержал, побежал. Я имел задачу прежде всего освободить две наши дивизии, попавшие в окружение*. Две недели эти дивизии держали оборону небольшого участка леса и населенного пункта, примыкавшего к нему. Ежедневный обстрел артиллерии, бомбежки, атаки танков и пехоты. Жители — мужчины — вступили в дивизии, женщины ухаживали за ранеными.

Когда наши танки вынудили немцев оставить позиции, мощное «ура!» грянуло в лесу и не смолкало несколько минут. Встреча была трогательной: освобожденные из окружения и их освободители целовали друг друга. Расцеловался и я с командиром дивизии.

Деревня была разрушена, жители жили в погребах. Освобожденным оказали медицинскую помощь, выделили продовольствие и боеприпасы. Из двух слитых воедино дивизий одна встала в строй.

Следующая задача — соединение со 2-м Украинским фронтом. Направление на Звенигородку — Шполу. Врага преследо-

---

* Речь идет о 136-й и 167-й стрелковых дивизиях. (Прим. авт.).

вали километров сорок. Спрятавшихся в оврагах, погребях и сараях вылавливали несколько дней. От 198-й немецкой пехотной дивизии, которая противостояла нам, почти ничего не осталось. Великой радостью для танкистов была и встреча со своими коллегами со 2-го Украинского фронта.

Теперь девять пехотных и одна танковая дивизии врага оказались в кольце. Бои шли ожесточенные. Враг подтянул четыре-пять танковых дивизий, стремился прорваться. В летнюю погоду по сорок—пятьдесят немецких бомбардировщиков пикировали на наши боевые порядки...

Вот так я включился в боевую работу. Познакомился и с работниками. Народ хороший. Замполит полковник Белов. Парень деловой. Встречался с ним в сорок первом под Ростовом. Трудностей много, но не жалею. Жаль было уходить от вас, но я солдат, а для солдата приказ — закон. Тебя вспоминает мой командир, конечно, вспоминаю я. Привет моим боевым друзьям Шапошникову и Божко*.

Крепко жму руку хорошему боевому другу.

6 февраля 1944 г.».

Рано утром 11 февраля после сильной артиллерийской и авиационной подготовки в полосе обороны 47-го стрелкового корпуса немцы бросили в атаку множество танков. Именно в этот день командующий немецкой танковой армией генерал-полковник Хубе дал радиogramму генералу Штемерману, возглавлявшему окруженную группировку: «Еще сутки, и путь вам будет открыт. Готовьте встречное движение».

Сто пятьдесят вражеских танков прорвались через деревню Босовка в населенные пункты Бужанка и Франковка, где позиции держали танковые бригады 5-го гвардейского корпуса. Положение становилось угрожающим, враг действительно мог выйти в тылы советских войск, которые сдерживали натиск немцев на внутреннем фронте окруженной группировки.

Бой 11 февраля был жарким. Войны 5-го танкового корпуса сожгли и уничтожили шестьдесят пять немецких танков и не допустили прорыва. Наши танкисты потеряли двадцать шесть танков и самоходных установок.

Бешеные атаки немецких танковых дивизий, пытавшихся клиньями разбить кольцо окружения, и лихорадочные конвульсии окруженной группировки не увенчались успехом. В числе тысяч гитлеровских вояк, нашедших смерть под Корсунь-Шевченковским, обрел бесславный конец и командующий немецкой группировкой генерал Штемерман...

---

* Генерал-майор в отставке М. Д. Божко в настоящее время живет в г. Бровары под Киевом.

Наступила весна. Бурно зацвели яблони, груши, миндаль. На лесных полянах яркими красками зацвели цветы. В этом по-южному щедро зеленеющем и благоухающем лесу кипела напряженная жизнь. В несколько дней возник здесь незаметный сверху своеобразный населенный пункт с улицами, площадями, административным центром. И разместилась в нем 21-я гвардейская танковая бригада.

В просторном блиндаже между высокими ветвистыми дубами — штаб. Чуть поодаль — ровные ряды землянок. В них живут танкисты. Лесная поляна вблизи землянок именуется столовой. Здесь нет столов и стульев. Прямые, аккуратно выкопанные мелкие ровики очертили длинные прямоугольные «столы», «накрытые» скатертью молодой травы. Есть в городке и «театр» с настоящей сценой, но нет ни стен, ни потолка, ни кресел.

После жестоких боев и тысяч километров военных дорог 27 марта 1944 года 21-я гвардейская танковая бригада первой из воинских соединений на юге страны вышла на государственную границу к реке Прут, форсировала ее и закрепила на плацдарме...

Сегодня у танкистов превосходное настроение. Они на отдыхе. Веселые, праздничные лица. Ярко светит солнце, озаряя красные полотнища флагов, первомайские лозунги, сочную зелень окружающего леса. В отличившуюся в боях 21-ю гвардейскую танковую бригаду приехал командир корпуса генерал-лейтенант Алексеев.

Десять часов утра. К главной площади лесного городка с боевой песней подходит первая колонна. «В строю стоят советские танкисты, своей любимой Родины сыны», — гулко разносится по лесу. Затем, четко печатая шаг, появляется следующая колонна. «Артиллеристы, зовет Отчизна нас», — гремит песня.

Ровными прямоугольниками на площади выстраиваются бойцы. Звучат слова команд и рапортов. Начальник политотдела торжественно читает первомайский приказ Верховного Главнокомандующего. И сердце каждого солдата взволнованно откликается на суровые и беспощадные слова: «Преследовать фашистского зверя по пятам и добить в его собственной берлоге».

Слово берет генерал-лейтенант Алексеев.

— Товарищи гвардейцы! — неторопливо начал он. — От имени командования корпуса я поздравляю вас с Первомаем, с замечательными боевыми успехами бригады. За успешное

форсирование реки Прут и овладение важным плацдармом для дальнейших наступательных действий на территории Румынии Президиум Верховного Совета СССР наградила вашу бригаду орденом Красного Знамени.

Генерал прикалывает боевой орден к гвардейскому знамени бригады. Затем от имени Президиума Верховного Совета СССР Алексеев вручает ордена и медали награжденным. Первым он называет командира бригады майора Ивана Денисовича Михайличенко. К генералу подходит высокий, стройный молодой офицер лет двадцати пяти, смуглый, черноволосый, быстрый в движениях. «Молод, вся жизнь впереди», — подумал генерал. Прикрепив орден Красного Знамени к кителю Михайличенко, он крепко расцеловал майора...

После торжественного церемониала на «площади» все переместились в «летний театр». На сцене артистов Московской эстрады сменяют свои, самодеятельные. Солдаты и офицеры слушают их с одинаковым восторгом и одинаково тепло принимают.

Василию Михайловичу нравилось здесь. И в особенности нравился молодой комбриг. Чувствовалось, что люди уважают и любят своего командира. Симпатизировал Алексеев и начальнику политотдела подполковнику В. Е. Михайлову — опытному политработнику, познавшему войну с ее первого дня, участнику парада на Красной площади 7 ноября 1941 года и зимних боев под Москвой.

Перед отъездом Алексеев отозвал Михайличенко в сторону:

— Давай решим один вопрос, да я и поеду, — сказал генерал комбригу. — Есть место на учебу в Бронетанковой академии. Войне скоро конец, ты молодой, а кадры и после войны нужны будут. Выбор пал на тебя, хоть и жаль мне тебя отпускать.

«Я вначале отнекивался, заявлял, что вот закончим войну, тогда можно будет и учиться, — вспоминает Михайличенко. — Выслушав меня, командир корпуса категоричным тоном сказал: «Поезжай, учись». Теперь уже возражать не хотелось, и я подчинился. Уехал в академию, и разошлись наши пути с Василием Михайловичем» *.

Возвратившись из бригады в штаб корпуса, Алексеев на следующий день получил письмо из дому и тут же сел отвечать.

«5.5.44. Здравствуй, дочка!

У меня сегодня праздник — я получил твое письмо. Нахожусь далеко. Прошли реку Прут. Так что воюем теперь на вра-

---

* Подполковник запаса И. Д. Михайличенко в настоящее время работает заместителем директора завода под Москвой.

жеской территории. Живу в землянках и блиндажах. Только сел писать тебе письмо, как началась бомбежка. От близких разрывов сыплется земля через щели потолочного перекрытия. Но ничего. За три года войны мы ко всему привыкли. Ежедневно видим горящие хаты, трупы людей... Когда гибнут наши бойцы и командиры, в душе нарастает злость и лютая ненависть к врагу. Хочется мстить и мстить ему. На войне так: или ты его прикончишь, или он тебя убьет. Только так, моя милая дочка! Мы гоним врага, и недалек час победы.

Валечка! Твой папка работает и днем и ночью, если это требуется. Конечно, трудно. Но я солдат, выдержу.

Пиши мне чаще, не забывай папку».

Форсировав Прут и закрепившись на плацдарме, советские части надолго застряли перед вражеской обороной. 21-я бригада в середине апреля была отведена на отдых и пополнение. Пришедшая ей на смену 20-я гвардейская танковая бригада Героя Советского Союза подполковника С. Ф. Шутова потеряла на плацдарме значительную часть боевой техники, пытаясь совместно со стрелковыми частями прорвать укрепленный район, но успеха не добились.

С середины мая 1944 года прекратились активные наступательные операции всего 2-го Украинского фронта. В этот период началось наступление на других фронтах. Наши войска громили врага в Белоруссии и Прибалтике. Общая военно-стратегическая обстановка на советско-германском фронте сложилась так, что немцы не ждали ударов русских армий на юге. Наше командование поставило задачу дезориентировать врага, убедить его в том, что на юге действительно вести наступление нечем, что в целях усиления наступательных операций на других фронтах войска отсюда перебрасываются. Одновременно Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу подготовить крупную наступательную операцию с целью полного разгрома боярской Румынии и вывода ее из войны.

Журнал боевых действий 5-го гвардейского танкового корпуса заполнен в этот период относительно мирными записями об учениях, о подготовке личного состава: «Командир корпуса провел командно-штабное учение с начальниками связи и инженерной службы корпуса, с командирами и штабами бригад на тему: «Ввод танкового корпуса в прорыв обороны противника».

«Штаб во главе с командиром корпуса подготовил показательное учение на тему: «Атака укрепленного района усиленным стрелковым батальоном».

«К учению по скатам высоты 196,9 саперы отрыли тран-

шей полного профиля в три линии с ходами сообщения, натянули по переднему краю колючую проволоку, имитировали минное поле, построили дзоты, вкопали макеты танков. По прибытии офицеров штабов армии и танковых корпусов генерал-лейтенант В. М. Алексеев сделал доклад: «О взятии укрепрайона. (На основе опыта Великой Отечественной войны)». После подробного анализа наступательных операций командир корпуса дал сигнал начать учение. Авиация пробомбила передний край обороны, прогремел залп реактивных минометов, проведены артиллерийская подготовка и атака «вражеской» обороны. Разбор учения провели командующий армией А. Г. Кравченко и командир корпуса В. М. Алексеев».

Каждый день в 5-м гвардейском танковом корпусе шла напряженная боевая подготовка к предстоящему наступлению. Генерал Алексеев учил командиров лучше управлять подразделениями в бою, четко держать связь с вышестоящим штабом, тщательно вести разведку. На разведку он обращал особое внимание: штаб всегда должен иметь точные сведения, необходимые для выработки правильного решения. Представляя огромные трудности наступления — впереди были Карпаты, Алексеев кропотливо готовил людей. Экипажи танков учились метко стрелять из пушек и пулеметов. Отдельная подготовка шла у механиков-водителей — они учились преодолевать горные кручи и спуски.

Ранним утром одного из августовских дней Алексееву позвонил командующий армией: «Василий Михайлович, выезжаю к тебе. Имею желание посмотреть, чем занимается Шутов, давно у него не был».

20-я гвардейская танковая бригада находилась в ту пору неподалеку от большого растянувшегося по берегам мелководной речушки села Миклоумень. В бригаду Алексеев и Кравченко приехали в разгар учений. У подножия высокой горы стояла группа офицеров и напряженно следила за «тридцатьчетверкой», взбиравшейся на кручу. Узнав в коренастом, невысокого роста офицере, стоявшем в середине группы, командира танковой бригады подполковника Шутова, Алексеев сказал:

— Шутов сам тренирует танкистов.

— И, увлекшись, кроме своего танка, не видит ничего, — заметил Кравченко, выйдя из машины.

Они подошли к офицерам. Никто не заметил их. Все внимание было направлено на танк. Вначале, пока подъем был еще отлогим, танк шел быстро, но постепенно его ход замедлился. Вот он уже еле-еле ползет, а то и вовсе останавливается. Видно, как гусеницы скользят по гладкой поверхности. Вмиг вся машина скользнула назад, но тут же зацепилась за

С. Ф. ШУТОВ.

что-то и опять стала медленно, как черепаха, подниматься. Наконец крутой участок кончился, и танк пошел быстрее. Раздался вздох облегчения. Шутов обернулся, заметил командира корпуса и командующего армией, бросился докладывать.

Крепко сложенный, с крупными чертами лица на круглом лице, с Золотой Звездой Героя Советского Союза на широкой груди, Шутов производил впечатление уверенного в своих силах человека. Он много не говорил. Скажет одну-две фразы — и все. Не понял — спроси. Пояснит. Но повторения приказаний не жди. Шутов был горяч и суров, и танкисты побаивались его.

Алексеев с Кравченко побывали во всех танковых батальонах, проверили боевую подготовку в артиллерийских полках. Всюду был порядок, дисциплина. Командующий армией убедился в полной готовности танков, артиллерии, мотопехоты. Уезжая из бригады Шутова, Кравченко говорил Алексееву: «Крепкая рука у Степана Федоровича, в предстоящем наступлении готовь его быть головным». Чувствовалось, что командующий гордится своим воспитанником. Да и вообще Кравченко очень чутко реагировал на все, что происходило в 5-м гвардейском. Алексеев уже не раз убеждался, что если генерал-лейтенанту Кравченко что-то не понравится или он заметит какую-либо оплошность, добра не жди. Отчитает и высмеет так, что жарко станет.

Но сегодня Кравченко возвращался с хорошим настроением.

— В ближайшие дни дополнительно получишь танки, подготовься к передислокации корпуса, — говорил он на прощание. — Скрытно изготвь штук сто макетов танков. Оставь их там, где сейчас находятся боевые машины. Пусть противник не тревожится. Очень важно начать наступление врасплох для него.

По замыслу Верховного Главнокомандования войска 2-го Украинского фронта должны были прорвать оборони-

тельную полосу противника между реками Серет и Прут, стремительно развить наступление на юг, в центральные районы Румынии, одновременно нанести короткий удар на Васлуй — Хуши и соединиться с войсками 3-го Украинского фронта в районе Леово, окружив в районе Яссы — Кишинев немецко-румынскую группировку войск.

19 августа 1944 года в двухэтажном особняке на главной улице города Бельцы, где помещался штаб 5-го гвардейского танкового корпуса, генерал-лейтенант Алексеев назначил последнее перед наступлением совещание командиров танковых бригад, артиллерийских полков и других частей, входивших в состав танкового корпуса. Точно в назначенное время адъютант командира корпуса пригласил собравшихся в кабинет Алексеева. Подождав минуту-две, пока все разместятся, генерал встал из-за стола, через большие круглые стекла очков с черной пластмассовой оправой оглядел присутствующих и заговорил:

— В прошедшие три месяца вы меня часто спрашивали, когда же начнем наступление. Могу теперь сказать, что период затишья кончился. Завтра, как только будет прорвана оборона противника, танковый корпус по двум маршрутам войдет в прорыв и должен будет выйти на оперативный простор в тылы неприятеля. Но я должен предупредить, что нам предстоит преодолеть весьма серьезные укрепленные районы, имеющие бетонированные рвы, доты с железобетонными куполами, артиллерийские гаубичные батареи. Подступы к укреплениям заминированы. Сейчас начальник разведки подполковник Петров покажет на схеме расположение укрепрайонов.

В 6 часов утра 20 августа грянула артиллерия. Со свистом пролетели снаряды «катюш». Сотрясая землю, заговорили тысячи орудий и минометов. С наблюдательного пункта командира корпуса видна вражеская оборона, покрывшаяся сплошной пеленой пыли и дыма. Нестерпимо запахло гарью. Вслед за артиллерийской подготовкой поднялись роты, батальоны, полки дивизий 104-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Петрушевского. Его корпус наносил удар в том же направлении, где предстояло действовать и танкистам Алексеева.

Несколько часов громила наша пехота оставшиеся недобитыми узлы сопротивления, прежде чем стало возможно ввести в наметившийся прорыв танковые бригады 5-го корпуса.

Буквально через час после начала марша командир 20-й танковой бригады подполковник Шутов сообщил: «Нахожусь вблизи опорного пункта врага, расположенного на горе Дудзя. Противник, имея около двадцати танков и артиллерию, преградил путь. Вступил в огневой бой».

— Передать Шутову: «Не задерживаться. Найти путь об-

хода горы Дудзя. Опорный пункт разгромить самоходным арт-полком», — приказал Алексеев начальнику связи. Командир корпуса не давал бригадам задерживаться. При сопротивлении противника приказывал искать пути обхода.

...Ночь. Начальник штаба корпуса подполковник Лукшин разбудил Алексеева. Часа два назад генерал вернулся из танковой бригады и прилег на диванчике в штабном автобусе.

— Василий Михайлович, извините, Шутов сообщил, что его разведка выявила скопление танков противника численностью до сотни. Очевидно, это танковая дивизия резерва, — доложил Лукшин.

— Где? — встревоженно спросил генерал. — А Шутова немцы обнаружили?

— Нет, Шутов сообщил, что противник ведет себя совершенно спокойно и не подозревает, что поблизости наши танки.

— Дайте карту, Александр Иванович.

Генерал минуты две рассматривал карту, размышлял: «Ждать утра, подтянуть сюда другие бригады — потеряем момент внезапности. Хотя один Шутов не справится, рискованно... Но ничего, внезапность — великое дело. Как говорил Суворов, в военных действиях следует быстро сообразить и немедленно исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться — и тогда успех победы обеспечен».

— Прикажите Шутову, — обратился он к Лукшину, — атаковать танки внезапно, не ожидая утра, пусть смелее действует. Держите с ним постоянную связь. В случае каких-либо осложнений у Шутова немедленно доложить мне.

Через два часа генерал сам вызвал командира 20-й гвардейской танковой бригады. На вопрос «Как дела?» Шутов взволнованным, но довольным голосом доложил:

— Сожжено двенадцать вражеских танков. Захвачено сто шесть совершенно исправных...

— Что-что? Повторите, не понял. — Сообщение Шутова казалось таким неправдоподобным, что генерал не сразу в это поверил.

— Захвачено сто шесть танков, — четко произнес Шутов.

— Вот это трофеи! Молодцы! А где немцы?

— Разбежались. Готовлюсь к отражению контратаки, если она будет.

Оправившись от возбуждения, вызванного столь необычным сообщением, генерал снова вышел в эфир:

— Одиннадцатый, одиннадцатый. Вы слышите меня?

— Слышу вас хорошо, — среди шорохов и треска раздался голос Шутова.

— Одиннадцатый. Впереди близка еще одна укрепленная позиция. Нельзя допустить, чтобы враг закрепился на ней. Ва-

РУМЫНИЯ, 1944 ГОД. ВСТРЕЧА ОСВОБОДИТЕЛЕЙ.

ша атака должна быть стремительной. Только, пожалуйста, не зарывайтесь!

Утром 23 августа генерал Алексеев получил радиogramму от Кравченко, извещавшую о проведении в Васлуйском городском парке оперативного совещания командиров и начальников штабов танковых частей.

Город только что был освобожден от врага. Танковые бригады, очистив его от остатков немецко-румынских подразделений, ушли вперед. В ближайшие дни надо было выйти к жизненно важным центрам Румынии.

Генерал-лейтенант Алексеев и подполковник Лукшин прибыли к парку заблаговременно. Выйдя из машины, генерал увидел подполковника Шутова и майора Хромова, начальника штаба бригады. Они стояли около автомобильной стоянки, на которой ровной линией выстроилось уже десятка два автомобилей. Поздоровавшись, генерал долго жал руку Шутову, поздравлял его с успехом.

— Хоть и рано еще, но давайте-ка зайдем в парк, посидим, подышим свежим воздухом, поговорим, — предложил Алексеев.

Предъявив документы стоявшим у высоких металлических

ворот автоматчикам с красными нарукавными повязками, все вошли в парк и направились по широкой асфальтированной платановой аллее к месту проведения совещания. Генерал на ходу задавал вопросы Шутову и Хромову, пытаясь выяснить состояние и боеспособность танковой бригады.

— Как настроение людей? Устали танкисты?

— Устали, товарищ генерал, — откровенно ответил Шутов. — Но приказ выполним.

— Обязательно, — подтвердил Хромов. — Люди рвутся в бой.

Генерал посмотрел на часы: до начала совещания оставалось сорок минут.

— Присядем, товарищи. Хочу я подробнее узнать у Степана Федоровича о ночном бое с вражеской танковой группировкой.

Генерал первым подошел к длинной с высокой спинкой скамье, стоявшей в тени деревьев, сел, достал трубку, закурил.

— Ну, рассказывай, Степан Федорович, — обратился он к Шутову.

— Все произошло очень быстро, товарищ генерал, — начал рассказ подполковник. — Немецкая танковая часть расположилась на большой лесной поляне, неподалеку от двух дорог. Очевидно, немцы не ожидали, что советские танки могут здесь появиться. А мы, честно говоря, километров семьдесят отмахали за день. На два часа остановил бригаду на отдых. Предполагал, разведав путь, продолжать движение. Тут-то мы и обнаружили немецкую танковую часть. После этого пришлось изменить планы. Решил на расстоянии полутора километров от вражеской группировки выбрать огневые позиции и скрытно подтянуть танковые батальоны и полк самоходных орудий. Сделали заблаговременно расчеты для стрельбы и сообщили командирам танков и самоходно-артиллерийских установок. Ночь темна, ничего не видно. По сигналу ударили одновременно. На несколько секунд пламя осветило всю поляну. Противник стал виден, словно на ладони. Что там было! Я сам видел, как в панике разбегались в разные стороны немцы и румыны. А потом танкисты в боевом азарте рванули туда. Вот немцы и оставили свои танки. На следующий день немецкая авиация так ожесточенно бомбила нашу бригаду, что пришлось прекратить движение и укрыть танки в лесу. По вашему приказу выступили ночью на Васлуй. Двигались через горы. Сначала дорога не вызывала опасений, потом стала еле проходимой: узкая, с крутыми поворотами. Неожиданно колонна встала. Радист передал мне сообщение командира головного батальона: двигаться дальше нельзя, впереди препятствие. Подхожу

к первой машине. Темно. Людей узнаю по голосам. «Мы там, у большого валуна, от пути уклонились, — говорит младший лейтенант Ахметов, — надо было взять правее». Лучом фонарика освещаю путь впереди танка. Вижу расщелину метра полтора шириной, а глубиной — дна не видно. «Эту штуку можно в два счета перепрыгнуть», — заявляет механик-водитель Млинченко. Я засомневался: «Перепрыгнуть? В темноте? А если впереди дорога окажется вообще непроходимой?»

А Млинченко продолжает: «Все равно назад не развернешься, ущелье узкое». Танкиста поддержал подошедший начальник политотдела: «Если и сумеем возвратиться на дорогу, времени потеряно много». Я и сам понимал, что другого выхода нет. «Хорошо, — говорю. — Будем прыгать!» Передний танк отошел немного назад, разогнался и довольно легко проскочил над пропастью. За ним последовали остальные. Километров через пять вышли как раз на ту дорогу, по которой должны были идти. Даже выиграли время за счет того, что шли напрямик. Спустились в долину Бечешти — Васлуй.

На подступах к городу Васлуй встретила подвода. На ней румынские солдаты и офицер. Офицер спрыгивает, просит остановиться. Останавливаю колонну, подзываю его к танку. Козырнув, офицер на ломаном русском языке говорит: «Господин старший офицер, мы к вам в плен». Я приказал сдать оружие. «Господин офицер, немцы ожидают вас и готовят танковую контратаку». — «Много у них танков?» — спрашиваю. Пожимает плечами: «Боюсь ввести вас в заблуждение, но мало».

Действительно, вскоре головной дозор обнаружил танки. Пришлось вступить с ними в бой. Восемь танков вывели из строя, сами потеряли пять.

— Что ж, Степан Федорович, спасибо за рассказ. Не люблю быть оракулом, но думаю, что быть на твоей груди второй Звезде, — сказал генерал. Он взглянул на часы и поднялся. — Нам пора, товарищи.

Указатели-стрелы на фанерных дощечках привели к зрелищной летней площадке, окруженной со всех сторон деревьями. Легкая крыша из волнистого светлого металла, лежащая на массивных колоннах, защищала площадку от ярких лучей августовского солнца. Под крышей длинный стол, накрытый красной скатертью, перед ним ряды темных дубовых стульев. На них разместились офицеры штаба армии, командиры и начальники штабов танковых бригад и артиллерийских полков.

За стол президиума прошли генерал-лейтенант Кравченко, командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии Малиновский, член военного совета фронта генерал-лейтенант Су-

сайков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-полковник Куркин.

Открыл совещание Кравченко. Василий Михайлович уже знал, что командующий не любит длинных речей. Обычно, когда требовалось всесторонне осветить какой-либо вопрос, Кравченко поручал это своим помощникам. Чаще всего — члену военного совета генерал-майору Г. Л. Туманяну. Вот и сейчас Кравченко сразу же объявил, что совещание будет коротким и посвящается важным политическим и военным сообщениям.

— Прежде всего, мне приятно вас обрадовать, — сказал он, — известием о том, что первая часть наступательной операции 2-го и 3-го Украинских фронтов по окружению Кишиневской группировки противника успешно осуществлена. Войска обоих фронтов соединились в районе румынских городов Леово и Хуши, замкнув кольцо окружения. Вчера пало румынское фашистское правительство Антонеску. Задачи, которые поставлены 6-й танковой армии в данной наступательной операции, остаются неизменными. 5-му гвардейскому танковому и 5-му механизированному корпусам продолжать наступление в направлении Бухареста и Плоешти неослабевающим темпом, — закончил командующий.

Поздним вечером вместе с командирами оперативной группы генерал Алексеев вернулся в свой штаб. За последние сутки вслед за наступающими танковыми бригадами штаб переместился на добрых пятьдесят километров.

На опушке леса, неподалеку от шоссе, скрытые за деревьями стояли машины с рациями, автобусы, мотоциклы. Штаб напряженно работал. Шумел движок, питавший рацию. Подъезжали и уезжали мотоциклисты. В салоне штабного автобуса стучала пишущая машинка. Молодой двадцатилетний подполковник М. П. Вошинский, начальник оперативного отдела, склонившись над картой, наносил на нее обстановку. Алексеев отослал его отдохнуть часа три, а потом приготовить новую карту. Сам Василий Михайлович ушел в другой автобус, в котором теперь было его походное жилье, и тоже прилег.

Глубокой ночью Вошинский разбудил генерала. Доклад подполковника встревожил Алексева. Оборвалась радиосвязь с головной 20-й гвардейской танковой бригадой. Десятки радиисты отстукивали позывные бригады, но на радиоволне раздавался лишь треск грозových разрядов да «морзянка» каких-то неизвестных станций.

Генерал Алексеев, обеспокоенный за судьбу головной бригады, приказал своему адъютанту Трубникову собрать оперативную группу штаба. Через четверть часа вместе с командирами генерал выехал к Бырладу, чтобы на месте разобрать

ся в сложившейся обстановке и принять необходимые решения.

Уже на пути в бригаду Алексеев получил по радиции сообщение начальника связи корпуса: «Связь с Шутовым установлена. У него все в порядке. Он находится на подступах к Бырладу. Ждет усиления. Связи с другими бригадами не имеет. И у нас, товарищ генерал-лейтенант, также нарушилась связь с ними».

Когда оперативная группа прибыла в расположение 20-й бригады, Шутов доложил Алексееву обстановку:

— Попытался с ходу ворваться в город, хоть и танков у меня осталось мало: часть их отстала в пути. Но встретил такой отпор, что немедленно вышел из боя и жду остальные бригады.

Где же 21-я и 22-я бригады? Что с ними?

— Давай-ка, Степан Федорович, пока мы ждем отставших Ковалева и Нагирняка, — сказал Алексеев, — изучим оборону врага. Направь пару групп мотострелков, пусть посмотрят, где и что поставил противник. Хорошо б «языка» взять. Взвод танков в обход пусти, а мы наблюдаем, откуда немец стрелять начнет. Вот с этой горы, думаю, хорошо будет видно.

Генерал показал на возвышенность с довольно крутым подъемом, сплошь поросшую молодым дубовым лесом.

Действительно, с нее отлично просматривался город, расположенный по склону большого холма, который огибала полноводная и быстрая река Бырлад.

Из остатков румынских танковых частей и свежих немецких дивизий противник на ближних подступах к городу сумел сколотить сильную оборону. Хорошо замаскированные штурмовые орудия с прислугой притаились в засаде. Даже зенитные батареи, что раньше стояли в Плоешти, обеспечивая защиту нефтяных промыслов, противник успел перебросить в Бырлад. Теперь они должны были прямой наводкой отражать атаки советских танков.

Только к вечеру появились отставшие бригады. Выяснилось, что головная 22-я бригада сбилась с заданного направления и увлекла за собой 21-ю бригаду. Пытаясь хоть как-то оправдаться, полковник Нагирняк, командир 22-й, ссылаясь на взорванные по маршруту мосты и поиск обходных дорог. Но генерал и слушать ничего не хотел.

— Вам не танки водить, а водовозом служить! Умная лошадь даже с таким ездоком куда надо придет, — возмущенно отчитывал он Нагирняка.

С тех пор как Алексеев прибыл в корпус, никто не видел, чтоб уравновешенность и выдержка покидали его. Но здесь промах был слишком серьезен: потерял целый день. А что та-

кое выигранный противником день? Это дополнительно сооруженные укрепления, введенные в бой свежие силы. Это лишние жертвы, кровь.

— Город атакуем завтра, — объявил овое решение генерал Алексеев. — Вам, — сказал он, обращаясь к подполковнику Ковалеву, командиру 21-й гвардейской танковой бригады, — одним батальоном обойти вот этим путем, — генерал показал на карте дорогу, лежащую в пяти-шести километрах к западу от города, — форсировать реку и с юга ударить в тыл противнику. Это дезорганизует его. С северо-востока удар нанесут 22-я танковая бригада и два батальона 21-й, 20-я атакует с севера. До атаки провести артиллерийский налет по выявленным противотанковым средствам. Начало штурма — восемь часов утра. Сигнал — красная и белая ракеты.

Утром танки двинулись к городу. Снова, как и накануне, бешеному обстрелу подверглась танковая бригада Шутова. А в это время 21-я и 22-я танковые бригады ворвались на городские улицы, давили и расстреливали вражеские батареи. Через полчаса сопротивление врага было сломлено, а еще через час затихли последние выстрелы в городе.

ТРАГЕДИЯ НА УЛИЦАХ ТЕКУЧА

На южной окраине поселка Мунгэни, расположенного в двух километрах от города Текуч, обосновался командный пункт корпуса. В большом кирпичном под красной черепицей особняке, утопающем в зелени фруктового сада, генерал-лейтенант Алексеев собрал командиров бригад, командиров и замполитов частей корпуса. Дом, судя по роскошной мебели и великолепному саду, принадлежал либо богатому буржуа, либо крупному чиновнику. Офицеры, за долгие годы войны отвыкшие от элементарного уюта, чувствовали себя в этом особняке, как говорится, не в своей тарелке. В запыленных комбинезонах, с осунувшимися и утомленными лицами они стояли в небольшом зале у мягких диванов и кресел с высокими элегантными спинками, не решаясь сесть.

Алексеев, аккуратно выбритый, подтянутый, вошел в зал, с еле заметной добродушной улыбкой взглянул на своих боевых товарищей. Его тоже уставшее лицо оживляли глаза. Из-под широких кустистых бровей они смотрели как-то поособому взволнованно и мягко.

— Садитесь, товарищи! Что ж это вы засмутились, — показал он широким жестом на пустующие кресла. — Прежде всего поздравляю вас с салютом Родины в нашу честь. Первый раз Москва салютовала нам за город Васлуй и вот теперь

за Бырлад. В приказе Верховного Главнокомандующего отмечены боевые заслуги нашего корпуса, а также бригад полковников Шутова, Осадчего, Павловского. Родина приветствует нас, так будем преданы ей до последнего дыхания. Еще раз поздравляю вас, товарищи! — торжественно сказал Алексеев и с удовольствием отметил, как счастливые улыбки стерли усталость с лиц офицеров.

— Но я не только для этого вас пригласил, — продолжал генерал. — В двух километрах от нас город Текуч. Вы сами убедились, что это крепкий орешек. Нужно взять город, взять решительным, ошеломляющим ударом. Но это еще полдела. Задача намного сложнее. Необходимо также захватить мост через реку Серет. Если враг сумеет его уничтожить — задержится наступление на Фокшаны. Мост немцы заминировали. Они отлично понимают его значение. Со своей задачей мы справимся лишь в том случае, если сумеем прорваться к мосту раньше немецкой группировки, находящейся в городе. Я предлагаю следующее: натиском 21-й танковой и 6-й мотострелковой бригад с северо-востока, 22-й танковой бригады с северо-запада и 4-м отдельным мотобатальоном с севера взять город. Первому и второму батальонам 21-й танковой бригады прорваться к мосту и захватить его, отрезав немцам путь к отступлению. У кого есть вопросы, предложения?

Уточнив задачу каждой танковой бригаде, генерал Алексеев еще раз напомнил:

— Мост — главное. Нельзя допустить, чтобы фашисты оторвались от преследования и успели взорвать этот чертов мост. Сейчас время на нас, на победу работает. Так хоть на день, на час приблизим ее, товарищи!

С совещания офицеры расходились взволнованными, деловому собранными, энергичными. Усталости не чувствовалось. Перед каждым из них стояла конкретная боевая задача, а впереди — общая для всех, омытая кровью, долгожданная и великая Победа.

Через час бригады приступили к выполнению боевой задачи. Командир корпуса, начальник разведывательного отдела штаба корпуса подполковник Петров и начальник политотдела полковник Белов выехали в боевые порядки 21-й гвардейской танковой бригады. Два «виллиса» и бронетранспортер, стараясь не отстать от идущих впереди танков, мчались по израненной авиабомбами дороге к Текучу. На передней машине Василий Михайлович Алексеев, его адъютант старший лейтенант Трубников, ординарец Прокаев.

Противник бросил против 21-й танковой бригады большую группу бомбардировщиков. Они буквально висели над дорогой. Двигаться дальше на машинах стало невозможно. При-

шлось остановиться и залечь. Бомбежка продолжалась минут двадцать. Наконец самолеты улетели. Полковник Белов, на ходу отряхивая пыль с комбинезона, подошел к Алексееву:

— Василий Михайлович, ехать теперь опасно, танки-то ушли. Может, дождемся 22-ю бригаду? С ней в Текуч и заскочим, а то на немцев напоротся можно.

Генерал-лейтенант с укором глянул на Белова:

— А мост? Сейчас главное мост, ждать нельзя! Ты задержись, а я поеду.

— Но, Василий Михайлович! Город не очищен...

— Ничего, проскочу. Бронетранспортер с автоматчиками ведь здесь.

Через минуту машины, объезжая воронки, уже двигались к городу. На передней, как и прежде, Алексейев, на второй — полковник Белов. Замыкал эту небольшую колонну бронетранспортер с автоматчиками, вместе с ними был и подполковник Петров. В Текуч въехали не сбавляя скорости. Вот и центр города.

А дальше произошло непоправимое. Из окон двухэтажного дома по колонне резанули автоматные очереди. Машина Василия Михайловича на миг остановилась, а сам он, привстав и резко оттолкнувшись от смотрового стекла, выпрыгнул в придорожный кювет. За ним выскочил ординарец Прокаев. «Виллис», продолжая двигаться, врезался в дерево. Вторая машина загорелась. Белов еле успел выбраться из нее. По бронетранспортеру немцы ударили из пушки, находившейся в саду возле дома. Снаряд разорвался внутри, превратив машину в бесформенную горящую кучу металла.

Полковник Белов, опомнившись от секундного замешательства, по кювету, укрываясь за домами, выполз в безопасное место. «Что с Алексеевым? — лихорадочно думал он, всматриваясь туда, где остался генерал. — Что делать, как помочь ему?» Выскочив на другую улицу, он остановил первый идущий танк.

— Там, на дороге, засада. Ранен командир корпуса генерал Алексейев...

— Вас понял, — козырнул молодой лейтенант, командир танка, и, не дожидаясь дальнейших объяснений, скрылся в башне. Танк рванулся вперед. Вот он подошел к дому, где устроена засада, развернул орудие... Но немцы опередили танкистов. В упор ударил по танку залп. Сдетонировал боезапас, и от сильнейшего взрыва грозная машина развалилась на части. Весь экипаж погиб.

— Ах, сволочи, что делают, — злобно выругался Белов и загородил путь следующему танку.

— Что случилось, товарищ полковник? — Из люка вылез

заместитель начальника политотдела 22-й гвардейской танковой бригады майор Яковлев.

— Там генерал Алексеев. Ранен, убит — не знаю. Только осторожно, они уже взорвали наш танк. Прошейте дом огнем, потом подходите.

Майор Яковлев открыл интенсивный огонь из танковой пушки. Тучи известковой и кирпичной пыли поднялись над домом, он осел, превратившись в груды битого щебня и остро изломанных остатков стен. Подавив орудие противника, танк вплотную подошел к тому месту, где находился генерал.

Василий Михайлович лежал на спине, широко раскинув руки. Пуля, попав в лицо, пробил голову и вышла через затылок. Автоматная очередь насквозь прошла грудь.

Истекая кровью, застыл на генерале ординарец Прокаев, прикрыв его своим телом. Он был без сознания и не знал, что командир 5-го гвардейского Сталинградско-Киевского танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск Василий Михайлович Алексеев мертв.

Тем временем головные танки 21-й гвардейской танковой бригады неожиданно появились перед мостом через реку Серет, уничтожая с ходу подрывников и охрану. Мост был взят, путь на Фокшаны открыт. Город Текуч также был полностью очищен от врага. Последний приказ командира корпуса генерал-лейтенанта Алексева танкисты выполнили с честью.

ЭПИЛОГ

— **Н**астанет день, отгремят последние выстрелы в столице поверженного врага, где-то за круглым столом продиктуют побитой Германии условия мира и возмездия, и люди вздохнут облегченно: кончился кошмар войны и народных страданий. Захлопают двери на Украине и Кубани, в Сибири и на Урале, в Подмосковье и Астрахани, в Ташкенте и Кишиневе — во всех уголках земли нашей, и с трепетом и волнением переступят порог родного, отчего дома его защитники. И семьи бросятся к ним навстречу. Но уже никогда не вернется в свой дом на Урал генерал-лейтенант танковых войск Василий Михайлович Алексеев, не забьется в счастливых слезах у него на груди жена, не повиснут на отцовских руках его дети. Он погиб, погиб как герой, грудью и кровью своей добывая Победу. Но в час, когда залпы победного салюта прогремят над стра-

ной, в Славгороде и Тростянце, в Яготине и Гребенке, в Переяславле-Хмельницком и Бельцах, в тихой деревеньке Зарубинцы и в белой Умани — в сотнях городов и сел России, Украины и Молдавии встанут люди за праздничным столом и старший по возрасту — убеленный сединами дед, что с японской войны бережет солдатского Георгия, или мать, не сводящая глаз с вернувшегося сына, — назовет имя освободителя, имя человека, чьи танки огнем и железом карали убийц, имя нашего генерала, имя Василия Михайловича Алексеева.

— Он был прост, как солдат, и оттого, что жизнь прошел трудную и сам начинал с солдатского котелка да винтовки, он знал своих солдат, любил их, и бойцы любили его. Во имя Родины трижды пролил кровь свою генерал Алексей. И о смерти его узнают люди, узнают о том, что, жалея солдат, себя не жалел генерал и погиб на улицах Текуча, продвигая танки вперед, быстротой и маневром добывая Победу...

Так говорил над свежерытой могилой гвардии майор Кравец, провожая в последний путь своего генерала.

А спустя неделю в далекой Перми жена Алексеева, вытирая слезы, читала: «Уважаемая Александра Петровна! В боях за нашу социалистическую Родину 25 августа 1944 года в 11 часов 30 минут в румынском городе Текуч от рук немецко-румынских автоматчиков пал смертью храбрых командир 5-го гвардейского танкового Сталинградско-Киевского корпуса гвардии генерал-лейтенант танковых войск Алексей Василь Михайлович. Командование и боевые друзья Василия Михайловича доставили его тело и похоронили с воинскими почестями в г. Бельцы Молдавской ССР...»

Имя генерала Алексеева живо в сердцах его боевых друзей, в сердцах всех людей, чьи города и села освобождал он от немецко-фашистских захватчиков. Родина помнит его заслуги. Боевой путь генерала-воина отмечен орденом Ленина, четыре орденами Красного Знамени. Посмертно Алексееву присвоено звание Героя Советского Союза. Родина проявила заботу о детях Василия Михайловича. Дочь Валентина Васильевна Борщ, как и мечтал отец, стала врачом, сын Виктор Васильевич работает педагогом.

Чтят боевые традиции и людей, отдавших жизнь за счастье грядущих поколений, солдаты и офицеры — наследники боевой славы танкистов Великой Отечественной. Чтят память о генерале-воине и его земляки-уральцы.

Архив Министерства обороны СССР

- Ф. 400, оп. 3006, д. 2; оп. 9468, д. 11, 94.
Ф. 412, оп. 10282, д. 3, 5, 8, 10; оп. 10295, д. 3, 4, 8.
Ф. 5871, оп. 5689, д. 4, 13, 71, 73; оп. 5719, д. 56.
Ф. 425, оп. 10339, д. 52; оп. 10350, д. 2; оп. 10353, д. 11, 23.
Ф. 673, оп. 264951, д. 1; оп. 267382, д. 1, 2, 5, 6.
Ф. 667, оп. 14481, д. 5; оп. 49657, д. 4;
    оп. 75100, д. 1, 2; оп. 75106, д. 1;
    оп. 75111, д. 1; оп. 274874, д. 3;
    оп. 349343, д. 1; оп. 365745, д. 4.
Ф. 45, оп. 9472, д. 86.
Ф. 178, оп. 277688, д. 1.
Ф. 183, оп. 265309, д. 1.
Ф. 186, оп. 265310, д. 8.
Ф. 20, оп. 564571, д. 1.
Ф. 21, оп. 367257, д. 1; оп. 871580, д. 1.
Личные дела: оп. 175747, 565329, 641383 — Алексеев В. М.
    оп. 566693 — Лавриненко М. И.
    оп. 567014 — Нестеров С. К.

**Центральный государственный архив
Советской Армии**

- Ф. 34994, оп. 4561, д. 17, 19, 66, 69, 86.
Ф. 32209, д. 1.

Газеты войсковых соединений

- «За Родину!» — редактор Батавин Б. С. — август 1939 г.
«Защитник Родины» — редакторы Чекулаев Д. А., Костюков А. В. —
ноябрь 1941 г.
«За победу!» — редактор Болтин Н. А. — 1943 г.
«Сталинец» — редактор Логунов С. П. — 1944 г.
«Защитник Родины» — редактор Козлов И. — 1944 г.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—
1945 гг. Т. 1—4. М., 1960—1962.

- Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1970.
Г. Т. Завизион, П. А. Корнюшин. И на Тихом океане... Воен-
но-исторический очерк. М., 1967.
Р. Я. Малиновский. Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964.
Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957.
К. С. Москаленко. На Юго-Западном направлении. Воспоми-
нация командарма. М., 1969.

Н. П. Стороженко. Танки идут вперед. М., 1959.
Г. М. Уткин. Штурм «Восточного вала». М., 1967.
С. Ф. Шутов. Красные стрелы. М., 1963 г.

Воспоминания, материалы, письма

А. П. Алексеевой, А. М. Белова, М. Д. Божко, В. В. Борщ, Н. А. Забелина, Д. И. Заева, Е. А. Казанцева, А. Г. Кравченко, С. Е. Лобачева, В. Е. Михайлова, И. Д. Михайличенко, А. В. Моченовой, А. В. Новикова, Н. И. Работкина, Ф. Н. Ремезова, И. Ф. Рудакова, М. И. Савельева, Н. П. Стороженко, М. И. Тараненко, Г. Л. Туманяна, В. И. Филиппова, П. П. Чепкова, Я. А. Чернова, В. К. Шанина, М. К. Шапошникова, А. Ф. Шлипкина, С. Ф. Шутова.

Хлопков А., Шураев Н., Живков А. История боевого пути 10-го танкового корпуса. Рукопись. (Часть ее находится у автора.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРМЬ, 112-я ДИВИЗИЯ	6
ЗА КАВКАЗОМ	10
(Первое письмо В. К. Шанина)	10
Гроза разразилась	11
Миссия в Иране	12
На фронт бить фашистов	16
ПОД РОСТОВОМ	18
Оборона	18
Батальон в окружении. (Второе письмо В. К. Шанина)	28
В контрнаступлении	32
ПОД ХАРЬКОВОМ	36
Только вперед	36
«Заслуживает звания гвардейской»	43
МАЙСКИЕ СОБЫТИЯ НА БАРВЕНКОВСКОМ	
ВЫСТУПЕ	45
(Третье письмо В. К. Шанина)	45
Рассказывает П. П. Чепков	49
В госпитале	51
ВПЕРЕД, К ДНЕПРУ	56
10-й танковый	56
Встреча друзей	61
Даешь Днепр!	66
На Букринском плацдарме	76
И снова в бой	88
ПО ДОРОГАМ РУМЫНИИ	96
Трагедия на улицах Текуча	108
Эпилог	111
Источники и литература	113

Мялицын Иван Александрович

ТАНКИ ВЕЛ АЛЕКСЕЕВ

Зав. редакцией А. Шистеров

Редактор Т. Ключарева. Художник Е. Нестеров.
Художественный редактор М. А. Курушин. Технический редактор В. Чувашов. Корректоры И. Пархомовская, Л. Рубцова.

ИБ № 362

Сдано в набор 30.XI. 1977 г. Подписано в печать 27.I.1978 г. Формат тип. бум. № 2 60×84¹/₁₆. Бум. л. 3,625; печ. л. 7,25; усл.-печ. л. 6,74, уч.-изд. л. 6,988. ЛБ06012. Тираж 5000 экз. Цена 20 коп. Темплан 1978 г. Изд. № 64. Зак. 1416. Пермское книжное издательство. 614000, Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

М99 И. Мялицын.

Танки вел Алексеев. Серия «Замечательные люди Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1978.

114 с.

Очередная книга серии рассказывает об уроженце Пермской области Герое Советского Союза генерал-лейтенанте В. М. Алексееве.

М $\frac{20904-20}{M152(03)-78}$ 64—78

355С